

17
18

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

ОРГАН ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

С

№ 8-9

1
9
3
0

ИЗДАТЕЛЬСТВО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

ГОД
ИЗДАНИЯ
ВТОРОЙ

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

А
Л
А
Ж
У
Р
Н
А
Л
И
Ч
Е
С
К
И
Й
Е
Ж
Е
М
Е
С
Я
Ч
И

О Р Г А Н
ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

№ 8—9

1 9 3 0
М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

ИКА

*

ОБРАЩЕНИЕ ЦК ВКП(б)

Центральный Комитет партии обратился ко всем партийным, хозяйственным, профессиональным и комсомольским организациям с призывом мобилизовать все силы на борьбу за ликвидацию прорывов промфинплана текущего года, за большевистскую подготовку к выполнению напряженного плана приближающегося третьего года пятилетки.

Рассмотрение итогов последних двух лет показывает значительнейшие и превосходящие все наметки пятилетнего плана сдвиги в направлении к обобществлению сельского хозяйства, к превращению нашего Союза из аграрно-индустриальной в индустриально-аграрную страну.

Колхозное движение, охватившее в этом году впервые в отличие от прежних лет широчайшие пласты середнячества, в корне меняет социальную структуру нашей страны. Объединяя все более широкие массы простых товаропроизводителей в коллективных хозяйствах, в предприятиях социалистического типа, создавая этим предпосылки для ликвидации капиталистических элементов в сельском хозяйстве, для ликвидации кулачества как класса в районах сплошной коллективизации, колхозное движение все больше превращает нашу пятиукладную систему народного хозяйства в однородную систему социалистического типа. В этой перестройке нэповской России в Россию социалистическую огромное значение ее.

Только в этом свете можно правильно оценить то обстоятельство, что коллективный сектор сельского хозяйства охватывает в данное время 21,5—22% всех крестьянских хозяйств против 3,9% в 1929 г. Контрольные цифры 1929/1930 г. и еще больше пятилетний план, предусматривающий охват колхозами в последний год пятилетки около 14% всех крестьянских хозяйств, оказались далеко превзойденными.

Такое мощное развертывание колхозного движения могло получиться только на основе усиливающейся производственной смычки между социалистической индустрией и перестраивающимся на социалистический лад сельским хозяйством, на основе наступления на кулака, ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации, т. е. исключения возможности капиталистического пути развития сельского хозяйства, и наконец на основе показа преимуществ крупного социалистического предприятия перед раздробленным крестьянским хозяйством. Пятилетний план строительства совхозов уже сейчас перевыполнен. По сельскохозяйственному машиностроению наметки пятилетнего плана на последний год пятилетки (565 млн. рубл.) уже в 1930/1931 г. значительно превышаются (850 млн. руб.). Политика усиленного нажима на кулака, находящая свое отражение в налоговой практике (2,7% всех крестьянских хозяйств, облагаемых в индивидуальном порядке, платили 27,7% всех поступлений от сельскохозяй-

ственного налога), в практике заготовок и т. д., привела к полной изоляции кулачества. По всем этим вопросам ставки правых оппортунистов оказались битыми. Колхозное движение действительно оказалось надежной, столбовой дорогой к социализму.

По своему социальному содержанию колхозы 1930 г. гораздо больше приближаются к типу подлинно социалистического предприятия, чем когда-либо раньше. Степень обобществления в них основных средств производства гораздо выше, чем в предыдущие годы. За исключением засеянных еще в индивидуальном порядке озимых почти вся посевная площадь членов колхозов обобществлена. Почти полностью обобществлен рабочий скот, и даже продуктивный скот обобществлен на 34%.

Предприятие социалистического типа является крупным предприятием. Процесс коллективизации 1930 г. отличается значительным укрупнением отдельных колхозных предприятий. Наконец предприятия социалистического типа отличается повышенной производительностью труда. Действительно уже в этом году, когда колхозам еще пришлось преодолеть огромные последствия имевших место перегибов, неопытность в деле организации крупного социалистического земледелия, труд колхозников оказался значительно более производительным, чем труд единоличника. В разных районах страны повышение производительности благодаря коллективизации, сложению простого крестьянского инвентаря и в меньшей мере применению более совершенных видов средств производства достигает от 19 до 78%. Эти итоги первого года мощного развития колхозов говорят о наличии огромных резервов для ускорения темпов развития всей страны через коллективизацию сельского хозяйства.

Политика партии добивается быстреего развития колхозного движения, не дожидаясь пока промышленность даст достаточно тракторов и сложных машин для обработки всей колхозной земли этими орудиями производства. Практика этого года показала правильность этой линии и несостоятельность всех утверждений, что коллективизация не может быть произведена до тракторизации. Все же было бы глубоко неверным не понимать, что упрочение колхозов, что окончательная гарантия их дальнейшего развития по социалистическому пути создается только подведением соответствующей технической базы. Поэтому более быстрее, чем предполагалось в пятилетнем плане, развертывание колхозного движения требует более быстрых темпов развития сельскохозяйственного машиностроения и производства тракторов, а отсюда и других отраслей промышленного производства.

Успехи колхозного движения сказались уже на итогах сельскохозяйственного производства этого года. Зерновая проблема—в основном разрешена. Сырьевая база промышленности значительно расширена. Продукция хлопка увеличилась в этом году по сравнению с прошлым годом на 54%, продукция сахарной свеклы—на 153%. Решение в основном зерновой проблемы, более быстрее, чем предполагалось, строительство совхозов по всем отраслям сельского хозяйства и мощное развертывание коллективизации сельского хозяйства открывают, несмотря на все прорывы по этой линии, перспективы для быстрого восстановления животноводства, для мощного развития его. Имеющиеся зерновые ресурсы при правильной организации распределения их и правильном использовании других кормов позволят уже в 1932 г. восстановить те нормы потребления мяса и жиров, которые имелись в 1927/1928 г.

Достигнутый перелом в развитии сельского хозяйства открывает новые возможности и для промышленного производства. Отставание темпов развития сельского хозяйства от развития всего народного хозяйства было до сих пор сдерживающим моментом и для увеличения промышленной продукции. Отрасли, работающие на сельскохозяйственном сырье, увеличили свою продукцию за последние два года всего на 28%, в то время когда отрасли, работающие на промышленном сырье, дали рост своей продукции на 82%. Новые темпы развития сельского хозяйства меняют это положение. До очевидности ясна стала вредность противопоставления правыми развитие легкой индустрии форсированному разворачиванию отраслей, производящих средства производства. Именно, благодаря развитию производства средств производства, стали возможными имеющиеся темпы коллективизации, значительное расширение сырьевой базы, а следовательно, легкой индустрии. Без увеличения продукции сельскохозяйственного машиностроения за эти два года на 118%, без увеличения продукции отраслей, работающих в основной капитал промышленности, на 112%, без превышения наметок пятилетки по отраслям, производящим средства производства на 7%, — невозможно было бы преодолеть отставание сельского хозяйства. Только политика индустриализации, политика форсированного развития тяжелой индустрии делает возможными индустриальные темпы развития сельского хозяйства.

Если более быстрое, чем предполагалось в пятилетке, развитие социалистического сектора сельского хозяйства сделало необходимыми новые пропорции между отдельными отраслями промышленности и более быстрый, чем предполагалось, рост всей промышленности, то это ускорение темпов стало возможным благодаря использованию ряда скрытых раньше резервов, а главным образом благодаря мобилизации инициативы рабочих масс для проведения пятилетнего плана. Социалистическое соревнование, ударничество, далеко недостаточно еще использованная инициатива рабочих в деле рационализации производства являлись важнейшими методами этого ускорения. Только благодаря этим методам и только благодаря беспощадной борьбе со всякими стремлениями сдерживать развитие промышленности удалось открыть скрытые разными вредителями возможности развития, дать в первом году пятилетки 24-процентный рост производства вместо 22-процентного по пятилетке и поставить для второго года пятилетки вполне выполнимую задачу повышения продукции промышленности на 32%. Результаты первых двух лет пятилетки выдвинули лозунг выполнения пятилетки в 4 года и доказали реальность его. По ряду отраслей пятилетний план выполняется в $2\frac{1}{2}$ и в 3 года. При условии выполнения совершенно реального плана на особый квартал и предполагаемых наметок на 1931 г., четвертый год обеспечивает значительнейшее превышение предусмотренного в пятилетнем плане на последний год пятилетки уровня производства.

Наряду с мобилизацией важнейшей производительной силы, рабочего класса, наряду с мобилизацией энтузиазма рабочих масс для выполнения пятилетнего плана, значительное повышение капиталовложений по сравнению с пятилетним планом являлось важнейшей причиной превышения намеченных в пятилетке темпов развития. За истекших два года пятилетки промышленное строительство дало на 15% больше физического объема, чем предполагалось по пятилетнему плану. Огромные капи-

таловложения ближайшего отрезка времени обеспечивают значительное перевыполнение в 4 года физического объема строительства, предусмотренного на всю пятилетку. Ряд промышленных гигантов строится сверх плана, ряд других заканчивается раньше предусмотренного срока. Отсюда возможность новых, не предусмотренных и совершенно исключительных темпов роста промышленной продукции.

Это однако не означает, что у нас нет ряда серьезных затруднений, ряда прорывов, непреодоление которых являлось бы серьезной угрозой для всех наших планов. 24-процентный рост промышленной продукции за 1929/1930 г. значительно превышает то, что ожидалось по пятилетнему плану. Однако этого недостаточно. Новые классовые соотношения, необходимость подведения новой технической базы под социалистические предприятия в сельском хозяйстве делают выполнение более высоких заданий контрольных цифр, 32-процентный рост продукции минимально необходимым условием для избежания серьезных прорывов. Между тем отставания от плана имеют место по ответственным отраслям промышленности; общее машиностроение и сельскохозяйственное машиностроение, угольное хозяйство и металлургия далеко недостаточно выполнили свой долг. Один Донбасс не додал стране за первые 11 месяцев этого года $2\frac{1}{2}$ млн. тонн. Топливный баланс страны, в связи с этим невыполнением плана, в связи с невыполнением заданий по снижению норм расхода топлива, является исключительно напряженным. Отставание от плана выплавки чугуна делает еще более напряженным баланс металла. Легкая индустрия значительно невыполнила свой план и это наряду с огромным ростом платежеспособного спроса, объясняющегося ростом всего народного хозяйства, создало значительные затруднения в балансе спроса и предложения. Качественные задания контрольных цифр значительно невыполнены. Недостаточное увеличение производительности труда, недостаточная экономия сырья и топлива привели к невыполнению плана снижения себестоимости промышленного производства (6,5—6,6 % вместо предполагаемых 11 %). Отсюда прорыв в финплане на несколько сот миллионов рублей. В области сельского хозяйства мы имеем, наряду с быстрыми темпами развития полеводческой продукции, отрицательные процессы в области животноводства. В целях социальной мимикрии кулак прибегнул к уничтожению своего скота. Во время перегибов в деле коллективизации сельского хозяйства эта тенденция охватила гораздо более широкие круги крестьянства. Наряду с недостатком кормов в ряде важнейших районов это привело к серьезному сокращению стада. Недостаток животноводческих продуктов и связанные с ним затруднения в деле снабжения рабочих районов продовольствием усугубляют отрицательные явления, которые имеют место в области труда. Быстрый рост промышленности, огромное разрывывание строительства, мощная волна коллективизации,—все это приводит к относительному недостатку рабочей силы. Недостаточно умелая организация распределения рабочей силы и снабжения рабочих углубляет этот относительный недостаток. В связи с этим текущая рабочая сила принимает угрожающие размеры. Ею объясняется в большой мере невыполнение планов добычи угля и выплавки металла, невыполнение заданий по повышению производительности труда, невыполнение задачи улучшения и зачастую ухудшение качества промышленной продукции, и т. д. и т. д. Борьба с текучестью, борьба за закрепление рабочей силы за отдельными предприятиями

и постройками, борьба за лучшую организацию снабжения является необходимым условием для выполнения высоких заданий плана.

Говорят ли все эти прорывы о нереальности, о непосильности взятых темпов, о том, что промышленность действительно не могла больше давать, чем 24% повышения своей выработки? Отнюдь нет. Достаточно учесть неиспользованные резервы в самом производственном аппарате промышленности, чтобы убедиться в этом. В Донбассе врубковые машины используются таким образом, что свыше 37% рабочего времени падает на устранимые потери. Цикличность врубковых машин достигает всего 16,5 вместо предусмотренных по плану, отнюдь не максимальных 24. Коэффициент использования доменных печей составляет 1,54 вместо 1,43 по плану. Сменность при имеющемся недостатке оборудования далеко недостаточна и может быть значительно увеличена. Социалистическое соревнование, охватившее основные кадры рабочих, далеко недостаточно хорошо организовано. Не всегда объекты соревнования и учет результатов его достаточно ясно установлены, а этим объясняется, что соревнование зачастую происходит впустую. Незначительно пока мобилизована инициатива рабочих для рационализации производственных процессов. На первом этапе социалистическое соревнование на большинстве предприятий отличается именно тем, что оно дает повышение интенсивности труда, но недостаточно изменяет, недостаточно рационализирует самый производственный процесс. Некомплектность снабжения нашего строительства стройматериалами приводит к тому, что дефицит стройматериалов становится сдерживающим моментом уже тогда, когда он еще не должен был бы быть таковым.

Обращение Центрального комитета призывает рабочий класс к борьбе против неорганизованности, расхлябанности, косности. Обращение Центрального комитета призывает к наилучшему использованию нового метода форсирования производства и строительства, встречного промфинплана для выявления всех еще скрытых резервов, для обезвреживания вредительских элементов, для повышения производительности труда, для рационализации производства, для улучшения качества продукции.

Обращение Центрального комитета мобилизует рабочие массы к бою за преодоление прорывов в выполнении промфинплана истекшего года. Преодоление имеющихся прорывов и взятие максимальных темпов развертывания производства в особом квартале должны создать базу для еще более высоких заданий 1931 г. Этого плана на 1931 г. пока еще нет. Все же предполагавшиеся раньше на 1930/1931 г. задания дают общий характер этого плана. Они же требовали увеличения промышленной продукции на 50%, т. е. на столько же, сколько было всего произведено в 1913 г., добычи 73,5 млн. т угля, выплавки 7,5 млн. т чугуна, продукции машин на 2½ млрд. руб., сельскохозяйственных машин на 845 млн. руб., капиталовложений в промышленное строительство на 5½ млрд. руб. и т. д. и т. д. Только мощное развитие социалистического соревнования, использование его не только для повышения интенсивности труда, но и для выявления всех производственных резервов, для рационализации производственного процесса, только широкое внедрение методов встречного промфинплана обеспечивают выполнение этих задач.

Обращение Центрального комитета адресовано не только к рабочим на производстве. Для успешного выполнения поставленных в этом обращении задач должны быть мобилизованы все рычаги пла-

новой и хозяйственной системы, все возможности научной работы. В этой связи перед партийной экономической мыслью стоит ряд ответственных задач.

Партийная экономическая мысль еще недостаточно близко подошла к разрешению задачи выработки марксистско-ленинской теории планирования. Между тем правильной ориентировкой в области планирования теоретическая мысль может значительно помочь в самом выполнении плана. Недостаточно энергично еще происходит разработка отдельных проблем конкретной экономики. Только отсутствием или недостаточностью этой работы над проблемами планирования, над конкретными вопросами всех отраслей народного хозяйства объясняется тот факт, что вредительские элементы могли так долго играть такую значительную роль в деле планирования народного хозяйства. Мобилизация теоретической мысли на решение актуальных проблем конкретной экономики, на работу по теории и практике планирования должна оказать огромное влияние на выявление новых резервов, на облегчение стоящих перед народным хозяйством задач, на дальнейшее ускорение темпов. В этой связи следует подчеркнуть необходимость более тесного союза между экономической и технической мыслью, союза, направленного на максимальное возможное использование всех ресурсов, на максимальное ускорение социалистического переустройства всего народного хозяйства.

Наконец, нельзя ни на одну минуту забывать о важнейшей задаче, четко указанной в обращении Центрального комитета. Условия капиталистического окружения и давления на пролетариат со стороны враждебных классов, в частности кулачества, к ликвидации которого пролетарская диктатура приступила, серьезные трудности всего строительства, являются питательной средой правого уклона. Борьба против всяких проявлений уклонов от генеральной линии партии, особенно против правого уклона, главной опасности на данном этапе, против всякого проникновения чуждых влияний в среду пролетариата, влияний, ставящих себе цель замедление темпов, обезоружение пролетариата, отказ его от ответственных задач по социалистической перестройке всей общественной системе нашего Союза, является важнейшей задачей на теоретическом фронте.

Марксистско-ленинская теория является теорией действия. Участие в великом действии пролетариата, в его тяжелых боях за максимально быстрое выполнение поставленных перед ним задач, является важнейшим долгом партийной теоретической мысли. Только выполняя этот долг, она внесет свою долю в великое дело строительства социализма.

И. РУБИНШТЕЙН

МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС И БОРЬБА РАБОЧЕГО КЛАССА.

Все международное положение находится в настоящее время под знаком неуклонно растущего мирового экономического кризиса капитализма. Этот рост был за последние месяцы настолько стремителен по размаху, широте охвата, интенсивности проявлений, что он целиком и полностью перекрыл воздействие обычного сезонного оживления. Несмотря на разгар сезонных работ в сельском хозяйстве и строительстве, безработица в ряде важнейших капиталистических стран продолжает нарастать.

В июле 1930 г. число безработных в Англии было, по официальным данным, на 900 000 больше, чем в июле прошлого года, достигнув двух миллионов. В Германии число зарегистрированных на биржах труда в июле было на 1 300 000 выше июля 1929 г., составив 2 770 тыс. В США индекс числа занятых рабочих был в июне 1930 г. на 12% ниже июня 1929 г., т. е. за этот год было вытеснено только из промышленности около 1 $\frac{1}{2}$ миллиона рабочих. Таково же положение и во всех других капиталистических странах. Притом все эти официальные цифры не учитывают громадных масс безработных, снятых с учета бирж труда, лишенных пособий и таким образом выпадающих из поля зрения буржуазной статистики.

Совершенно несомненно, уже в настоящее время, что осенью и зимой 1930/1931 г. безработица даст новый резкий скачек вверх и достигнет совершенно небывалых размеров.

В 1930 г. стремительно покатались вниз цифры промышленной продукции. Так, в Соединенных штатах индекс „Анналиста“ в мае 1930 г. снизился до 88,8 против 108,8 в мае 1929 г., т. е. сократился на 17%. В Германии сокращение объема промышленной продукции за первую половину 1930 г. оценивается („Wirtschaftskurve d. Frankf. Zng.“) в 25%. Почти таким же было снижение за тот же период в основных отраслях производства Англии, где воздействия мирового экономического кризиса дают себя знать с особенной резкостью. Такое же снижение имело место и в других капиталистических странах. Только Франции удается покамест проходить медленный „спуск на тормозах“, который однако постепенно получает все большее ускорение.

Во всех уголках капиталистического мира заводы, фабрики и шахты закрываются или переходят на сокращенную неделю, машины останавливаются, рабочие выбрасываются на улицу.

Мировые цены основных продуктов промышленного и сельскохозяйственного сырья с нарастающей быстротой покатались вниз, несмотря на отчаянные усилия картелей и трестов удержать их. В июле 1930 г. ряд оптовых товарных цен (пшеница, рожь, овес, ячмень, жиры,

сахар, какао, кофе, копра, медь, олово, цинк, свинец, серебро, кожи, хлопок, конопля, джут, каучук, нефть и многие другие) опустились ниже (во многих случаях значительно ниже) уровня 1913 г. За первую половину 1930 г. снижение составляло в среднем 30—50%. В то же время цены готовых фабрикатов и розничные цены концентрированному капиталу удается еще удерживать на прежнем высоком уровне, обеспечивая таким путем сохранение громадных сверхприбылей за счет широких масс потребителей. В то же время снижение оптовых цен на с.-х. продукты приводит к массовому разорению мелкого крестьянства, к резкому углублению мирового аграрного кризиса, к подлинной хозяйственной катастрофе в ряде колониальных стран.

Таким образом концентрированный капитал сохраняет свои прибыли за счет еще большего расширения сферы кризиса, его углубления и затягивания. К таким же результатам приводит новая волна наступления капитала на зарплату и условия труда рабочего класса.

Уже в настоящее время наступление капитала на условия труда работающих, на пособия безработных, на остатки правовых завоеваний первого послевоенного периода, на подлинно классовые рабочие организации и, в первую очередь, на коммунистические партии и революционное профдвижение получает все бóльшую широту и интенсивность. Оно разворачивается в ряде стран в бешеное наступление всеми средствами и методами, в международный „крестовый поход капитала против человеческого образа жизни рабочих“.

В то же время этот поход встречает отчаянный отпор рабочих масс, не ограничивающихся обороной, а переходящих в контрнаступление, не могущих и не желающих отступать и безответно переносить дальнейшее снижение своего и так полуголодного жизненного уровня. Этот отпор прорывается в стихийных стачках, в выступлениях и демонстрациях безработных, в колониальных восстаниях, перекидывающихся из одной страны в другую. Все эти выступления являются лишь первыми авангардными стычками подымающейся волны классовых боев, неизбежно вырастающей из следствий экономического кризиса, наступления капитала, новой волны капиталистической рационализации, безработицы, разорения и обнищания масс.

Кризис с необычайной наглядностью показывает миллионам рабочих и крестьян, что капитализм (включая и мощный американский капитализм), как писал Ленин в ответ на вопросы американского журналиста: „дозрел и перезрел. Он пережил себя, он стал реакционнейшей задержкой человеческого развития. Он свелся к всевластию горстки миллиардеров и миллионеров, толкающих народы на бойню“¹. Миллионы трудящихся убеждаются в этом не из книжек и речей, а из собственного жизненного опыта. Этот опыт толкает их к революционной классовой борьбе, как единственному выходу из тупика, толкает несмотря на все попытки буржуазии и ее лучших помощников в этом деле—социал-фашистов помешать стихийному выступлению миллионов.

Как писал Энгельс в письме к Марксу от 24/IX 1852 г.—„Рабочие (французские—*М. Р.*) повидимому après tout совершенно обуржуазились по причине теперешнего prosperity и в надежде на будущую gloire de l'empire. Потребуется жестокая школа кризисов, чтобы сделать их вскоре опять способными на что-нибудь...“

¹ Ленин, т. XVI, с. 286—287.

... Когда придет кризис, здесь будет недурно, и надо только пожелать, чтобы он затянулся еще немного и превратился в такую же хроническую болезнь с острыми припадками, как это было в 1837—1842 гг.“ Эта „хроническая болезнь с острыми припадками“ охватила в настоящее время весь капиталистический мир. Притом нынешний „припадок“, небывалый по своей остроте во всей истории капитализма, поражает уже не молодой и растущий капиталистический организм, а старческий, дряхлый и умирающий.

Развитие мирового экономического кризиса было не только сокрушительным ударом по всевозможным теориям капиталистического „процветания“ и бескризисного развития, по всем вариантам теории „организованного капитализма“, но также ярким выявлением банкротства буржуазной экономической науки в целом. Среди буржуазных экономистов всех стран первые раскаты кризиса вызвали полнейшую беспомощность, растерянность и разброд. Одни оценки и предсказания сменялись другими, неизменно попадая пальцем в небо. Мрачное уныние перемежалось с напускным оптимизмом, для успокоения „публики“. Сначала буржуазная экономическая наука всячески пыталась отрицать кризис, затушевывать его первые проявления, уверить массы, что все это лишь кратковременная заминка, стечение досадных „недоразумений“, которые не затрагивают основ капиталистической экономики. В настоящее время отрицать кризис уже нельзя. Этому никто не поверит, так как факты—слишком упрямая вещь, а в особенности факты, которые так больно и непосредственно отражаются на положении миллионов.

В настоящее время о кризисе кричит вся буржуазная пресса на всех языках мира. Приведем лишь пару характерных примеров.

Даже либеральная „Vossische Zeitung“ вынуждена (в июне 1930 г.) дать следующую характеристику мирового экономического положения:

„Во всех культурных странах миллионы не имеют работы и не могут удовлетворить самые скромные жизненные потребности. В то же время в Соед. штатах и Канаде лежат в элеваторах 6 миллионов тонн пшеницы, а в Ла-Плате новый урожай не может быть продан. Слишком много хлеба в мире и все же миллионы голодают. Куба задыхается в запасах сахара, Бразилия—в кофе, Япония—в шелке, Голландская Индия—в каучуке, Австралия—в шерсти, Румыния—в ячмене, Новая Зеландия—в масле. У шахт вздымаются гигантскими горами уголь, для которого не знают как найти применение. Хлопковый рынок стагнирует, как никогда прежде. Во всех фабриках мира ежедневно новые массы рабочих получают последний конверт с зарплатой и исключаются из перегретого процесса национального производства.

Капитал уже не обращается свободно в мировом хозяйстве. Он не создает новых возможностей работы; он рационализирует, концентрирует, картелирует, поддерживает гнилое и снабжает займами бессмысленные избытки для того, чтобы бессмысленность всего аппарата возможно дольше оставалась деловой тайной заседаний директоров. Деньги стали дешевы на короткие сроки, но остаются дорогими, если их надо вложить на долгие сроки для полезной работы. Капитал не пульсирует больше, как молодой поток крови, по всем сосудам мирового хозяйства, а нерешительно собирается в клейкие комки в голове, пораженной водянкой. Биржевые магнаты возбудимы, как тигры и трусливее, чем зайцы. Бледные и напуганные вылезают

они из своих лимузинов и их улыбки показывают лишь мистическую веру в исторически predeterminedенные приливы и отливы конъюнктуры, которая убаюкивает к успокаивающим снам, как волны океана. Но затем пробуждение, великсе reveille. Дипломаты сидят у зеленых столов, обильно снабженные заботами и инструкциями. Конгрессы и конференции следуют друг за другом так быстро, что еле остается время проветрить залы. Резолюции принимаются, протоколируются и санкционируются, пыльные „дела“ воздвигаются горами, чуть ли не выше, чем горы угля у шахт... Вырастающие все выше таможенные стены ведут к таможенным войнам, с потерями для победителей и побежденных, как и открытая война, и в то же время готовят для нее путь. Когда орудия насилия государства пускаются в ход в экономической борьбе против другого государства, достаточно ошибочного (?) нажима политического руководства, чтобы загрохотали пушки и разбили вдребезги все, что кричит об органическом строительстве“.

В ответ на попытки прессы прикрыть развитие кризиса всевозможными благозвучными терминами (депрессия, рецессия и т. п.) американский корреспондент той же „Vossische Zeitung“, Левинсон, пишет: „Кризис—об этом в Америке говорят неохотно. Это такое отвратительное слово. Здесь имеется свой словарь, в котором мы найдем самое большое—термин „депрессия“. Это звучит элегантнее, приятнее. Но отягощенный традициями европеец, который ищет понятный, находит в этом лишь новое слово для давно знакомого понятия. Он вспоминает—все точно так, как было раньше—биржевой кризис, финансовый и кредитный кризис, промышленный кризис, сокращение индекса продукции на $\frac{1}{3}$, кризис сельского хозяйства. Не поддающиеся продаже запасы нарастают—хлопка с лета прошлого года в четыре раза, меди в три раза, все промышленные запасы на 25%.

Волна расходится все дальше. Громаднейшие денежные средства замерзли в запасах и выбрасываются на поддержку цен. Цены тем не менее упали до самого низкого уровня; с 1922 г. фирмы лопаются явно или скрыто, заводы закрываются. Безработица не сосчитана. Но она видна на каждой из унылых улиц окраин. Называйте это кризисом, называйте депрессией—название звук и дым“.

При этом характерно, что Левинсон все ждет от Америки „новых хозяйственных чудес“. Как он пишет, „кризисы—заразная болезнь. Они регулярно облетают кругом всю землю“ (теперь уже не всю—М. Р.). Только теперь Америка покажет, действительно ли она может произвести чудо и преодолевать кризисы. Этот эксперимент (Гувера) не менее важен, чем русский эксперимент“. Уж подлинно—„блажен, кто верует“.

Июльский обзор „Вестминстерского банка“ с некоторым злорадством посвящает свою передовицу тому факту, что застойный английский кризис уже не является исключением. Он пишет:

„Выдающимся экономическим фактом последних 12 месяцев было быстрое и неумолимое распространение депрессии (кризис ведь такое некрасивое слово!—М. Р.), которая расплзлась как раковая опухоль почти по всей обитаемой поверхности земного шара. Год тому назад экономисты, промышленники и политики были озадачены зрелищем застоя британской промышленности, в то время как процветание господствовало в Соед. штатах и Франции, а положение в ряде других стран было сносным. Охотники за лекарствами посвящали свои работы главным образом открытию какого-либо временного стимула,

который мог бы пустить застывшие колеса британской индустрии в движение, которое затем сможет поддерживаться и даже ускоряться естественным развитием мировой торговли. Теперь такое отношение к нашим внутренним проблемам невозможно. Великобританию нельзя больше рассматривать, как больного члена в здоровой семье. Вся семья народов экономически больна, и Британия, более зависящая от международной торговли, чем любое другое государство, должна была выявить самые ядовитые симптомы этой чрезвычайно заразной эпидемии“.

Таких примеров можно привести сотни. Буржуазные экономисты в той или иной форме вынуждены признать наличие и быстрое нарастание мирового экономического кризиса капитализма.

Но в то же время объяснить кризис, дать анализ его причин и характера, прогноз хотя бы ближайших перспектив развития буржуазная экономическая наука абсолютно не в состоянии. Кризис кажется ей каким-то бунтом слепых сил природы, сокрушительным ураганом, сметающим все со своего пути. Она бессильно следит за раскатами грозы, потрясающей капиталистический мир, тревожно крестится и пытается найти утешение в вере. А вот как-нибудь обойдется и постепенно все придет в обычное русло.

Иначе относятся к кризису „хозяева“. Для них пока—самое главное—крепче зажать в тиски рабочий класс, разгромить революционное рабочее движение, мобилизовать все силы против Советского Союза. Этими несложными рецептами предлагается, если не преодолеть кризис, то хотя бы дать возможность капиталу „отсидеться и переждать стихийный шквал“.

Только Коммунистический Интернационал, с помощью подлинно марксистско-ленинского анализа, еще во время апогея призрачного „процветания“ предсказал приближение нового кризиса, нового циклического провала в лихорадочной кривой послевоенного умирающего капитализма.

При этом характерно, что и все оппортунистические группы как правые, так и якобы левые, как исключенные из компартии, так и оставшиеся еще тогда в Коминтерне, как раз на этом вопросе сплотились и провалились с особенной наглядностью.

XVI съезд ВКП(б), происходивший в период, когда волны кризиса уже охватили весь капиталистический мир, дал совершенно ясный, точный и четкий анализ причин нового мирового кризиса капитализма, его характера, особенностей и неизбежных следствий.

Тов. Сталин в своем докладе показал, что нарастающий кризис является подлинно мировым, всеобщим экономическим кризисом капитализма, охватывающим промышленность и сельское хозяйство, поражающим (хоть и в разное время и с различной силой) все страны и отрасли хозяйства. Он вскрыл характер этого кризиса, как кризиса перепроизводства, его особенности, создаваемые условиями монополистического капитализма и развертыванием нынешнего кризиса на базе общего послевоенного кризиса всей капиталистической системы. Все эти условия приводят к тому, что „нынешний экономический кризис является самым серьезным и самым глубоким кризисом из всех существовавших до сих пор мировых экономических кризисов“ (Сталин). Съезд дал четкий анализ следствий кризиса, неизбежно приводящих к резкому обострению всех противоречий современного капитализма. Мало того, съезд, как это неизбежно вытекает из подлинно-научного, а потому всегда жи-

вого, действенного учения Маркса и Ленина, сделал из анализа практические выводы, поставил перед Советским Союзом и Коммунистическим Интернационалом ряд конкретных задач.

Нарастание мирового кризиса приводит к резкому обострению противоречий СССР с окружающим капиталистическим миром. Уже самый тот факт, что СССР является единственным исключением из общей картины состояния мирового хозяйства, что волны кризиса бессильно останавливаются у его границы; мало того, что как раз в то время, когда кривая капиталистического развития резко переломилась вниз, Советский Союз находится на крутом подъеме хозяйственного строительства, этот факт вызывает бешеную ненависть буржуазии. Вызывает потому, что руководящие круги мирового капитала отлично сознают, какое гигантское революционизирующее влияние оказывает эта „исключительность“ Советского Союза на широчайшие массы трудящихся.

Простое и ясное сопоставление положения „у них и у нас“, сделанное в докладе т. Сталина, основные непреложные факты и тенденции развития, с одной стороны, в охваченном судорогами кризиса капиталистическом мире, с другой,—в стране строящегося социализма доходят до сознания каждого рабочего, действуют сильнее всяких отвлеченных рассуждений.

Буржуазия отлично сознает это и поэтому все чаще отодвигает на задний план даже свои ближайшие экономические интересы, требующие расширения торговых связей, и авантюристических провокационными выходками пытается сорвать советскую внешнюю торговлю. Она вопит о грозной опасности советского экспорта, об угрозе самому существованию капитализма при осуществлении пятилетки, наконец, она всеми средствами и методами проводит лихорадочную подготовительную работу для новой войны против СССР.

Советский Союз отвечает на эту подготовку, с одной стороны, неуклонным продолжением политики мира, с другой,—еще большим подъемом социалистического строительства, развития промышленности, перестройки сельского хозяйства, укрепления Красной армии. В обстановке нового мирового кризиса капитализма успехи социалистического строительства в СССР получают значение революционного фактора небывалой силы. Их непосредственное воздействие и резонанс охватывают все страны мира—от империалистических гигантов до отдаленнейших колоний. Каждый новый завод, шахта, железная дорога, совхоз, колхоз или тракторная станция являются новым подкреплением сил международной революции.

В связи с этим гигантские задачи, поставленные съездом в области социалистического строительства в городе и деревне, получают значение международного фактора величайшей силы.

Мы не останавливаемся в данной статье на глубоких сдвигах, которые вносит мировой экономический кризис в постановку, вернее в пути и темпы осуществления проблемы „догнать и перегнать“.

Задачи, выдвинутые XVI съездом перед Коммунистическим Интернационалом так же непосредственно вытекают из углубления мирового экономического кризиса капитализма.

Они сводятся в основном к необходимости для всех секций Коминтерна правильно учитывать происходящую в результате кризиса перегруппировку сил, руководить контраступлением пролетариата и готовиться к неизбежности перерастания в отдельных странах экономического кризиса в политический.

Основная задача Коминтерна в период нарастания кризиса—усиленная, концентрированная работа в массах, борьба за большинство рабочего класса, преодоление диспропорции между ростом политического влияния компартии и отставанием его организационного закрепления.

Для осуществления этих задач необходима такая же непримиримая борьба на два фронта в Коминтерне, как и в ВКП(б), борьба против правого оппортунизма, как главной опасности (особенно в период кризиса), и „левого“ фразерства, мешающего мобилизации масс и этим содействующего правым. Кризис требует от компартии усиления борьбы с социал-фашизмом и особенно его „левой“ разновидностью. Социал-фашисты в период кризиса—лучшие помощники буржуазии, напрягающие все усилия, чтобы дать ей возможность выйти из потрясений за счет широких масс трудящихся.

Величайшей задачей компартий в связи с кризисом является подготовка масс к борьбе против стремительно нарастающей военной опасности. Как писал Ленин, „это вопрос жизни и смерти миллионов людей. Это вопрос о том, будет ли в следующей на наших глазах подготовляемой буржуазией, на наших глазах вырастающей из капитализма, империалистической войне перебито 20 миллионов человек (вместо 10 миллионов, убитых в войне 1914—1918 годов, с дополняющими ее „мелкими“ войнами, не козченными и по сей час), будет ли в этой неизбежной (если сохранится капитализм) грядущей войне искалечено 60 миллионов (вместо искалеченных в 1914—1918 годах 30 миллионов)... И все яснее, все отчетливее, все неотвратимее встает перед миллионами и миллионами думающих о причинах вчерашней войны и о надвигающейся завтрашней войне людей грозная правда: нельзя вырваться из империалистической войны, из порождающего ее неизбежно империалистического мира (если бы у нас было старое правописание, я бы написал здесь два слова „мира“, в обоих их значениях), нельзя вырваться из этого ада иначе, как большевистской борьбой и большевистской революцией“².

Эти слова Ленина встают сейчас перед миллионами трудящихся с особенной остротой и реальностью. И перед компартиями становится во всем ее значении задача—не дать событиям застать пролетариат врасплох.

Наконец, столь же важной задачей Коминтерна в связи с нарастающим кризисом является руководство бурно растущим национально-революционным движением в колониях. Мировой экономический кризис, в первую очередь аграрный кризис, ударил по колониальным странам с особенной силой. Стремительное падение сырьевых цен, массовое разорение миллионов крестьян, небывалое усиление давления империализма вызывают стихийные выступления масс во всех колониальных странах.

Влить их в общий поток международной борьбы против капитализма, увязать с борьбой пролетариата в империалистических странах, оплодотворить сознательной целью—такова историческая задача компартий, требующая именно теперь, в период мирового кризиса, решительных действий. Уже краткий период после XVI съезда дал ряд новых доказательств правильности линии, намеченной съездом. Мы уже отмечали дальнейшее развитие и углубление кризиса.

1 августа во всех центрах капиталистического мира сотни тысяч рабочих вышли на улицу, несмотря на жесточайший полицейский

² Ленин, т. XVIII, с. 368.

террор, чтобы продемонстрировать свою готовность к беззаветной борьбе против надвигающихся новых империалистических войн.

Дальнейшее резкое углубление экономического кризиса в Германии привело к ряду политических осложнений и перегруппировок сил буржуазии, вызвавших роспуск рейхстага—одну из первых „трещин в политике господствующего класса“.

Волны национально-революционной борьбы в колониях перекачиваются из одной страны в другую. Вслед за Индией они поднимаются все выше в Индо-Китае и Египте.

На новом подъеме находится китайская революция, которой еще так недавно оппортунисты всех мастей пророчили замирание на много лет. Рост и успехи красных армий, временное занятие Чанша и выход в долину Яндзы знаменуют собой новый этап революции, обретающей новую силу и опыт в прежних поражениях. Пролетарское „соло“ встречает поддержку многомиллионного крестьянского хора, и этот союз не могут разбить ни армии Чан Кай-ши, ни военные суда империалистов.

Маленькая, почти не отмеченная нашей прессой международная негритянская конференция в Гамбурге знаменует собой начало пробуждения новых миллионов трудящихся, эксплуатируемых вдвойне, открыто подготовляемых к роли пушечного мяса в будущих войнах.

Наконец, состоявшийся 1930 г. в августе V конгресс Профинтерна явится новым шагом для выработки правильных методов организации масс, руководства их экономической борьбой, завоевания их на сторону коммунизма.

Удары кризиса все с большей ясностью показывают массам, что „частно-хозяйственные и частно-собственнические отношения составляют оболочку, которая уже не соответствует содержанию, которая неизбежно должна гнить, если искусственно оттягивать ее устранение,—которая может оставаться в гниющем состоянии сравнительно долгое (на худой конец, если излечение от оппортунистического нарыва затянется) время, но которая все же неизбежно будет устранена“⁸.

Успехи социалистического строительства в СССР, подъем революционного рабочего движения в странах империализма и национально-революционной борьбы в колониях наносят этой „оболочке“ сильнейшие прорывы.

Впереди еще громаднейшие трудности, ожесточенная борьба, бои, в которых неизбежны отдельные поражения и отступления. Но несмотря ни на какие препятствия, мировая пролетарская революция идет вперед, и никакие силы в мире не смогут остановить ее нарастание.

⁸ Ленин, т. XIX, с. 174.

ВТОРОЙ МИРОВОЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС В БЕРЛИНЕ

С 16 по 26 июня с.г. в Берлине происходил 2-й Мировой энергетический конгресс. 1-й конгресс был в 1924 г. в Лондоне.

Организация мировых объединений по энергетике с периодическими съездами никак не может быть объяснена случайностью или желанием отдельных лиц.

Производство капиталистических стран при индустриализации и механизации поглощает все большее и большее количество топлива и требует все больших и больших количеств механической энергии. Процесс усиления механизации поставил вопросы энергетике во главу угла современного развития производства. Вслед за послевоенной депрессией период капиталистической стабилизации—с рационализаторскими мероприятиями, с постановкой целого ряда производств на новую техническую основу при применении конвейера, при внедрении электрохимии и электрометаллургии—выдвинул вперед особое значение энергетического хозяйства. Энергетика XX в. выступила как великий реконструктор во всех областях производства.

Развитие выработки и потребления энергии поставило ряд стран перед угрозой чрезвычайно быстрого истощения запасов топлива и заставило обратить особое внимание на вопросы изучения энергетических ресурсов и более экономного и целесообразного их использования. Овладение техникой передачи энергии на расстояние по проводам дало возможность строить производство вне непосредственной близости от генерирующих энергию машин, что обеспечило утилизацию в широком масштабе водных сил. Последние десятилетия характеризуются чрезвычайно бурным темпом развития гидроэлектростанций. Развивающаяся металлургия поглощает все большие и большие количества высокосортных углей. Энергетика включила в свое использование бурые и другие низкосортные угли. Размеры угледобычи в передовых капиталистических странах достигают огромных величин. Угледобыча механизирована, реконструируется. Мировой рынок наводнен дешевым углем. Конкурентная борьба за рынки сбыта и одновременная угроза истощения запасов заставляют уделять проблеме угля все большее и большее внимание.

Развитие авиации, автомобилизма и трактора, предъявляя возрастающие требования на благородное жидкое топливо, чрезвычайно обострило борьбу капиталистических стран за нефть. Нефть стала драгоценнейшим материалом, который в целом ряде случаев определяет международную политику крупных капиталистических держав.

Все это вместе взятое в чрезвычайной мере возбудило интерес к запасам энергии как в виде топлива, так и в виде других источников.

1-й Мировой энергетический конгресс и занимался главным образом изучением и подведением итогов запасов источников энергии во всем мире. Этот съезд был созван в Лондоне по инициативе англичан.

Английская инициатива в данном случае тоже не является случайностью. Послевоенная Англия находится в условиях особенно обостренного кризиса. Англия, эта еще недавняя поставщица угля для всего мира, переживает затяжной кризис угольной промышленности. Высокосортные, неглубоко залегающие, прекрасно географически расположенные, но архаическими методами добываемые английские угли не в состоянии дольше выдерживать конкурентную борьбу.

Тов. Вейц, характеризует положение Великобритании в отношении каменноугольной промышленности, пишет:

„... хотя количественно английские угольные центры занимают шестое место, но удельный вес их в мировом хозяйстве... значительно более высок. Этому в значительной степени способствует географическое распределение месторождений Англии... Непосредственное примыкание к морю северного и западного угольных районов, точно так же как и целый ряд других благоприятствующих условий как-то: высокое качество углей, не столь значительная глубина залегания—создали значительные преимущества для развития этих районов. Но „токи послевоенного экспорта Англии значительно сжались как вследствие того, что за военный период многие хозяйственные комплексы либо приспособили свою промышленность к другим энергетическим элементам, либо начали разработку собственных угольных месторождений, так и в результате выхода Соединенных штатов на международный угольный рынок“¹.

Старая Англия благодаря целому ряду преимуществ—большим запасам, выгодному залеганию углей, а также своему удобному географическому положению—занимала господствующее мировое положение. В дальнейшей конкурентной борьбе с другими капиталистическими странами, главным образом с Германией и с Америкой, благодаря более быстрому темпу развития индустрии в этих странах и применению ими новейших наиболее рациональных методов производства, преимущества Англии обернулись против нее.

Людвел Денни по этому поводу справедливо замечает:

„Правда, у Англии остается ее уголь, но на этой основе она не может построить новой экономической империи. На базе одного угля она не может сохранить даже ту империю, которая уже создана. Этот уголь превратился для нее в бремя. Он является главным источником безработицы. Он служит препятствием той модернизации индустрии, от которой зависит ее будущее в международном соревновании“² (разрядка моя—Ю. Ф.).

Для того чтобы Англии выйти из кризиса, ей нужно обеспечить твердые и прочные рынки сбыта для своего угля. Для этого необходимо прежде всего, чтобы уголь был дешев, мог конкурировать с углями других стран, а это в свою очередь требует полной реконструкции угледобычи.

¹ В. Вейц, Производительные силы мирового хозяйства, изд. Комакадемии, Москва 1927.

² Людвел Денни, Америка завоевывает Британию, Гиз, 1930.

Имеющийся в больших запасах в Англии уголь должен быть рационально добываем и (что является не менее важным) рационально используем внутри страны. Перед Англией, этой бывшей поставщицей угля для всего мира, встала основная проблема, с одной стороны, обеспечить и удержать за собой старые рынки, а с другой стороны, перестроить и рационализировать свое энергетическое хозяйство. Вот почему Англия явилась инициатором 1-го Мирового энергетического съезда.

Лондонский съезд в результате работ декларировал:

„Настоятельнойшей потребностью мира является увеличение производства ценностей и промышленной активности народов при условии умножения индивидуального благосостояния всех. Это может быть достигнуто в наибольшей степени путем более полного развития национальных энергетических ресурсов и введения наиболее экономных способов распределения и потребления энергии“.

В этих напыщенных словах резюмирован основной вывод съезда о необходимости уделения большего внимания созданию рационального энергетического хозяйства на новейшей основе—электрификации. Послевоенный капитализм, в судорогах и муках „рационализировавший“ производство, нащупал его решающее звено и одновременно ощутил угрозу противоречия технико-экономического развития энергетического хозяйства и капиталистического бытия.

За время между 1-м и 2-м Конгрессом имели место в различных странах отдельные конференции, посвященные тем или другим конкретным вопросам энергетической техники и экономики. Первая из них была в 1926 г. в Базеле. Эта конференция была посвящена использованию водных ресурсов с точки зрения как техники, так главным образом хозяйства и управления. Базельская конференция анализировала между прочим интересные вопросы параллельной работы гидроустановок с тепловыми.

Следующая секционная конференция была в Лондоне в 1928 г. Эта конференция была посвящена главным образом топливным вопросам. Она собрала большое количество докладов и монографий, посвященных вопросам переработки угля, нефти и газа. Особенное внимание было уделено карбонизации и распыливанию угля. В результате работ этой конференции была выпущена работа „Технические данные о топливе“.

Третья конференция была созвана в 1929 г. в Барселоне и была посвящена вопросам использования водных сил.

В этом же году состоялась энергетическая конференция в Токио. Она собрала особенно многочисленное представительство, так как происходила одновременно с мировым инженерным конгрессом. На конференции в Токио дискутировался целый ряд вопросов и тем энергетической техники. В результате своих работ конференция приняла лишь одну резолюцию, предложенную пишущим эти строки, о необходимости установления единых международных форм статистического учета энергетического хозяйства.

Имевший место в июне месяце с. г. 2-й Мировой энергетический конгресс был посвящен главным образом вопросам производства и распределения энергии.

Всякий такой съезд представляет собой в известной мере политический акт, с другой стороны, он дает возможность фирмам развернуть широко рекламную деятельность. Послевоенная Германия, Германия Версальского договора лишь после Локарно, плана Дауэса и плана Юнга начинает постепенно входить в число „великих“ держав.

Этот энергетический съезд был собственно первым большим международным съездом, который после войны организован в Германии.

Техника вообще, и энергетическая техника в частности, в Германии во многих отношениях стоит на более высоком уровне, чем в других европейских странах. Это конечно дает известное основание и право на созыв съезда именно в Германии. Германия имеет много первоклассных имен энергетиков: Клингенберг, Мюнцингер, Оскар фон Мюллер и др. В Германии имеются такие первоклассные фирмы энергетического оборудования, как Броун Бовери, АЭГ, Сименс, Хапонич, Борзиг, Штейнемюллер и др. Съезд происходил в Германии. Его организатором и почетным председателем явился проф. Оскар фон Мюллер.

Берлинский конгресс происходил в обстановке мирового кризиса. Уже почти год, как жесточайший кризис сжимает все в большей и большей степени хозяйство мирового империализма. Настоящий кризис это не временная заминка. Это судорога всей капиталистической системы хозяйства. Весь организм империализма заражен. Настоящий мировой кризис является прекрасной иллюстрацией краха теорий об „организованном“ капитализме.

„Electrical World“ в августовском номере³ публикует данные о состоянии современного хозяйства Америки. Это состояние характеризуется энергетическими показателями. Ранее для характеристики хозяйственного развития, для выявления экономической конъюнктуры брали показатели по металлу и углю. Уголь и железо являлись основным барометром для показаний состояния погоды на капиталистической улице. Теперь, при механизации, при электрификации производственного процесса, в особенности в Америке, таким барометром являются показатели выработки и потребления электроэнергии. Энергетический показатель в настоящих условиях—универсальный показатель. Энергетический барометр—верный инструмент. Он характеризует тот глубокий кризис, который охватил промышленность США.

Вместе с тем показания этого энергетического барометра несколько приподнимают завесу, обнаруживают внутренние пружины, которые приводили в движение механизм скандала, имевшего место среди американской делегации Конгресса.

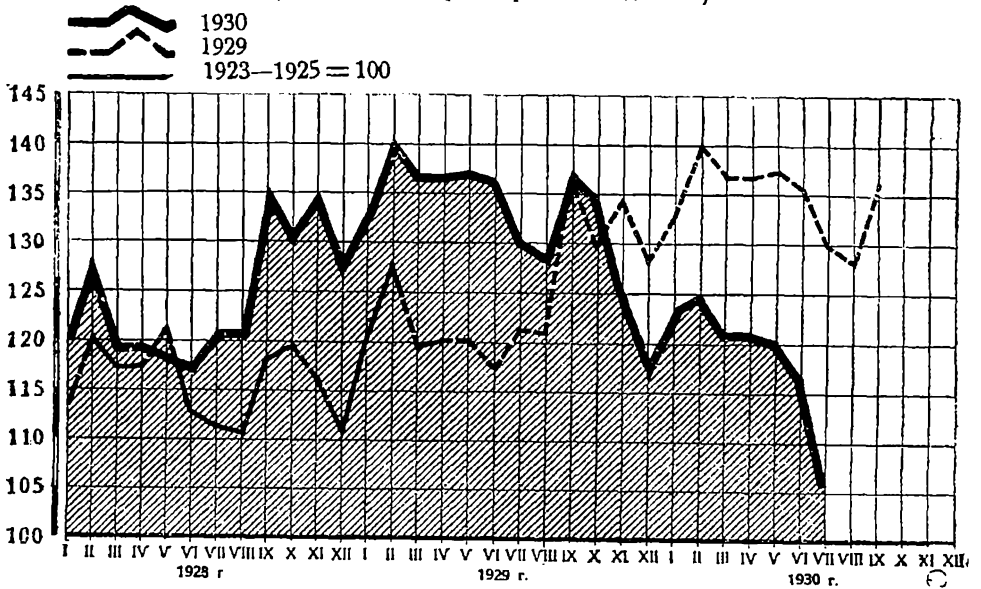
Американский посол в Германии в проекте своего выступления (все речи и выступления обычно заготавливаются в письменной форме заранее) написал, что он не знает другой отрасли в народном хозяйстве США, кроме электрохозяйства, где бы себестоимость продукта и отпускные цены на него относились как 1 : 15 (!). Американские электрич. тресты дешево энергию производят, но дорого ее продают (нельзя даже сказать „втридорога“). Так как делегация представляла по преимуществу компании, производящие и распределяющие электрическую энергию, то понятно делегаты энергично запротестовали против такого нелояльного выступления своего посла. Спор был так горяч, что делегация вызвала для подкрепления своего шефа, Инсулла (главу Чикагской и ряда др. эл. компаний), который в это время находился в Лондоне.

На посла было оказано давление, но безрезультатно. И мир из уст официального лица услышал, как монополистски централизованное, хорошо при новейших достижениях техники организованное американское электрохозяйство грабит своих потребителей.

³ „Electrical World“, 1930, p. 321.

„Индекс промышленной деятельности США“

(Сводный электро-энергетич. индекс ^{3а})

^{3а} Среднее месячное потребление электроэнергии в промышленности за 1923—1925 гг. принято за 100%. В этом индексе учтено различие числа рабочих дней в разные месяцы (сезонные колебания не учтены).

Данные охватывают ок. 4000 крупных пром. предприятий, репрезентативных для всей отрасли американской промышленности и все экономические районы страны.

Америка становится все более и более экспортирующей мировой державой. Настоящий кризис перепроизводства ее к этому еще более понуждает. Цены американских товаров должны быть в соответствии с новыми задачами американского империализма. Америка должна экспортировать. Лозунг „Америка для американцев“ устарел. Лозунг янки новой формации—„Весь мир для американцев“. Американский посол Сэйкт состоит на службе у своего президента Гувера, он последовательный и искренний ученик своего учителя и президента.

„Появляется м-р Герберт Гувер!.. Он был крупным организатором. Он был человеком современным. Он пошел дальше вашингтонских политиков. Он не смотрел на Америку с точки зрения Мак-Кинлея или Рузвельта, как на будущую территориальную державу... Ему дали... должность секретаря по делам торговли... М-р Гувер реорганизовал свой растущий департамент в большой разведывательный штаб и опытную школу для американского делового мира... Он собирал из колледжей и технических школ молодых людей, чтобы пополнить созданную им во время войны организацию за границей, и рассеял их по всему миру в виде ударных бригад американской внешней торговли“ (разрядка моя—Ю. Ф.)⁴.

М-р Сэйкт, один из бригадиров американской внешней торговли, понимает, что интересы американского империализма идут много далее обеспечения пятнадцатикратного грабежа владельцам электрохозяйства. Он сознательно идет на скандал, он дает обильную пищу для сенса-

⁴ Людвел Денци, Америка завоевывает Британию, Гиз, 1930.

ций большим газетам—он борется за дешевые цены американских товаров, борется за увеличение американского экспорта.

Неумолимый кризис пресек болтовню о „prosperity“ и угрожающе предупреждает: *memento mori!* Дальновидный м-р Сэйкт помнит о смерти и энергично ищет излечения при помощи испытанного лекарства—внешнего рынка.

В обстановке мирового кризиса особый интерес представляет анализ противоречий энергетического хозяйства. Энергетика находится на более высоких ступенях технического развития. Процессы механизации, автоматизации, а также массово централизованной выработки продукта и автоматического его распределения при автоматическом же регулировании и контроле—доведены здесь до высшей степени совершенства. Энергетика, являясь вожаком в деле технического прогресса и реконструктором производств, наиболее ярко обнаруживает на себе все противоречия современного империалистического хозяйства. Новые методы производства и распределения энергии, новые формы рациональной организации энергетического хозяйства все в большей и большей степени входят в противоречия с социально-экономическими условиями капитализма.

Все отрасли народного хозяйства при современном уровне техники базируются на широком применении механической энергии. Механизация и автоматизм—вот основные пути, по которым идет в настоящее время развитие производственных процессов во всех отраслях народного хозяйства. Поэтому для обслуживания хозяйственной деятельности требуются большие количества электрической энергии, которая должна с максимальной экономией вырабатываться и наиболее рационально распределяться.

Концентрация выработки энергии на мощных электростанциях привела к централизованному электроснабжению. Это централизованное электроснабжение при разветвленной сети высоковольтных электропередач способствовало чрезвычайному развитию использования водных сил. Параллельная работа различных электроустановок создала огромные централизованные системы электрохозяйства с большим количеством крупных станций, работающих на общую сеть высоковольтных линий электропередач района. Энергетическая техника развивается бешеным темпом и идет вперед во всех звеньях. Паровые котлы, паровые турбины, электрическая аппаратура—все это видоизменяется, усовершенствуется, достигает гигантских размеров. Создание новых энергетических установок при современных условиях связано часто с грандиозными сооружениями, в сильной степени захватывающими другие важнейшие отрасли народного хозяйства (сооружение гидроустановок на больших реках связано с проблемами транспорта, водоснабжения и др.; сооружение крупных тепловых установок, особенно при использовании бурых углей, неразрывно связывается с химической переработкой этих углей и т. д.). Новая энергетика выходит за пределы отдельных компаний, эксплуатирующих электростанции в капиталистических собственных условиях.

Рационально создаваемая в современных условиях энергоустановка соподчиняет другие отрасли хозяйства. Энергетике сегодняшнего дня тесно в узких рамках капиталистической собственности. Этого мало: энергетическое хозяйство не хочет считаться с национальными границами. Оно достигло таких размеров, что требует комплексного разрешения проблем вне национальных делений.

Сейчас совершенно отчетливо вырисовываются возможность и необходимость параллельной работы различных в энергетическом отношении районов и даже целых материков (Европа)—паровых станций угольных районов с гидроэлектрическими станциями горных местностей.

Развитию новой энергетики, строительству рациональной системы энергетического хозяйства, препятствуют и мешают капиталистические условия. Прогресс техники, материальная база в этом отношении—все в большей и большей степени входят в резкий конфликт, в резкое противоречие с социально-экономической надстройкой капитализма.

Прекрасной иллюстрацией этого положения явился доклад т. Вейца на энергетическом конгрессе „Энергетическая проблема современного мирового хозяйства“. В этом докладе т. Вейц дал анализ новейших тенденций в развитии как техники, так и организационных форм современного энергетического хозяйства. Он показал, что „...современная энергетическая техника переросла действующую капиталистическую оболочку. В недрах высокоразвитого капитализма уже созрели элементы техники грядущей фазы хозяйства“...

„Монополистический капитализм до крайности обострил социально-экономическую сторону энергетической проблемы современного мирового хозяйства...“ „Радикальное решение энергетической проблемы современного мирового хозяйства возможно лишь на основе преодоления самой системы анархического частнохозяйственного капиталистического производства“⁶.

Инженер F. Zug Nedden, генеральный докладчик 23-й секции, где слушался доклад т. Вейца, при изложении этого доклада заявил, что выводы докладчика выходят далеко за пределы данного Конгресса. Ничего другого не оставалось заявить буржуазному специалисту по поводу неумолимых и жестоких выводов, которые как приговор вытекают из всего анализа хозяйствования современного империализма.

Желая найти выход из этих противоречий, инженеры и организаторы энергетического хозяйства делают попытки ввести в русло плановости энергетическое хозяйство. Интерес к плановой электрификации все больше и все глубже захватывает слои энергетиков капиталистических стран.

Еще на Лондонском конгрессе в 1924 г. член английского парламента Горн, председательствовавший в экономической секции конгресса, заявил:

„Единственное практическое разрешение проблемы заключается в развитии применения электрической энергии. Европа и весь мир имеют такие энергетические ресурсы, которые, будучи целесообразно использованы, могли бы вернуть былое благосостояние нашему цивилизованному обществу. Англия например имеет большие запасы угля, которые в настоящее время очень плохо используются. Если бы добываемый уголь по какому-нибудь технически разумному плану превращался в электрическую энергию, можно было бы извлечь из него в три раза больше энергии, чем получается из него при нынешних условиях“ (разрядка моя—Ю. Ф). Вот это „если бы“ и не дано капиталистическому хозяйству.

К открытию Берлинского конгресса председатель Международного исполнительного комитета мировых энергетических конференций

⁶ Инж. В. И. Вейц, Энергетическая проблема современного мирового хозяйства, Доклады СССР на 2-м Мировом энергетическом Конгрессе в Берлине в июне 1930 г., Гиз, 1930.

Д. Н. Дэнлоп опять взывал к необходимости планового хозяйствования в отношении энергетики:

„...энергетическая промышленность,—писал он,—стала главным фактором, способствующим эволюции современного промышленного развития, и было бы недостойным современных выдающихся деятелей, если бы они предоставили развитие энергетики исключительно случаю и не постарались бы подчинить ее в какой-либо форме научному руководству или научной системе“⁶.

В целом ряде докладов, представленных на Мировой конгресс, высказывается мысль о необходимости подчинения плановому руководству энергетического хозяйства. Американский инженер Е. С. Stone в специальном докладе о планировании расширения систем силовых установок доказывал необходимость планирования для лучшего использования силовых систем. В этом докладе он приводит выступление руководителя детройтской компании Эдисона, который провозглашал переход „к широкому планированию систем, предусматривающему применение условий на 5 лет вперед“. Вицепрезидент американской электроснабжающей компании предлагает разрабатывать пятилетку! В целом ряде докладов о комбинированной выработке тепловой и электрической энергии, о параллельной работе тепловых и гидроэлектрических станций, проводится та же мысль о необходимости планирования энергохозяйства.

Выражением этой же тенденции явилось несколько докладов на конференции в Токио о плане развития электрификации в Японии, в частности доклад инженера Мори, который давал сводку планов строительства электростанций в Японии на 10 лет вперед. Таким же исканием выхода является опубликованная недавно работа проф. Оскара фон Мюллера о десятилетнем плане Германии⁷, и эту же задачу пытается разрешить инж. Оливен в своем докладе на Мировом конгрессе о высоковольтных линиях электропередач в Европе, которые в единую энергетическую систему должны включить все станции Западной Европы, а также и СССР, вплоть до Ростова.

Совершенно ясно, что все эти попытки в условиях капиталистического хозяйствования обречены на неудачу. „Пора уже подумать о генеральном плане развития электроснабжения всей Европы,—заявил инж. Оливен,—осуществление которого будущим поколениям будет казаться совершенно естественным делом... Мы стоим однако теперь перед задачей, которая поставлена перед всеми народами Европы, задачей устранить все видимые и невидимые границы распределения электроэнергии, преодолев все трудности персонального, политического и материального характера“.

Капитализм не в силах разрешить основные проблемы энергетического хозяйства.

Близко к этим общим экономическим и социальным вопросам энергетики подходили работы 33-й секции Конгресса, где обсуждались вопросы статистики и учета энергетического хозяйства. Еще Токийская конференция приняла резолюцию о необходимости установления общих мировых форм для учета энергохозяйства. Однако этот вопрос со всей остротой встал и в Берлине. Как в Токио, так и в Берлине инициатива постановки этого вопроса принадлежит советской делегации. В Токио резолюция была предложена автором, а в Берлине этот

⁶ „Германская техника“ № 3, Берлин, март 1930.

⁷ См. статью г. Грановской по этому поводу в „Плановом хозяйстве“ № 5, 1930.

вопрос был поднят выступлением г. В. Вейца. Тов. Вейцом было выдвинуто предложение организовать при Исполкоме мировых энергетических конференций постоянную комиссию, основными задачами которой должно явиться:

- 1) теоретическая разработка вопросов построения системы техно- и экономико-статистического изучения энергетики мирового хозяйства;
- 2) разработка вопросов унификации методологии изучения энерговооруженности производительных сил в международном масштабе (в первую очередь наиболее актуальных энергетических показателей);
- 3) систематизация и анализ конкретного статистического материала по энергохозяйству, построение и анализ сводных таблиц по структуре и функционированию энергетического аппарата мирового хозяйства, мирохозяйственных топливных, энергетических и электрических балансов и т. д.

Исполком, собравшись еще до открытия конгресса, при обсуждении токийской резолюции не склонен был ясно и определенно принять для стран обязательство унифицировать учет энергохозяйства. Поэтому было организовано частное совещание делегатов нескольких стран (Германия, Франция, СССР, Аргентина, Чехо-Словакия, Австрия и др.). На этом совещании была принята программа-минимум для учета энергетических показателей, охватывающая ряд элементарных измерителей мощности и работы электростанций.

Вопрос о создании при Исполкоме комиссии для разработки и публикации материалов вызвал большую дискуссию. Французы предлагали никакой специальной организации не создавать, а передать эту работу существующей при Экономическом комитете Лиги наций специальной комиссии по экономическим показателям мирового хозяйства. Немцы и представители СССР резко высказывались против этого предложения. В результате вопрос не получил разрешения и материал был передан Исполкому конгресса.

В основном Энергетический конгресс занимался главным образом вопросами чисто техническими. В различные секции Конгресса было представлено большое количество чрезвычайно интересных докладов лучших специалистов всего мира. Выводы и материалы этих докладов требуют самого внимательного освещения их в нашей технической специальной литературе.

Вся работа Конгресса проходила в специальных секциях. Таких секций было организовано 34. Материалы, представленные в секции, суммировались в генеральном докладе, который и зачитывался на заседании секции. Всего докладов было представлено 398. От СССР было послано 25 докладов. По количеству докладов мы оказались на 6-м месте. Более СССР представили: США — 61 доклад, Германия—58, Великобритания—49, Австрия—39 и Италия—28.

Кроме этих специальных докладов, обсуждавшихся в секциях, были организованы общие доклады в так называемые „национальные“ часы. Под председательством посла какой-либо нации крупный ученый этой нации делал такой общий доклад. Доклады были прочитаны следующие:

- 1) проф. Эйнштейном (Германия) — „Проблема пространства и эфира“;
- 2) проф. Серри (Франция)—„Новые формы рационализации“;
- 3) инж. Оливеком (Германия)—„Магистральные высоковольтные линии Европы“;
- 4) проф. Валлери (Италия)—„Энергия и электричество“;

- 5) проф. Эдингтоном (Англия)—„Внутриатомная энергия“ и
 6) проф. Энштремом (Швеция)—„Механизация, как фактор прогресса“,
 7) д-ром Фостер-Бэнном (Америка)—„Место минералов в мирохозяйственной Энергетике“.

В наших выступлениях по различным вопросам как экономического характера, так и технического мы противопоставляли советские условия обобществленного хозяйства капиталистическим. Мы доказывали, что новую энергетику, как ее дает современная техника, мы создаем по заранее разработанному плану и не имеем затруднений и преград, которые ей ставит капиталистическая техника.

Такие противопоставления и доказательства наших преимуществ были сделаны в выступлениях т. Кукель-Краевского по вопросу о системе тарифов. Тов. Кукель-Краевский указал, что в Америке при широком объединении сетей крупная промышленность получает энергию по одинаковой цене в различных частях страны. Это уже привело к тому, что для промышленности США, кроме особо электроемкой, стоимость электроэнергии уже не влияет на выбор места для предприятий. В недалеком будущем, заявил т. Кукель-Краевский, тарификация электроэнергии при этих условиях будет производиться на тех же основах, как тарифицируются услуги почты и телеграфа,—один общий тариф для соответствующих групп потребителей. Тарифная система в СССР много легче капиталистической, она исходит исключительно из общих народнохозяйственных интересов. Как пример т. Кукель-Краевский привел проект тарифов для потребителей днепровской энергии.

Яркой иллюстрацией преимуществ Советского Союза в отношении развития энергетического хозяйства явились оба доклада т. Кукель-Краевского о нашей плановой электрификации: „Развитие электростроительства и электроснабжения СССР за время с 1923 по 1929 гг. включительно“ (т. е. за время между 1-м Конгрессом в Лондоне в 1924 г. и настоящим в Берлине) и „Пятилетний план электрификации СССР 1928/29—1931/32 гг.“.

По поводу докладов, представленных в 8-ю секцию главным образом американскими инженерами (Вуд, Райан и др.) о параллельной работе электрических станций, о комбинированной выработке тепла и электроэнергии и пр., трактующих основные вопросы строительства системы современного энергетического хозяйства, автор настоящей статьи выступил с формулировкой основных принципов современной новейшей энергетики и показал, что осуществление этих принципов возможно полно и до конца только при обобществлении хозяйства в условиях, подобных СССР.

Наиболее целесообразной и экономичной система энергетического хозяйства может быть осуществлена лишь в том случае, если удастся ее строить по определенному плану, используя все возможности, какие могут обеспечить наилучшее техническое проектирование и экономический анализ. При плановом хозяйстве, которое возможно только при обобществленном производстве, т. е. при отсутствии частной собственности на средства производства, возможно построение энергетического хозяйства как единой системы, охватывающей энергоснабжение всех отраслей народного хозяйства. Такая система единого энергетического хозяйства базируется на следующих основных принципах:

- 1) централизованное электроснабжение при широком развитии районных сетей,
- 2) комбинированная выработка тепла и электрической энергии,

- 3) объединение районных сетей (интерконекция),
- 4) параллельная работа гидроэлектрических и тепловых установок в больших системах,
- 5) планирование и развитие энергетического хозяйства в организационной связи с развитием всего народного хозяйства.

Централизованное электроснабжение при густо развитой системе сетей дает возможность в максимальной степени использовать местные энергетические ресурсы (воду, низкосортное топливо). Сооружение крупных централей вне зависимости от места потребления энергии дает возможность выбрать наилучшие условия для водоснабжения и создать вообще наиболее оптимальные условия для эксплуатации установок.

Комбинированная выработка тепла и электрической энергии в одной установке значительно повышает коэффициент использования топлива. Наиболее целесообразным является работа такой установки по тепловому графику. Но так как этот тепловой график в большинстве случаев не соответствует графику потребления электрической энергии, то экономичная работа такой установки возможна лишь при объединении ее с общей сетью. Теплоэлектроцентраль, включенная в общую систему энергетического хозяйства района, может обеспечить в максимальной степени экономичную выработку тепла и электрической энергии.

Инж. Райан в своем докладе „Комбинированное снабжение теплом и энергией в промышленных установках“ совершенно правильно указывает, что полный экономический эффект может быть достигнут только путем сотрудничества между промышленными установками и установками общего пользования в целях комбинированного производства как пара для производственных процессов, так и электроэнергии. Он указывает, что параллельная работа этого рода установок представляет собой значительный прогресс в области электроснабжения промышленности. Однако в частнокапиталистических условиях приходится преодолевать целый ряд трудностей организационного порядка. Принадлежит ли установка промышленному предприятию и снабжает энергией предприятия общего пользования, или, наоборот, установка общего пользования снабжает теплом предприятия, — необходимы гарантии для обеих сторон о бесперебойном снабжении. Если же установка создается для совместного пользования, то поднимается целый ряд сложных вопросов о правильном распределении расходов между совладельцами... „Выгоды должны быть справедливо распределены между обеими сторонами“, пишет инж. Райан.

В условиях СССР создание комбинированных установок осуществляется вне этих „организационных“ трудностей. В предприятиях или городах строятся теплоэлектроцентрали во всех тех случаях, когда экономически выгодно при выработке тепла получать отбросную электроэнергию. При этом нам не приходится „справедливо“ распределять выгоды.

В качестве примера можно привести постройку небольшой теплоэлектроцентрали при мыловаренном заводе Тэжэ. Пар после турбины поступает на производство и для отопительных целей. В этом районе сооружается несколько новых заводов: автосборочный завод, завод шарикоподшипников и др. Для снабжения их теплом расширяется вышеуказанная установка при мыловаренном заводе. После пуска в эксплуатацию этой установки она распоряжением ВСНХ изъята из владения мыловаренного завода и передана тресту МОГЭС, ве-

дающему районными станциями и районными сетями. Так просто разрешаются „организационные“ трудности.

По этому же принципу работает уже несколько вновь построенных теплоэлектростанций текстильных и других предприятий.

В настоящее время спроектировали и приступили к сооружению нескольких крупных теплоэлектростанций в Москве и Ленинграде мощностью до 125 тыс. киловатт в одной установке. Эти станции должны снабжать паром и горячей водой промышленные предприятия, прачечные, бани и дома. Электрически они связываются с общей сетью и таким образом включаются в единую энергетическую систему.

В условиях СССР все звенья энергохозяйства включаются в единую народнохозяйственную энергетическую цепь и все энергетические установки являются установками общего пользования.

Создавая почти заново в СССР систему энергетического хозяйства, при предварительной плановой и технической ее разработке мы предусматриваем в самых широких размерах объединение (интерконнекцию) районных систем. Например, в московском районе станции, сооруженные в местах расположения топлива, работают на общую сеть. На эту же сеть работают пиковая станция и теплоэлектростанции, расположенные в г. Москве. Московский район имеет максимум нагрузки осенью и зимой. Соседний Нижегородско-ивановский район в качестве энергетических ресурсов имеет исключительно торф. Максимальная нагрузка этого района связана с торфоразработками, т. е. бывает в летние месяцы. Объединение этих двух районов дает значительные выгоды в смысле обмена энергией, снижения общего максимума нагрузки, а также экономии на резерве.

При сооружении Днепростроя мощностью 560 тыс. киловатт запроектирован и начат постройкой „Комбинат промышленных предприятий“ для наиболее экономичного, с точки зрения всего народного хозяйства, использования гидроэлектрической энергии Днепра. В настоящее время разработан и начат осуществлением проект объединения в одну энергетическую систему Днепровской гидроэлектрической станции с электрическими станциями прилегающих 5 крупных индустриальных узлов⁸.

Общая мощность этой энергетической системы будет равняться примерно 1 100 000 киловатт. Спрос на энергию превышает то количество, которое может дать гидростанция при максимальном расходе воды. Это обстоятельство дает возможность использования всей энергии, которую может дать вода. Паровые станции присоединяемых районов являются вполне достаточными для того, чтобы взять на себя нагрузку, когда Днепр имеет мало воды. Это объединение освобождает от сооружения специальной паровой станции, необходимой для работы Днепровского комбината, если бы он был изолирован. Кроме того эта система соединяется с другой энергетической системой—с Донецким бассейном. Мощность станции Донецкого бассейна составит около 0,5 млн. киловатт. Создают грандиозные возможности для маневрирования огромными мощностями.

При плановом хозяйстве в условиях Советского Союза развитие и строительство энергетического хозяйства происходит одновременно с проектировкой развития и строительства всего народного хозяйства в целом. Производитель энергии не отделен от ее потребителя,

⁸ Ю. Флаксерман, Черновые наброски заданий к генеральному плану электрификации, „Проблемы экономики“ № 4—5.

так это происходит в капиталистических условиях. Развитие электрических станций предусматривает не только покрытие потребности в электроэнергии, а связано с проектировкой сооружения новых предприятий, расширения существующих и с реконструкцией методов производства. Такие условия развития всего народного хозяйства дают возможность, во-первых, действительно осуществить единую систему энергетического хозяйства и, во-вторых, использовать новейшие достижения энергетической техники как основной рычаг для реконструкции и рационализации всех отраслей народного хозяйства. При этом проектировка строительства и эксплуатации энергетических систем сосредоточивается в специальном едином органе, что обеспечивает наибольшее техническое совершенство энергетического хозяйства.

В СССР при планировании развития всего народного хозяйства в целом мы можем разрешать целый ряд строительных проблем комплексно, создавая крупные энергопромышленные, энерготранспортные и другие комбинаты.

Лучшие и наиболее крупные специалисты развития энергетической техники приходят к подобным проектировкам (Муррей, Оливер и др.), но им остается или мечтать или бесплодно убеждать о преимуществах их проектов. Инж. Оливер в своем докладе о магистральных линиях передач Европы требует преодоления всяких препятствий для осуществления своего проекта, в том числе и политических. Инж. Оливер прав, его проект своевременен, состояние энергетической техники позволяет это сделать. Европа получит исключительный импульс для рационального развития хозяйства при связи, при объединении единой сетью линий электропередач ее различных энергетических районов. Какой выигрыш в мощности, в топливе и пр.! Но для этого необходимо преодолеть „политические“ и социальные препятствия, т. е. сделать Европу социалистической, советской.

Советская Европа осуществит проект инж. Оливера.

КАПИТАЛООБРАЗОВАНИЕ И ЗАРПЛАТА

К вопросу об экономическом кризисе в Германии

I

Германия переживает сейчас жесточайший кризис. Этот факт не нуждается даже больше в доказательствах. Общий индекс объема производства „Германского конъюнктурного института“ показывает снижение с 108,4 в апреле 1929 г. (1928 г. — 100) до 91,5 в апреле текущего года; индекс производства стали снизился за тот же период с 109,7 до 91,0.

Общее число безработных, не считая тех, которые работают сокращенную неделю, было больше, чем в соответствующих месяцах прошлого года¹:

в конце	января	1930	на	398	тыс.
„	февраля	„	„	316	„
„	марта	„	„	557	„
„	апреля	„	„	1 075	„
в середине	мая	„	„	1 206	„

Число безработных в абсолютных цифрах по данным бирж труда снизилось лишь с 3,37 млн. к концу февраля до 2,8 млн. к концу апреля. Приводя эти цифры, конъюнктурный институт пишет: «Сезонное улучшение на рынке труда за последние месяцы не должно нас вводить в заблуждение: безработица в настоящее время имеет объем, превосходящий все, имевшее место до сих пор².

Число безработных составляло:

в конце апреля	1924—0,7	млн.	в конце апреля	1927—1,5	млн.
„	„	1925—0,5	„	„	1928—1,2
„	„	1926—2,2	„	„	1929—1,7
			„	„	1930—2,8

Эти цифры говорят о том, что наступающее обычно весеннее сезонное улучшение на рынке труда в текущем году было значительно перекрыто ухудшением конъюнктуры.

Вопросы безработицы и кризиса стали сейчас центральными вопросами германской политики и экономики. Основной вопрос, который занимает сейчас всю буржуазную и социал-демократическую прессу, это—каково будет дальнейшее развитие кризиса? На каких путях преодолеть безработицу? Ответ на эти вопросы, понятно, зависит от диагноза кризиса, от объяснения причин, лежащих в его основе, и от определения характера безработицы.

¹ „Wochenbericht des Instituts für Konjunkturforschung“ № 10, 1930.

² Vierteljahreshefte, Jahrgang 5, Heft 1, Teil A, S. 36.

Ни германский кризис, ни грозные цифры безработицы (уже в прошлом году достигавшие больше полутора миллионов) не могут быть объяснены только развернувшимся мировым кризисом. Внешняя торговля Германии за первые четыре месяца, хотя и показывает некоторое ухудшение,—небольшое сокращение экспорта и уменьшение импорта сырья, но она скорее говорит о том, что мировой кризис непосредственно (через внешнюю торговлю) еще пока слабо затронул Германию. Поэтому объяснение причин кризиса и безработицы нужно искать не столько во внешних причинах (мировой кризис), сколько во внутренних тенденциях и закономерностях германского капитализма, действие которых она только начинает ощущать.

II

Еще в 1927 г. на международной экономической конференции в Женеве «светило» буржуазной экономической мысли, проф. Кассель, представил меморандум под громким заглавием „О причине бедности народов“, где он доказывал, что безработица — следствие монопольного положения профсоюзов и слишком высокой зарплаты. Это „откровение“, во все времена и при всех условиях конъюнктуры защищаемое предпринимателями, подхвачено сейчас всей буржуазно-экономической наукой, выступающей теоретическим оруженосцем в наступлении, которое ведут предприниматели на зарплату. Основной причиной кризиса, а вместе с тем и безработицы, они считают „чрезмерно высокую зарплату“, делающую невозможным капиталообразование. Социал-демократы в этом вопросе, как и во всех других вопросах, ведут политику „двойной бухгалтерии“. С одной стороны, чтобы не потерять доверие рабочих, идущих еще за ними, они выступают в своих популярных журналах и в ежедневной прессе против снижения зарплаты, обосновывая это тем, что снижение зарплаты равносильно сокращению покупательной способности и приведет к ухудшению внутренней конъюнктуры, а вместе с тем к обострению кризиса и безработицы. Но если в своей широкой многотиражной прессе они пользуются этими аргументами, то в своей теоретической прессе, где они пишут для верхушки своей бюрократии, так сказать, в порядке самоуяснения, они отбрасывают эту аргументацию и становятся на точку зрения буржуазных теоретиков, считая основной проблемой вопрос о капиталообразовании.

Связывая вопрос о капиталообразовании с вопросами безработицы и зарплаты, некоторые из них открыто, а некоторые более скрыто указывают на чрезмерно высокую зарплату (*überhöhte Löhne*), как причину безработицы. Так, теоретический орган АДГБ „Die Arbeit“ приводит в своем № 4 следующие два взгляда на причины безработицы в Германии, которые „выявились в процессе дискуссии за последние месяцы“:

„1. Одни утверждают, что „политическая“ тарифная система установила зарплату выше ее оптимальной границы. Это приводит предприятия, при существующих ценах, к нерентабельности и заставляет их сокращать производство, а то и вовсе приостанавливать свое производство.

2. Другой взгляд сводится к тому, что безработица не столько результат сокращений рабочих из нерентабельных предприятий,

сколько результат прироста населения последних довоенных лет³ и освобождения рабочих в результате рационализации (из рентабельных предприятий). Вовлечение в производство этого прироста населения наталкивается на слишком высокую стоимость долгосрочного кредита⁴.

Если первое объяснение открыто указывает, что высокая зарплата—причина кризиса, то второе объяснение указывает на это окольным путем. В развернутом виде второе объяснение говорит следующее: с 1925 г. до конца 1929 г. работоспособное население в возрасте от 15 до 65 лет выросло, примерно, на 1,6 млн. человек. Выброшено из производства в результате рационализации около полумиллиона, т. е. в общем образовалась резервная армия в 2 млн. человек. «Вовлечение (в производственный процесс)... двух миллионов работоспособных людей требует приблизительно капитала в 10—15 млрд. марок. Вовлечение растущего числа работоспособных в довоенное время не встречало таких трудностей, как в настоящее время. Разница и объяснение этого кроются повидимому в чрезвычайно высокой стоимости кредита и недостатке капиталов, препятствующих расширению производственного аппарата»⁵.

Следовательно, причина безработицы кроется в недостатке капиталов. Высокий процент является только следствием этого недостатка капиталов. А недостаток капиталов, как мы указывали уже в самом начале, буржуазные экономисты объясняют „чрезмерно высокой зарплатой“, делающей невозможным капиталообразование. Автор только что цитированной статьи, между прочим, чтобы убить двух зайцев сразу, открыто заявляет:

„Одни видят причины безработицы в чрезмерно высокой зарплате, а другие—в чрезмерно высоком проценте (на долгосрочные кредиты), в то время как мы пытаемся в дальнейшем доказать, что причина безработицы кроется одновременно в чрезмерно высокой зарплате и проценте“ (разрядка автора—С. М.)⁶.

По существу то же самое заявляет в следующем номере того же журнала в передовой статье другой реформист и теоретик Браунталь, когда он пишет: «Капиталообразование—в необходимости которого в определенных границах не существует никаких разногласий—во всяком случае сокращает покупательную способность на рынке потребительских благ... Во всяком случае единственный источник капиталообразования, в какой бы форме оно ни происходило,—его отказ от непосредственного потребления части национального дохода» (разрядка автора—С. М.)⁶.

С этими рассуждениями, мы думаем, любой предприниматель согласится. Читая это, он, наверное, воскликнет: „Только этого мне и надо!“ Когда Имперское объединение германских промышленников в своем знаменитом меморандуме, требуя снижения зарплаты, писало: „Чтобы достигнуть наибольшей хозяйственности, чтобы дать применение рабочей силе, чтобы удовлетворить жизненные потребности широких масс, необходимо раньше и прежде всего благоприятство-

³ Рожденные в последние довоенные годы вступают сейчас в работоспособный возраст.

⁴ Dr. C o I m, Lohn, Zins-Arbeitslosigkeit, „Die Arbeit“ № 4, S. 243.

⁵ Ibidem.

⁶ „Die Quelle u. die Verwendung des neugebildeten Kapitals“, „Die Arbeit“ № 5, S. 286.

вать капиталообразованию... Оно—предпосылка роста производства и потому—в интересах всех слоев германского народа“⁷,—то этим они только предвосхищали теперешние рассуждения реформистов.

„Народнозаяственная теория высокой зарплаты“ сдана сейчас в архив, ее место заняла забота о капиталообразовании. Если „Vorwärts“ и профсоюзные органы реформистов, несмотря на это, продолжают еще иногда разоряться в доказательствах, что снижение зарплаты подрывает сук, на котором сидят капиталисты, то буржуазия этого всеерьез не берет, так как она понимает, что это делается для агитационных целей и для вида, что в своих сокровенных мыслях социал-демократия и профбюрократия с ней согласны. С полным основанием поэтому отчет Объединения германских предпринимателей язвительно пишет: „Необходимо констатировать все сильнее растущее противоречие между хозяйственно-политическими взглядами тех кругов, которые пишут в „Die Arbeit“ и „Die Gesellschaft“, и теми, которые пропагандируются в еженедельниках профессиональных объединений с большим тиражом... Здесь (в газетах и журналах с большим тиражом) никогда не встречаются экономические взгляды, защищаемые руководящими профсоюзными журналами (подразумеваются „Die Gesellschaft“ и „Die Arbeit“—С. М.)“⁸.

III

Мы видели, что Браунталь утверждает, что „капиталообразование возможно только путем сокращения известной части национального дохода“. Если бы это было так, то в периоды подъема, которые являются вместе с тем, периодами усиленного капиталообразования, должно было бы происходить сокращение потребления. В действительности, как известно, бывает наоборот. Это объясняется тем, что капиталообразование не есть простое сокращение потребления, но что оно образует процесс перераспределения доходов и, вместе с тем, потребления участников производства. „Перераспределение“, как само понятие говорит, отнюдь однако не может обозначать „сокращения потребления“ и даже, наоборот, при процессе расширенного воспроизводства должно сопровождаться, выражаясь терминологией Браунталя, „ростом известной части национального дохода“. Для того, чтобы это стало более ясным, рассмотрим более подробно процесс капиталообразования. Не вдаваясь в дефиницию самого понятия „капиталообразование“, перейдем непосредственно к анализу форм и источников его, которые буржуазные экономисты и реформисты разбирают обычно на следующие группы (с марксистской точки зрения совершенно ясно, что процесс капиталообразования есть процесс аккумуляции прибавочной стоимости и что это только производные формы прибавочной стоимости):

1. Прибавочная стоимость, получаемая капиталистами и аккумулируемая ими, т. е. прибавочная стоимость за вычетом той части, которая потребляется капиталистами.

2. Сбережения широких слоев населения, т. е. добровольный отказ от потребления.

3. Налоги государства для производственных целей.

⁷ „Aufstieg u. Niedergang“, Denkschrift des Reichsverbandes der deutschen Industrie.

⁸ «Vereinigung der deutschen Arbeitgeberverbände Geschäftsbericht», 1927—1929.

4. Государственное и банковское финансирование с производственными целями, принимающее характер создания добавочной покупательной способности (Zusätzliche Kaufkraftschöpfung).

Для точности и полноты необходимо было бы упомянуть также о процессе высвобождения средств из производства и товарооборота, которые привлекаются постоянно для новых производственных целей. Так как для интересующего нас вопроса о процессе перераспределения доходов и потребления, обусловливаемого капиталообразованием, эта форма никаких проблем не вызывает, мы оставляем ее вне поля нашего рассмотрения.

Источники капиталообразования, перечисленные в первых трех пунктах, сводятся к прибавочной стоимости и добровольному и принудительному отказу от потребления. Несколько сложнее обстоит с последним пунктом, который придется подробнее рассмотреть, так как он нам вообще покажет механизм буржуазного перераспределения доходов, лежащий в основе капиталообразования.

„Капиталотворческая“ роль банков и кредита „в перераспределении благ“ с наибольшей последовательностью развита германским банковским теоретиком А. Ганом. Вкратце они сводятся к следующему (для большего удобства изложения мы придерживаемся его терминологии)⁹: „Создавать деньги“ не значит „создавать блага“¹⁰. Совершенно очевидно и теоретически бесспорно, что только производство создает блага, а не кредит. Кредит однако ставит блага в надлежащие места и в этом его большая роль. Кредит обуславливает перераспределение благ во времени и между лицами: кредит не только передает из одного хозяйства в другое во временное пользование блага, с последующим возвращением их ценности, он не только достигает максимального использования всех свободных средств, как высвободившихся в процессе производства, так и сбережений, т. е. временного отказа от потребления, но, будучи расширением покупательной способности, создавая добавочную покупательную способность, он вызывает по сути инфляционное перераспределение благ во времени и между лицами. Если известное число рабочих вместо того, чтобы делать сапоги руками, займется производством машин, с помощью которых они в последующий период будут производить увеличенное количество сапог, то это обозначает непосредственное уменьшение количества сапог, но зато создание благ „высшего порядка“—машин и рост производства в целом, в будущем. Отказ от потребления в настоящем происходит во имя потребления в будущем, что является перераспределением благ во времени.

Перераспределение благ во времени обуславливается и делается возможным благодаря перераспределению благ между лицами („интерперсонально“). Не чистый потребитель, который имел право на потребление данного блага, его потребляет, а оно входит в производственное потребление, которое даст потребителю блага в будущем (например уголь от домашнего отопления отвлекается, как уголь для домны и т. п.). Ограничивается непосредственное потребление одних лиц в пользу тех, которые получили кредиты (добавочную покупательную способность): увеличение покупательной способности при данной массе товаров ведет за собою повышение цен и значит уменьшение реальной покупательной способности данной

⁹ „Kredit“, Handwörterbuch der Staatswissenschaften.

¹⁰ А. Ган, как сторонник и ученик австрийской школы политэкономии, употребляет слово „блага“ вместо „товар“.

суммы денег в пользу тех, которые получили кредит и использовали их для приобретения товаров и производственного применения. „Оно (это перераспределение) обозначает экспроприацию тех, которые, получая деньги, в качестве ренты или зарплаты, могли надеяться приобрести определенное количество товаров и которые теперь, вследствие обесценения денег, в результате инфляции могут получить только часть этих товаров ¹¹.

Таким образом, мы видим, что процесс капиталообразования во всех его формах, по заявлению буржуазных экономистов, сводится к добровольному или принудительному сокращению потребления, но сокращение потребления предполагает кого-то, в пользу которого оно происходит; по сути дела мы имеем поэтому обычно не сокращение доходов и потребления, а его перераспределение, идущее от рабочего класса к капиталистам, т. е. классовое перераспределение доходов ¹².

Однако в условиях расширения производства нужен параллельно идущий этому расширению рост потребления широких масс, а не его перераспределение между увеличившимся числом участников производства, равносильный сокращению потребления каждого в отдельности. Именно в этом противоречии между развивающимися производительными силами и медленно расширяющимся потреблением широких масс, вытекающим из антагонистического характера распределения капиталистического общества, лежит конечная основная причина кризисов.

Сокращение потребления становится поэтому необходимым и неизбежным для целей капиталообразования только в том случае, если при отсутствии наличной свободной рабочей силы, так же как и неиспользованного производственного аппарата для расширения производства, производство потребительских продуктов не может поспевать за покупательной способностью ¹³.

¹¹ Он оговаривается дальше, что в „нормальное“ время, когда темп кредитной инфляции медленный, повышение цен мало заметно.

¹² Из того факта, что процесс капиталообразования есть вместе с тем процесс перераспределения доходов и потребления, буржуазные экономисты заключают, что кризисы всеобщего перепроизводства вообще невозможны и что узкая база потребления не может быть причиной кризиса, так как уменьшение потребления широких масс компенсируется производственным потреблением, которое дают своим капиталам предприниматели. Причем рост производственного потребления (большой спрос на машины, сырье и отчасти на рабочую силу) опять возвращает покупательную способность рабочему классу. Ошибка здесь заключается в том, что они абстрагируются от реализации и потребления. 1. Они забывают, что в товарно-капиталистическом хозяйстве раньше чем начать новый цикл воспроизводства, товары должны быть проданы и прибыль реализована. 2. Что капиталистическое хозяйство, как и всякая другая форма хозяйства, работает в конечном счете на потребление, что производство ради производства и взаимные покупки капиталистов есть поэтому химера. 3. Что переоборудование и расширение производства, при современном массовом характере производства, может происходить только на основе роста потребления широких масс и соответствующего роста их покупательной способности.

¹³ „Если известное число рабочих,—пишет Ган,—вместо того, чтобы делать сапоги руками, займутся производством машин..., то это обозначает непосредственное уменьшение количества сапог“. Это верно. Но при наличии свободной неиспользованной рабочей силы (безработных) можно продолжать делать сапоги и одновременно создавать машины! Поскольку безработные, вместо пособия по безработице получают полную зарплату и увеличат свое потребление, необходимо соответствующее расширение производства продуктов потребления, что при недогрузке производственного аппарата не только вполне возможно, но даже снизит так называемые „постоянные издержки производства“ (fixe Kosten), падающие, как известно, при росте производства. (Так как в

IV

В противовес изложенным взглядам реформистов мы должны отметить, что вся постановка вопроса неправильна. Причины безработицы и кризиса (если отвлечься от действия мирового кризиса, пока лишь слабо сказавшегося на германской экономике) кроются не в недостатке капиталобразования из-за слишком высокой зарплаты, не в нерентабельности предприятий из-за слишком высокой зарплаты, как это пытаются представить и теоретически обосновать германские капиталисты и реформисты, а в „перенакоплении“—в том, что сотни миллиардов, инвестированные в промышленности, лежат неиспользованными, в том, что производственный аппарат работает на холостом ходу, в огромной диспропорции между расширившимися производственными возможностями и фактическим производством, являющихся в свою очередь только выражением колоссального роста производительных сил при ограниченной покупательной способности широких масс.

Развитие германской промышленности за последние годы упирается в отсутствие рынков сбыта. В настоящий момент это приняло особо резкие формы и привело к сокращению производства всех основных отраслей промышленности. Имеется огромная масса непотребленных продуктов (как орудий производства, так и предметов потребления сырья) и еще большие возможности их увеличения.

Нижеприводимые данные это прекрасно иллюстрируют.

Германский Конъюнктурный институт начал вести ¹⁴ чрезвычайно интересную статистику на основании данных 3500 предприятий с „общим числом рабочих мест“ в 3 млн. под углом зрения следующих вопросов:

1. Среднемесячное число занятых на этих предприятиях рабочих.
2. Число рабочих, которое может быть занято при полном использовании оборудования, так называемая степень загрузки предприятий (в отношении могущей быть там занятой рабочей силы).
3. Среднемесячное число проработанных рабочих часов, включая сверхурочные.

На основании этого числа определяется так называемая степень загрузки предприятий по отношению к возможному числу рабочих часов при полном использовании оборудования.

Приводим лишь основные данные этой статистики по месяцам:

а) степень загрузки предприятий, в отношении могущей быть там занятой рабочей силы.

б) Степень загрузки в отношении рабочих часов.

Степень загрузки, как видно из данных на с. 37, в отношении рабочих часов составляет в апреле месяце текущего года только 59,7%, а в отношении могущей быть там занятой рабочей силы—64,3%. Но и в прошлом году, когда конъюнктура была лучше, чем сейчас, соответствующие проценты были 71,6 и 73,6. Недогрузка предприятий почти на 30% таким образом постоянное явление, а в настоящее время производственный аппарат загружен даже только на 64%.

•
бюджете рабочего высокий процент занимают продукты питания сельскохозяйственного происхождения, то увеличатся также доходы крестьянства, которое в свою очередь предъявит спрос на промышленные изделия).

¹⁴ Впервые печатается в качестве приложения в последнем конъюнктурном обзоре за II квартал 1930 г. „*Vierteljahresheft für Konjunkturforschung*“, Jahrgang 5, Heft 1, S. 46.

Д а т а	Все отрасли промышленности		Производство средств произ-ва		Производство средств потреблен.	
	а	б	а	б	а	б ¹⁵
1928 июль	77,9	74,3	80,5	78,0	80,8	72,8
„ октябрь	75,8	73,0	77,9	74,8	78,3	74,1
1929 январь	67,9	64,2	77,3	74,0	78,1	72,4
„ апрель	73,6	71,6	77,5	75,6	77,2	73,2
„ июль	76,1	72,7	77,7	74,7	76,8	69,1
„ октябрь	73,1	71,2	75,9	74,0	76,9	73,6
„ ноябрь	71,0	68,9	75,9	74,0	76,7	72,9
„ декабрь	68,1	65,5	74,9	72,7	75,9	72,5
1930 январь	65,6	62,2	73,7	70,6	73,9	69,1
„ февраль	64,2	60,4	72,5	67,7	73,6	68,8
„ март	64,1	59,7	71,4	66,0	73,0	66,8
„ апрель ¹⁶	64,3	59,7	70,8	65,3	72,3	66,8

(Заметим кстати, что эти предприятия являются рентабельными, потому что иначе они совсем не работали бы). Это значит, что 50% числа занятых сейчас рабочих могут еще найти там применение и это значит, что производство может быть смело увеличено в два раза, так как современные предприятия (Kapitalintensive Unternehmen) с высоким органическим составом капитала, как совершенно правильно указывает Zviedeneck Sudenhorst ¹⁷ при небольшом увеличении числа рабочих могут сильно увеличить производство. Это не происходит только потому, что имеется уже перепроизводство, т. е. отсутствует сбыт.

В чем заключается реальный процесс капиталообразования? В создании новых фабрик и заводов, в производстве новых машин, новых электростанций, железных и шоссейных дорог, в жилищном строительстве и т. п., т. е. он заключается в расширенном воспроизводстве. Спрашивается, является ли капиталообразование, которое происходило и происходит в Германии, недостаточным, нужно ли для выполнения всего этого—теперь сократить потребление путем снижения зарплаты тех, которые участвуют в производстве? Нужно ли, чтобы на данном базисе потребления работало большее число, т. е. необходимо ли сократить потребление занятых в производстве, чтобы втянуть в производство безработных? Мы отвечаем на это категорически—„нет“!

¹⁵ Конъюнктурная группа, т. е. здесь включены только производства, не подвергающиеся резким сезонным колебаниям.

¹⁶ Предварительные данные.

¹⁷ „Beiträge zur Erklärung der strukturellen Arbeitslosigkeit“, Vierteljahreshefte für Konjunkturforschung, 1 Ergänzungsheft, S. 54.

Кризис в Германии имеет место не потому, что массы слишком много потребляют, а потому, что они слишком мало потребляют.

Схематически динамика германской конъюнктуры последних лет представляется следующим образом:

Производство средств производства должно служить и способствовать расширению производства предметов потребления. Но ввиду огромного удельного веса производства средств производства, оно себе подчинило производство средств потребления. Производство предметов потребления определяется в значительной мере спросом, который идет от зарплаты отраслей тяжелой промышленности. Производство предметов потребления поэтому плетется в хвосте развития тяжелой промышленности.

Когда в промышленности происходит процесс переоборудования, когда старые машины заменяются новыми, когда строятся новые заводы и электрические станции, когда происходит замена старых станков новыми, когда в связи со всем этим большие массы рабочих вовлекаются в производство, происходит оживление в легкой промышленности (1927 г. в Германии). Казалось бы, что когда этот процесс будет закончен, начнется всеобщее благоденствие; огромное количество труда затрачено на создание орудий производства. Сейчас орудия производства помогут создавать все большее количество потребительских благ. Надо ожидать скачкообразного расширения всех отраслей промышленности и в особенности производства потребительских благ. Вместо этого обнаруживается перепроизводство, начинается сокращение производства всех отраслей промышленности, рост безработицы, развивается кризис.

V

Германская буржуазия и социал-демократия видят основную причину кризиса в „недостатке капиталообразования“ и возлагают все свои надежды на оживление от притока иностранных капиталов, роста внутреннего капиталообразования и новой полосы инвестиционной деятельности. С другой стороны, они не могут скрыть от себя, что собственно инвестироваться - то капиталам некуда! Так, Германский Конъюнктурный институт пишет по поводу положения в металлообрабатывающей промышленности металлургии: „Поглощательная способность внутреннего рынка для металлургической промышленности за последние месяцы была незначительной. Объем промышленного производства сейчас не позволяет в достаточной мере использовать имеющееся производственное оборудование. Растущее улучшение на кредитных рынках осталось без особого действия на инвестиционную деятельность в народном хозяйстве. При высоком уровне технической рационализации в важнейших отраслях германской промышленности, даже при еще большей ликвидности кредитных рынков, едва ли приходится рассчитывать на быстрый рост новых инвестиций“¹⁸.

О положении машиностроительной промышленности мы читаем там же: „В противоположность к развитию конъюнктуры в 1926 г. оживление производства отраслей промышленности, предъявляющей спрос машиностроению, по всей вероятности, не будет сопровождаться непосредственным расширением их оборудования. Раньше, чем инве-

¹⁸ „Vierteljahreshefte für Konjunkturforschung“, Jahrgang 5, Heft. 1, Teil B, S. 19.

стициям откроются вообще какие бы то ни было перспективы и они сделаются нужными, должно предшествовать значительно большее использование существующих производственных возможностей, так как производственный аппарат за период 1926—1927 г. был сильно расширен и рационализирован¹⁹.

Это завершение процесса переоборудования и отсутствие возможности новых инвестиций имеет решающее значение для дальнейшего развития конъюнктуры в Германии, так как оно обозначает, что с этой стороны на данной стадии развития возможности в значительной мере исчерпаны.

Каковы дальнейшие перспективы развития при этих условиях? Германский Конъюнктурный институт, давая в общем весьма пессимистическую оценку положения и перспектив, возлагает все свои надежды на приток иностранных капиталов и новые инвестиции, в связи с улучшившимися условиями на международных кредитных рынках (изобилие и дешевизна краткосрочного кредита). Этому противостоят—как „противодействующие—факторы“: „1) уменьшившийся доход широких масс населения, 2) обусловленное плохой конъюнктурой сильное ослабление воли к новым инвестициям у предпринимателей и 3) неблагоприятное развитие внешних рынков“²⁰.

В отношении первого фактора вполне очевидно, что теперешнее наступление предпринимателей, в случае успеха, способно только усугубить существующее положение вещей, т. е. обострить кризис. В отношении внешних рынков можно сейчас ждать только ухудшения, во всяком случае на улучшение пока никаких надежд быть не может. Таким образом в трактовке Конъюнктурного института вопрос о преодолении кризиса и безработицы сводится к психологической проблеме; когда улучшившиеся условия на кредитных рынках преодолеют „инертность предпринимателей“ (*verminderte Investitionswille*), которые из-за плохой конъюнктуры боятся производить новые инвестиции.

Мы отнюдь не хотим утверждать, что приток иностранных капиталов не окажет никакого воздействия на германскую экономику, но действие его будет по необходимости чрезвычайно ограниченным и к широким инвестициям в промышленности не приведет, так как промышленность в них не нуждается, или если нуждается, то лишь в небольшой степени. Не „инертность“ предпринимателей, а невозможность использования существующего оборудования является здесь объективным пределом для всяких новых инвестиций.

Германский капитализм зашел в тупик потому, что в результате рационализации и инвестиций последних лет производительные силы колоссально выросли, а платежеспособный спрос широких масс, медленно повышавшийся в годы переоборудования промышленности (1927/1928 г.), со второй половины 1929 г. не только относительно, но и абсолютно сильно снизился. „С одной стороны,—как говорит Маркс,—избыток всех условий воспроизводства и всякого рода непроданных товаров на рынке. С другой стороны—обанкротившиеся капиталисты и лишенные всяких средств существования голодающие рабочие массы“²¹.

Нужен огромный основной капитал,—говорят германские капиталисты и за ними повторяют социал-демократы,—чтобы дать приме-

¹⁹ „Vierteljahreshefte für Konjunkturforschung“, Jahrgang 5, Heft 1, Teil B, S. 19.

²⁰ „Vierteljahreshefte für Konjunkturforschung“ Jahrgang 5, 1 Heft. Teil A, S. 11.

²¹ „Теория прибавочной стоимости“, т. II, ч. 2, немецкое изд., с. 303.

нение миллионам безработных. Но разве имеющиеся производственные возможности не используются лишь на 60—70%! Верно, конечно, что нельзя потреблять больше, чем производят, но разве в Германии нехватает товаров? Кризис не новое для капитализма явление, но никогда еще противоречия между ростом производительных сил, которому противостоят безработица и нищета, не достигали таких чудовищных размеров, как сейчас. „Недостаток капиталообразования“ и „перепроизводство“—разве это сочетание слов не абсурдно... „Слово перепроизводство само по себе вводит в заблуждение. Пока не удовлетворены самые насущные потребности значительной части общества, или только самые непосредственные потребности его, абсолютно, конечно, не может быть и речи о перепроизводстве продуктов, в том смысле, что масса продуктов представляла бы избыток в сравнении с потребностями их. Нужно, наоборот, сказать, что на основе капитализма в этом смысле постоянно производится слишком мало“²².

При огромных производственных возможностях, при производственном аппарате, оборудованном по последнему слову техники, около 25% рабочего класса находится в Германии без работы. Это значит, что десятки и сотни миллиардов, вложенные в промышленность, лежат неиспользованными—здесь основная причина безработицы и кризиса!

М. КРИВИЦКИЙ

К ПРОБЛЕМАМ ЭКОНОМИКИ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА

Уже неоднократно приводились замечания Ленина на „Экономику переходного периода“ Бухарина по поводу предмета политической экономии. Ленин, резко подчеркивая, что политическая экономия изучает не только товарное хозяйство, конечно не утверждал этим самым „вечность“ экономических закономерностей. Наоборот, призывая к энгельсовскому определению, он подчеркивал необходимость изучения различных экономических отношений в их специфической определенности. Это не было просто теоретическим спором, оторванным от действительности, между Лениным и Бухариным. Ленин хотел подчеркнуть и подчеркивал этим необходимость теоретического изучения и экономики переходного периода и даже будущего социалистического общества.

То же самое и достаточно резко подчеркивал т. Сталин, говоря о необходимости уничтожения разрыва между темпами теоретической работы и практики, выдвигая на первый план теоретического изучения советскую экономику и империализм.

Мы имеем дело с очень странным *qui pro quo*. Многие экономисты этот очень ясный призыв к теоретическому изучению нашей действительности приняли за призыв к уходу от теории к конкретике, к эмпирике. Во всяком случае мы имеем дело с таким фактическим уходом. Достаточно просмотреть вышедшие статьи, посвященные советской экономике и империализму, чтобы убедиться в их полуописательном характере. Считается признаком „хорошего тона“, признаком связи с действительностью оперирование колонками цифр. При этом забывают, что схоластика может с успехом прятаться за колонки цифр и что связь с действительностью может осуществляться и иным способом. Многие статьи Ленина не делаются схоластическими от того, что в них отсутствует числовой материал.

Мы не возражаем против колонок цифр, но мы не рассматриваем их как единственный и достаточный признак связи с действительностью. Эти общие замечания являются своеобразной „профилактической мерой“ против обвинения в схоластике—вследствие незначительного количества или даже отсутствия цифровых иллюстраций.

Одним из важных общих вопросов, без разрешения которого невозможно более или менее правильное понимание основных вопросов теории экономики переходного периода, является вопрос: каковы определяющие признаки экономики переходного периода от капитализма к социализму, каковы ее отличия от других „экономик“ и других „переходных периодов“?

„В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли независимые отношения, ко-

горые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис..." (Маркс).

Это совершенно ясное положение, относящееся ко всем экономическим формациям, является недостаточно ясным в приложении к экономике переходного периода... Возникает целый ряд сомнений: 1) можно ли говорить об определенных производственных отношениях экономики переходного периода? 2) В какой мере и в каком смысле можно говорить о производственных отношениях, независимых от воли людей? И наконец 3) можно ли говорить об определенной экономической структуре переходного периода—или... другими словами—можно ли экономисту переходного периода называть экономической формацией?

Остановимся на последнем вопросе. Большинство экономистов отвечает на этот вопрос утвердительно. И у некоторых экономистов это утверждение, выражаясь мягко, принимает парадоксальный характер... Тов. Дубровский например классифицирует все хозяйственные системы, все экономические формации таким образом. Имеется хозяйство первобытного общества, патриархального, рабовладельческого, феодального, крепостного, имеется капиталистическое хозяйство, хозяйство переходной эпохи от капитализма к социализму, социалистическое хозяйство и наконец хозяйство эпохи мирового коммунизма. Таким образом он рассматривает экономику переходного периода „наряду и равноправно“ с другими экономистами и даже экономисту переходного периода он называет особым способом производства и хозяйственным укладом. Таким же укладом, каким является капиталистический уклад, мелкотоварный уклад, таким же укладом является и экономика переходного периода¹.

Отвлечемся от терминологической путаницы, от спорности отождествления укладов, особых способов производства и т. д. Остановимся лишь на характере этой „классификации“. Совершенно ясна нелепость этой классификации. Достаточно вспомнить 5 укладов, о которых говорил Ленин, в которые включается натуральное, мелкотоварное, капиталистическое, госкапиталистическое и социалистическое хозяйство и из которых состоит наша экономика—экономика переходного периода—чтобы понять надуманность (вернее, непродуманность) этой классификации.

Тов. Раскин также рассматривает экономику переходного периода как определенную экономическую формацию, как систему производственных отношений. В своем докладе в Экономической секции Коммунистической академии он всякого, кто не рассматривает экономику переходного периода как систему производственных отношений, как определенную экономическую формацию, объявлял врагом генеральной линии партии, считая, что всякий, кто стоит на другой точке зрения, является уклонистом.

Тов. Гатовский в одной из своих статей защищает такую же точку зрения².

Мы остановимся немного ниже на высказываниях т. Гатовского по этому поводу.

Не будем останавливаться на других выступлениях и перейдем к существу вопроса.

¹ С. Дубровский, К вопросу о сущности азиатского способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитализма.

² „Проблемы экономики“ № 1, 1930.

Непонимание сущности нашей экономики как экономики переходной явно сказывается во всех этих определениях.

Известное определение переходного периода, даваемое Марксом в „Критике Готской программы“ уже отчасти дает ответ на поставленные вопросы. И этот ответ далеко не совпадает с указанными ответами. Я позволю себе повторить это определение, известное даже тем, кто не читал „Критики Готской программы“, ибо оно неоднократно цитировалось.

„Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного переустройства одного в другое. Этому соответствует и в политике переходный период, во время которого не может быть иного государства, кроме революционной диктатуры пролетариата“. Мы отвлечемся от более или менее полного анализа этого определения, обратим внимание на определение этой эпохи, как эпохи, лежащей между двумя социально-экономическими формациями. Совершенно очевидно, что ни одна экономическая формация не может быть определена как формация, лежащая между двумя другими формациями, хотя исторически это неоспоримо для всякого марксиста. Нелепо было бы определить например капитализм как период, лежащий между феодализмом и экономикой переходного периода от капитализма к социализму.

В то же время совершенно очевидно, что „положение между“ является неотъемлемым определяющим признаком экономики переходного периода.

Еще ярче подчеркивается переходный период как период *suu generis* Лениным, который рассматривает его как период большого скачка.

Тов. Гатовский в указанной статье также говорит „о скачке“.

„Ленинизм рассматривает переходный к социализму период как относительно длительный период, резко отличный от капитализма, отделенный от него революционным скачком. Отсюда следует ряд выводов. Прежде всего, раз подчеркивается специфичность переходного периода, наличие этого революционного скачка, после которого начинается новая, особая хозяйственная система, то отсюда следует вывод, что вращение старой хозяйственной системы в новую невозможно“³.

Таким образом т. Гатовский высказывает следующее:

1. Переходный период резко отличен от капитализма и отделен от него революционным скачком.

2. После этого скачка начинается новая хозяйственная система, т. е. переходный период является новой хозяйственной системой.

Сопоставим с тем, что говорил по этому поводу Ленин.

„Вся оригинальность переживаемого положения, с точки зрения многих желающих считаться социалистами, состоит в том, что люди привыкли абстрактно противопоставлять капитализм социализму, а между тем и другим глубокомысленно ставили слово „скачок“ (некоторые, вспоминая отрывки, читаемые у Энгельса, добавляли еще более глубокомысленно: „скачок из царства необходимости в царство свободы“). Таким скачком учителя социализма называли перелом под углом зрения поворота всемирной истории. Что скачки такого рода обни-

³ „Проблемы экономики“ № 1, 1930, с. 62.

мают периоды лет по 10, а то и более, об этом не умеют подумать большинство так называемых социалистов“⁴.

„Настоящий интерес эпохи больших скачков состоит в том, что обилие обломков старого, накапливаемых иногда быстрее, чем количество зародышей (не всегда сразу видных) нового, требует уменьшать выделить самое существенное в линии или цели развития“⁵.

Тов. Гатовский понимает под скачком лишь краткий период, отделяющий капитализм от экономики переходного периода, т. е. Октябрьскую революцию⁶. Для Ленина вся экономика переходного периода — с к а ч о к, период революционного скачка. Говоря образным языком, для Ленина Октябрьская революция не кончилась в октябре, она продолжается на всем протяжении экономики переходного периода. Для него экономика переходного периода — это процесс революции или, говоря словами Маркса, — „период революционного переустройства“ одного общества в другое. Для него экономика переходного периода — не новая хозяйственная система, а период революционной постройки новой хозяйственной системы.

Совершенно ясно, что было бы не совсем правильно рассматривать любую экономическую формацию как период скачка от одной формации к другой, например капитализм рассматривать как период скачка от феодализма к социализму или к экономике переходного периода от капитализма к социализму. Если бы даже какому-нибудь утонченному диалектику и пришла такая мысль, то она ничего не дала бы для понимания капиталистической экономики. В то же время совершенно ясно, что эта характеристика переходной эпохи — как скачка дает очень много для понимания экономики переходного периода.

Рассматривание экономики переходного периода как определенной экономической формации, как новой хозяйственной системы смазывает ее особую динамичность, ее революционный характер. Постройка новой хозяйственной системы — это процесс революции, это процесс борьбы. И лишения и экономические затруднения не вытекают из сущности новой хозяйственной системы, которая только создается, а являются спутниками процесса борьбы, процесса революционной перестройки.

Из нашего отрицания экономики переходного периода как новой хозяйственной системы, как экономической формации, конечно, не следует отрицание специфических закономерностей экономики переходного периода. Из этого не следует рассматривание экономики переходного периода как хаоса. Революция является хаосом лишь в представлении напуганного или пугающего буржуа. Мы имеем дело не с закономерностями сложившейся новой хозяйственной системы. Мы имеем дело с закономерностями революционной перестройки, руководимой классом-гегемоном. Контрольные цифры, перспективный план, генплан говорят не о хаотическом движении революции, а об ее закономерной поступи.

Сопоставление с любой экономической формацией, например с капиталистической, подчеркивает своеобразие экономики переход-

⁴ Ленин, Соч., т. XV, с. 206.

⁵ Ленин, там же.

⁶ Правда, у т. Гатовского имеется и утверждение, что революция не закончилась, но это утверждение не совсем увязано с другими высказываниями и с пониманием скачка и с рассматриванием экономики переходного периода, как новой хозяйственной системы.

ного периода и в другом отношении. Теоретически мы можем представить чистое капиталистическое общество, где действуют чистые закономерности капитализма, завершенные в своем развитии, со всеми своими противоречиями, но не осложняемые и не искажаемые пережитками прежних состояний. Такое, даже теоретическое, представление экономики переходного периода невозможно, ибо оно в самом себе заключает отрицание экономики переходного периода. Экономика переходного периода, завершенная в своем развитии, не осложняемая и не искажаемая пережитками прошлого, является не экономикой переходного периода, а социализмом.

И это с большой ясностью следует из основной характеристики экономики переходного периода как периода революционной перестройки одного общества в другое. Уже из этой характеристики неизбежно следует существование строящихся новых отношений и перестраиваемых старых.

В этом отношении можно было бы провести некоторую аналогию с периодом возникновения капиталистического общества. Процесс первоначального капиталистического накопления, процесс классового расщепления рабочей силы и средств производства мог происходить лишь в процессе борьбы и взаимодействия между различными хозяйственными системами. Было бы ошибочно при изучении этого процесса брать одну из хозяйственных систем в „чистом виде“, вне ее связи с другими хозяйственными системами⁷. То же самое и по отношению к экономике переходного периода. Это еще раз подтверждает неправильность рассматривания экономики переходного периода как определенной экономической формации. Отрицая экономику переходного периода как экономическую формацию, мы в то же время не можем не подчеркнуть существенной разницы между экономикой переходного периода от капитализма к коммунизму, от других переходных периодов, напр., от феодализма к капитализму. Капиталистические отношения зародились гораздо раньше буржуазной революции. Еще до прихода к власти класса капиталистов мы имеем дело с капиталистическими отношениями, с более или менее развитой капиталистической эксплуатацией. Но если капиталистические отношения могли зародиться и отчасти развиваться в недрах феодального общества, то социалистические отношения не могут зародиться и развиваться в недрах капиталистического общества. В недрах капиталистического общества создаются и зреют условия будущего социалистического общества: процесс концентрации производства, рост класса пролетариата—будущего гегемона и т. д. Социалистические отношения зарождаются и развиваются только после прихода к власти пролетариата, с началом диктатуры которого и совпадает начало экономики переходного периода. Всякая другая точка зрения неизбежно ведет к реформизму, к отрицанию неизбежности социальной революции, к утверждению возможности возникновения и развития социалистических отношений в рамках капитализма, к разложению экономики переходного периода в капиталистической экономике, т. е. к взгляду, защищаемому современной социал-демократией.

„Между капитализмом и социализмом лежит переходный период, который может быть в тройном направлении охарактеризован мной:

⁷ Из всего этого конечно не следует вывод, к которому пришел т. Гольденберг в своем споре с Преображенским,—что абстрактный метод неприменим к экономике переходного периода. См. „Экономическая платформа оппозиции“, Гиз, 1927.

политически—через коалиционное правительство... юридически—через трудовое правительство, экономически—через производственную и хозяйственную демократию“⁸. Другими словами, весь этот период рисуется реформистами как период мирного вrastания капитализма в социализм.

Экономика переходного периода от капитализма к социализму является, как мы неоднократно подчеркивали, периодом большого скачка, периодом революции. В этот период происходит перестройка одной формации в другую. Для осознания этого процесса чрезвычайно важно остановиться на вопросе о том, какое содержание мы вкладываем в понятие экономической формации. Такое рассмотрение должно явиться еще одним доказательством нашего отрицания экономики переходного периода как экономической формации.

Что мы понимаем под экономической формацией? Чем отличается одна экономическая формация от другой экономической формации? Во II томе „Капитала“ Маркс достаточно ясно указывает, чем отличается одна формация от другой формации:

„Каковы бы ни были общественные формы производства, рабочие и средства производства всегда остаются его факторами. Но, находясь в состоянии отделения одних от других, те и другие являются его факторами в возможности. Для того чтобы вообще производить, они должны соединиться. Тот способ, тот особый характер и способ, каким осуществляется это соединение, различает отдельные экономические эпохи социальной структуры“.

Не будем останавливаться на других признаках, отличающих одну экономическую формацию от другой. Остановимся на этом основном признаке.

Каков характер соединения рабочей силы и средств производства в капиталистическом обществе?

Маркс во II томе „Капитала“ говорит:

„Акт Д—Р вообще признается характерным для капиталистического способа производства. Но отнюдь не по той, указанной выше причине, что купля рабочей силы есть такой договор купли, в которой предположено доставление большего количества труда, чем необходимо для возмещения цены, рабочей силы, заработной платы, в котором, следовательно, обусловлено доставление прибавочного труда, основного условия для капитализации авансированной стоимости, или, что то же, для производства прибавочной стоимости. Нет, он признается характерным скорее вследствие своей формы: потому что труд покупается на деньги в форме заработной платы, а это считается признаком денежного хозяйства“⁹.

Вот, что считает Маркс признаком, характерным для капиталистического общества. Точнее, для того чтобы процесс производства мог происходить, необходимо, чтобы рабочая сила продавалась, и эта форма является характерной для капитализма. С этой формой мы как будто сталкиваемся и у нас. Но это только внешнее совпадение.

Характерное заключается не в том, что как товар—рабочая сила может быть куплена, а что рабочая сила является товаром. Вот это и говорит о характерном способе соединения рабочей силы и средств производства.

⁸ Nölting E., Die Lohnfrage im Lichte der neuen Wirtschaftsentwicklung.

⁹ К. Маркс, Капитал, т. II, гл. I, с. 6.

Маркс, развивая это определение, подчеркивает классовый характер покупки и продажи рабочей силы.

„Хотя в акте Д—Р собственник денег и собственник рабочей силы относятся друг к другу лишь как деньговладелец и товаровладелец, следовательно в этом смысле находятся в простом денежном отношении друг к другу,—тем не менее покупатель с самого начала выступает и как владелец средств производства, которые образуют вещественные условия производительной затраты рабочей силы владельцем последней. Другими словами, эти средства производства противостоят владельцу рабочей силы, как чужая собственность. С другой стороны, продавец труда противостоит покупателю как чужая рабочая сила“¹⁰. „Деньги уже очень рано выступили в качестве покупателя так называемых услуг, и несмотря на то деньги не превращались в капитал“¹¹.

Таким образом, Маркс подчеркивает, что здесь не только должна быть продажа и покупка рабочей силы, а что рабочая сила и средства производства находятся на классово различных полюсах. Средства производства находятся в руках класса капиталистов, а рабочая сила находится в руках класса рабочих. Это и является характерным для капиталистического способа производства. Это способ соединения рабочей силы и средств производства не характерен для экономики переходного периода: хотя капиталистические отношения в экономике переходного периода еще продолжают существовать, но они не являются ведущими, господствующими. В переходный период идет процесс уничтожения этого способа производства, процесс создания нового способа соединения рабочей силы и средств производства. Происходит процесс уничтожения классовой полярности средств производства и рабочей силы.

Но всякое ли уничтожение этой классовой полярности является характерным для экономики переходного периода?

Если возьмем рабовладельческое общество, то там также не существовало классовой полярности средств производства и рабочей силы. Они находились в руках одного и того же класса. Раб был собственностью рабовладельца, точно так же как и остальные средства производства были собственностью рабовладельца. Таким образом, рабочая сила и средства производства находились в руках одного класса. Так что там, несмотря на то что существовали классы, классовой полярности средств производства и рабочей силы не было. Возьмем мелкое товарное хозяйство. Рабочая сила и средства производства находятся в руках одного и того же владельца. Но имеется огромная разница между рабовладельческими отношениями и отношениями мелкого товарного хозяйства. В рабовладельческом хозяйстве и рабочая сила и средства производства находились в руках другого класса. В мелкотоварном хозяйстве производитель является свободным владельцем и средств производства и рабочей силы. И в этом случае нет классовой полярности рабочей силы и средств производства. Но и в этой аполярности рабочей силы и средств производства, с которой нам приходится сталкиваться в мелком товарном хозяйстве, уже заключена возможность классового разделения, классового расщепления средств производства и рабочей силы, т. е. аполярность уже включает в себе в зародыше те отношения, которые

¹⁰ Маркс, цит. соч., с. 7.

¹¹ Маркс, цит. соч., с. 6.

в конце концов должны привести к полярности рабочей силы и средств производства. Заглянем в будущее. Способ соединения рабочей силы и средств производства будет резко отличен от указанных способов соединения. Средства производства будут находиться в руках коллектива свободных производителей. Таким образом при социализме мы будем иметь дело с так называемым обобществлением средств производства. Этой высшей форме соединения рабочей силы и средств производства должны соответствовать высокоразвитые производительные силы.

Имеется ли какой-нибудь определенный способ соединения этих двух необходимых элементов процесса производства, характерный для экономики переходного периода?

Наша конкретная экономика состоит из сложного переплета различных производственных отношений, различных способов производства. Социалистический сектор является ведущим. Мы имеем дело с процессом перестройки всей экономики, всех встречающихся в нем способов производства. Совершенно ясно, что мы имеем в социалистическом, мелкотоварном, капиталистическом секторах характерный для каждого из них способ соединения рабочей силы и средств производства. И в то же время не менее ясно, что ни один из этих способов соединения не является характерным для экономики переходного периода. Способ соединения, с которым нам приходится сталкиваться в социалистическом секторе например, взятом в чистом виде вне связи с другими секторами, является характерным для будущего социалистического общества, а не для переходной экономики. Конечно, не эти определенные способы соединения характерны для экономики переходного периода. Что же является характерным для нее?

Для ответа на этот вопрос нужно уметь „выделить самое существенное в линии или цели развития“ (Ленин). Возьмем сектор, являющийся одним из наиболее важных секторов в нашей экономике— мелкотоварный уклад. Если мы возьмем мелкотоварное хозяйство с его специфическими особенностями, с его способом соединения рабочей силы и средств производства, с его отсталой техникой и т. д., и будем изучать его в чистом виде, независимо от других секторов, изучать, если можно так сказать, его внутренние законы развития, придем ли мы к закономерностям, характерным для экономики переходного периода? Совершенно ясно, что мы таким способом не сможем „выделить самое существенное в линии... развития“ нашей экономики. Мелкотоварное хозяйство, предоставленное своим внутренним законам развития, таким образом, стихийно развиваясь, неизбежно должно было бы вступить на путь капиталистического развития. Конечно, не это является характерным для нашей экономики как экономики переходного периода. Для нее характерным является процесс коллективизации, процесс перестройки одного (индивидуалистического) способа соединения рабочей силы и средств производства в другой способ (коллективистический), иначе говоря, процесс обобществления.

Мы имеем дело с процессом приближения к формам соединения этих основных элементов процесса производства, характерных для социализма; с процессом, связанным с перестройкой технической базы, соответствующей новым производственным отношениям.

Этот процесс перестройки способов соединения рабочей силы и средств производства в способ, характерный для социализма, происходит в различных формах в различных секторах нашей экономики.

В мелкотоварном секторе происходит процесс расщепления средств производства и рабочей силы, индивидуалистически соединенных, и происходит процесс коллективного соединения их. Капиталистические отношения вытесняются в различных формах, и на место их становятся социалистические отношения.

Этот процесс охватывает всю экономику; он выходит даже за грани общественного производства и проникает в сферу быта. Например развитие фабрик-кухонь, общественных столовых — это процесс уничтожения индивидуалистического способа соединения рабочей силы и средств производства в сфере домашнего хозяйства и замена его коллективистическим соединением, это процесс обобществления этой одной из наиболее отсталых сфер производства...

Подытожим... Все сказанное еще раз подтверждает наше исходное положение, что экономика переходного периода не является экономической формацией, не является новой хозяйственной системой. Для экономики переходного периода характерным является не определенный способ соединения рабочей силы и средств производства, характерный для того или другого ее сектора, а процесс перестройки определенных способов соединения средств производства и рабочей силы в другие способы соединения их. Это и является характерным для экономики переходного периода. Не тот способ соединения, с которым нам приходится напр. сталкиваться в мелком товарном хозяйстве, и не тот способ соединения, с которым нам придется сталкиваться при социализме, а перестройка одного способа в другой характерна для экономики переходного периода.

Основной задачей теории экономики переходного периода является изучение этого процесса перестройки, имеющей свои специфические закономерности. Специфичность закономерностей экономики переходного периода вытекает из данной уже нами характеристики ее. Переходный период — это период революционной перестройки одной экономической формации в другую. Обычные вопросы, которые ставятся при рассмотрении переходной экономики, — например, существуют ли те или другие экономические закономерности: закон стоимости, прибавочной стоимости, заработной платы и т. д. — вытекают из непонимания сущности экономики переходного периода.

Характерным для экономики переходного периода является не существование или существование тех или других ранее существовавших закономерностей, а процесс изменения их. Характерным для экономики переходного периода является напр. не закон стоимости, заработной платы, и т. д., а закономерность изменения закона стоимости, заработной платы, процесс превращения их в закономерности другой экономической формации — социализма.

На проблеме экономических закономерностей экономики переходного периода, на их специфическом характере мы остановимся более подробно в одной из ближайших статей.

А. ХАНКОВСКИЙ

ЗАДАЧИ ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ НА НОВОМ ЭТАПЕ *

I

Каждый шаг вперед, проделываемый по линии индустриального развития страны, каждая новая победа, одерживаемая нами на экономическом фронте, поднимает на новую высоту коренные техно-экономические проблемы нашего времени. Это в особенности относится к решающим комплексным проблемам нашего социалистического хозяйства, к тем элементам народного хозяйства, коим суждено играть роль ведущих звеньев на общем поступательном пути к социализму. Это, в частности, относится и к электрификации.

Уровень довоенного индустриального развития России, как известно, находился в довольно жалком состоянии по сравнению с уровнем индустриального развития передовых капиталистических стран Европы и Америки. Однако и это небогатое наследие оказалось почти до основания парализованным и разрушенным в результате империалистической и гражданской войн. Понадобился большой период времени для того, чтобы восстановить довоенный экономический уровень (разумеется, на иных чем при капитализме началах), а на этой основе приступить к решительному наступлению по линии коренной социалистической реконструкции. Прошедший период весьма поучителен с точки зрения намечения очередных задач. Особенность прошедшего периода в самых общих чертах заключается в том, что за истекший период мы обуздали стихию методами социалистического планирования. Победы нашего хозяйства достигались в рамках социалистических форм, методами социалистического планирования. Именно последнее дало возможность реализовать ряд хозяйственных преимуществ, которые и выявились как преимущества социалистической системы в отличие от системы капиталистической с ее анархией производства и распределения. С другой стороны, с первых же шагов положительного социалистического строительства во главу угла нашего планового хозяйства, в планах этого строительства был положен принцип развития нашего хозяйства на иной технической основе, на основе коренной технической реконструкции нашего хозяйства, на базе плановой электрификации.

Десятилетний период планово-социалистического строительства дает весьма богатый опыт, достаточный для того, чтобы помочь нам правильно наметить дальнейшую линию экономического развития. 10 лет тому назад мы начали с генерального плана—ГОЭЛРО, нащупавши затем систему годовых контрольных цифр, задачей коих было конкретизировать план ГОЭЛРО на протяжении годового отрезка времени.

* В порядке обсуждения.

По мере наших успехов, укрепления планового хозяйства и все возрастающего роста планового начала, мы последовательно перешли от годовых контрольных цифр к составлению пятилетнего плана и этим самым сделали последний подготовительный шаг к новому генплану. И годовые контрольные цифры, и пятилетний план исходили из основных ленинских установок, данных в плане ГОЭЛРО, но одновременно с этим (как это, впрочем, и мыслилось Лениным и руководителем ГОЭЛРО еще 10 лет тому назад) достигали: 1) конкретизации плана во времени, 2) уточнения отдельных установок плана в более детальном разрезе, 3) форсирования реализации всего плана ГОЭЛРО, его оптимального варианта, 4) реализации выявившегося на ходу ряда социалистических возможностей и чисто социалистических резервов и наконец 5) на основе указанных моментов—реализации ряда добавочных мероприятий партии по части форсирования социалистического строительства в смысле уточнения и намечения ряда новых конкретных установок партии, направленных в сторону коренной социалистической реконструкции нашего хозяйства для достижения в минимальный период техно-экономического уровня передовых капиталистических стран, а затем и последовательного опережения последних, для успешного завершения происходящего соревнования между социализмом и капитализмом. К настоящему времени таким образом накопились достаточно материалов для того, чтобы подвести некоторые итоги этапу, и на этой основе наметить дальнейшие вехи нашего движения вперед.

II

План ГОЭЛРО является крупнейшей исторической вехой социализма. Значение плана велико уже по одному тому, что он является первым генеральным планом первой социалистической страны, планом составленным под руководством Ленина; план этот знаменовал вместе с тем начало новой эры.

Не успела еще замолкнуть Октябрьская канонада, как перед пролетариатом, вышедшим победителем с поля Октябрьской битвы, стали немедленно вырисовываться грандиозные задачи строительного порядка. Перед пролетариатом СССР, получившим от старого буржуазно-крепостнического строя нищенское наследие, тотчас встали грандиозные строительные задачи: упрочение своей победы, своего внутреннего и международного положения, в смысле укрепления СССР как форпоста мировой пролетарской революции, а на этой основе—проведения коренной переделки отсталой России на социалистический лад и создания в социалистической стране пролетарской базы, основанной на новейшей технике. Для партии было ясно, что мировая революция не есть одновременный акт, что первоначально революция победит в отдельной стране, в отдельных странах. Поэтому решающие установки Ленина, данные им в плане, исходили из возможностей социалистического строительства в отдельных странах, возможности победы социализма в нашей стране.

После Октябрьской победы партии не удалось сразу выступить с широкой строительно-социалистической программой. Этому прежде всего помешали условия гражданской войны. Однако в ряде документов и в частности в ленинском наброске научно-технических работ (апрель 1918 г.) уже содержались важнейшие элементы и принципы будущего генплана, которые в яркой и развернутой форме были представлены в плане ГОЭЛРО.

В чем суть ленинского плана ГОЭЛРО?

Как уже выше сказано, его историческое значение заключается в том, что мы получили в нем впервые выражение единого общегосударственного народно-хозяйственного плана, плана восстановления и технико-экономической реконструкции СССР под углом зрения создания коренных предпосылок для закрепления и дальнейшего форсирования процессов социальной реконструкции. В этом смысле план ГОЭЛРО сразу выступил как законное детище победившей пролетарской революции и при том резко выделялся на общем хаотическом фоне послевоенной мировой экономики, будучи ясно противопоставлен старому капиталистическому миру и всей „системе“ анархии послевоенного империализма, конвульсивно бившегося в страхе за свое существование. Но этим общим положением нельзя ограничиться, ибо план ГОЭЛРО является конкретным документом нашей эпохи, сугубо учитывавшим конкретные условия русской действительности и намечавшим вместе с тем конкретные пути перехода от варварски отсталого состояния к социализму. Он являлся, во-первых, планом восстановления довоенной промышленности и земледелия и, во-вторых, планом восстановления, а затем и реконструкции всего хозяйства на новейшей технической основе, что в свою очередь должно было служить стержнем для дела коренной социальной реконструкции страны от патриархальщины к социализму.

„Единственный выход,—говорит Ленин,—из этого (т. е. из экономических бедствий старой России—А. Х.) может быть только в восстановлении производительных сил, но не на старой, нищенской мелкой основе, а на основе новой крупной промышленности и электрификации“¹.

Проблема строительства социализма в сугубо отсталой крестьянской стране, каковой являлась Россия непосредственно после октября, выдвинула с необычайной остротой задачу технико-экономической реконструкции, а международная обстановка—в свою очередь ребром ставила вопрос о темпах этой реконструкции. При этих условиях и при правильном учете достигнутого уровня развития производительных сил, уровня техники в особенности, единый хозяйственный план пролетарского государства должен был быть в первую голову планом электрификации. „На Съезде советов,—говорил Ленин в своей речи на Московской губпартконференции 20 ноября 1920 г.,—поставлен доклад по электрификации России для того, чтобы единый хозяйственный план восстановления народного хозяйства, о котором мы говорили, установить со стороны техники. Если не перевести Россию на иную технику, более высокую, чем прежде, не может быть и речи о восстановлении народного хозяйства и о коммунизме. Коммунизм—есть советская власть плюс электрификация всей страны, ибо без электрификации поднять промышленность невозможно“.

Ленин, говоря о создании материально-технической базы социализма, о создании крупной машинной индустрии, отдавал себе ясный отчет о конкретном значении этой задачи и о методах ее решения при сложившихся конкретных исторических условиях и выделял четко значение того комплексного звена, от которого зависит решение всех проблем. Подчеркивая необходимость индустриализации СССР, механизации промышленности, транспорта и земледелия, Ленин неустанно выдвигал то положение, которое настойчиво запрашивается при внн-

¹ Ленин, Соч., т. XVIII, ч. 1, с. 438.

мательном изучении современного технико-экономического опыта, а именно,—то, что важнейшим условием достижения поставленных пролетарской революцией задач является электрификация всей страны и что, следовательно, на данном технико-экономическом уровне состояния производительных сил лозунг электрификации является всеобщим лозунгом нашего технического перевооружения. В тезисах, принятых III Конгрессом Коминтерна, Ленин по этому поводу писал: „Единственной материальной основой социализма может быть крупная промышленность, способная реорганизовать и земледелие, но этим общим положением нельзя ограничиться. Его необходимо конкретизировать. Соответствующая уровню новейшей техники и способная реорганизовать земледелие крупная промышленность есть электрификация всей страны“ (курсив мой—А. Х.). Ленин считал, что созданием пролетарской диктатуры в России были созданы политические предпосылки социализма, „политическая сторона“, экономическая же сторона „может быть обеспечена только тогда, когда действительно в русском пролетарском государстве будут сосредоточены все нити крупной промышленной машины, построенной на основах современной техники, а это значит—электрификация“². Эта ленинская установка и находила превосходное преломление в плане ГОЭЛРО, и этого-то как раз и не поняли многочисленные критики плана, этого к сожалению не понимают до сих пор те „мудрые“ ревизионисты, которые борются против ленинских установок на электрификацию и подменяют их всячески оппортунистическим суррогатом.

III

План электрификации ГОЭЛРО был вместе с тем единым хозяйственным планом. Его проектировки по линии электрификации распадаются на так называемые программы „А“ и „Б“. Первая была рассчитана на восстановление довоенного электрохозяйства на более рациональной основе. Центр тяжести лежал в программе „Б“, где намечалось построить 30 районных электрических станций, мощностью в 1 750 т. *kw*. В декабре 1921 г. план ГОЭЛРО был утвержден в объеме 30 станций и 1 500 тыс. *kw*. В соответствии с этим для конца охваченного планом периода годовая продукция всей промышленности и важнейших отраслей намечалась в следующем объеме:

1. Рост всей промышл. против 1913	80—100%	5. Всего условного топлива	128 млн. т
2. Добыча железных руд	20 млн. т	6. Нефти	15 „ „
3. Выплавка чугуна	8,3 „ „	7. Каменного угля	58 „ „
4. Железа и стали	6,6 „ „	8. Капитальные вложения в промышл. и транспорт	17 млрд. р.

План был рассчитан на 10—15 лет или иными словами—основной вариант на 15 лет, а оптимальный на 10 лет; следовательно, формальный срок оптимального варианта истекает в начале 1932 г. На самом же деле, вследствие господствовавшей в то время обстановки, в частности в связи с голодом, с отсутствием необходимых ресурсов, с почти полным разрушением, а вследствие этого неподготовленностью промышленности, исполнение плана ГОЭЛРО было начато с некоторым запозданием. Следовательно, если учесть эти обстоятельства, то

² Ленин, Соч., т. XXV, изд. 2-е, с. 491.

начало выполнения плана следует отнести к 1922/1923 г., а конец оптимального варианта—к 1932/1933 г.

Как же обстоит дело с выполнением плана ГОЭЛРО? Ответ на этот вопрос мы дадим в кратких чертах³ и в дифференцированном виде.

Уже в текущем году мы добились увеличения промышленной продукции более чем в 2 раза. Это относится также к важнейшим отраслям, а по некоторым из них, в частности по суперфосфату, по сельскохозяйственному машиностроению, по торфу, электротехнической промышленности и др., мы значительно превзошли наметки ГОЭЛРО. По части нашего капитального строительства следует отметить, что уже за первые 2 года пятилетки вложения достигли 32 млрд. руб. Такая картина вырисовывается уже теперь; еще более яркую картину выполнения плана дает конец пятилетия (уточненный вариант). Здесь важнейшие показатели промышленности (уголь, нефть, железная руда, чугун и пр.) показывают рост против довоенного в четыре раза, что в двое превосходит наметки ГОЭЛРО. По другим показателям мы имеем еще более благоприятную картину. Так например прокат дает рост в 5 раз, торф—в 15 раз, сельскохозяйственное машиностроение—в 20 раз, а электропромышленность даже в 60 раз. Следовательно, к концу пятилетия план ГОЭЛРО будет перевыполнен по решающим народно-хозяйственным показателям минимум вдвое.

Особняком стоит вопрос о выполнении стержневого звена плана ГОЭЛРО, плана электрификации, где мы имеем, к сожалению, совершенно иную картину.

Нет надобности подробно характеризовать состояние довоенного электрохозяйства. Россия в этом смысле была особенно отсталой страной. Общая мощность станций общего пользования, которые можно весьма условно причислить к районным, достигала в 1913 г. примерно 320 тыс. *kw*, и из них к моменту утверждения плана ГОЭЛРО сохранилось 255 тыс. *kw*. Если по аналогии с выполнением общих показателей плана ГОЭЛРО мы попытаемся составить картину о выполнении плана электрификации, то она может быть охарактеризована следующим рядом данных (в тыс. *kw*):

По утвержден. плану Гоэлро плюс довоен. станции	Октябрь 1923	Октябрь 1924	Октябрь 1925	Октябрь 1926	Октябрь 1927	Октябрь 1928	Октябрь 1929	Октябрь 1930
1 755	287*	303*	338*	398**	510**	571**	703***	1 120***
Прирост мощностей	—	17	35	60	112	61	134	424

Следовательно, на сегодняшний день мы имеем огромное отставание по части выполнения плана электрификации. Обращает на себя внимание тот факт, что рост мощности районных электростанций значительно ускорился лишь за последний год.

³ См. подробнее мои работы в двухтомнике Института экономических исследований Госплана СССР „На новом этапе социалистического строительства“.

* „Электрохозяйство СССР к началу 1927/1928 г.“, ст. С. А. Кукеля-Краевского.

** „Основные моменты реконструкции промышленности СССР“, Планхозгиз, 1930, ст. тт. Минаева и Хмельницкой.

*** Материалы Госплана СССР.

Для характеристики темпа электростроительства показательными являются данные о финансировании районного электростроительства (в ценах соответ. лет). С 1920/1921 по 1922/1923 г. (3 года) было отпущено 39 млн. руб., в 1923/1924 г.—49,6, в 1924/1925 г.—39,2 (снижение), а в 1925/1926 г.—60 млн. руб. Лишь в 1926/1927 г. финансирование относительно растет более быстрым темпом, оставаясь однако далеко недостаточным по своим абсолютным размерам. В 1926/1927 г. вложения составляли 247 млн. руб., в 1927/1928 г.—269, в 1928/1929 г.—369 и в 1929/1930 г.—614 млн. руб. С 1920 по 1925/1926 гг. включительно было отпущено 187 млн. руб. При специфических условиях этого строительства, особенно в наших условиях, когда строительство является чрезвычайно длительным, такое положение вещей приводило к тому, что электрификация шла из года в год с явным отставанием и из ведущего звена всего плана в смысле технико-экономической реконструкции становилась все более голодным лимитом. Планы строительства районных электрических станций шли из года в год, вопреки партийным директивам, с явным невыполнением, а за счет крупного электростроительства продолжали процветать в совершенно бесплановом порядке мелкие фабричные установки на привозном топливе, хотя это и противоречило самой идее плана ГОЭЛРО. Пятилетний план, утвержденный Съездом советов, намечал значительное перевыполнение плана ГОЭЛРО (почти в два раза), однако в календарном порядке это сказалось бы лишь в самом конце пятилетки. Такое положение вещей не столь остро чувствовалось в течение восстановительного периода, но стало совершенно нетерпимым по мере развертывания решающих мероприятий по линии реконструкции. Чем же обусловлено такое отставание? Чем объяснить тот факт, что электрификация стала сдерживающим началом социалистической реконструкции народного хозяйства в тот момент, когда темп этой реконструкции стал форсированно наступательным? Причин здесь много, но за недостатком места мы постараемся лишь вкратце их перечислить.

Во-первых: Капитальные вложения в электростроительство за весь период были явно недостаточными для того, чтобы создать мощную энергетическую базу.

Во-вторых: Темп капитального электростроительства, а следовательно и темп прироста мощностей, был явно недостаточным, вследствие чего центр тяжести по созданию мощной электро-энергетической базы был передвинут на самый конец планового периода.

В-третьих: Восстановление народного хозяйства могло происходить и на старой энергетической основе, а следовательно, при наших трудностях это не могло дать необходимых импульсов к своевременному электростроительству.

В-четвертых: В отличие от восстановительного процесса всей промышленности, где в основном речь шла об освоении старого наследия, а следовательно, можно было обойтись относительно малыми ресурсами, электрификация с самого начала требовала значительных средств, в том числе и импортных контингентов, что в свою очередь казалось не всегда понятным с точки зрения интересов дня.

В-пятых: Промышленность недостаточно планомерно создавала базу для электрификации. Это в первую голову относится к электротехнической промышленности, цветной и котлотурбостроительной промышленности.

В-шестых: По ряду конъюнктурных обстоятельств восстановительного периода (1924—1926 гг.) в частности в результате восстановления транспорта, топливной промышленности, давшей перепроизводство угля и нефти—создавалось внешне видимое благополучие, что на первый взгляд делало идею электрификации незлободневной, непрактичной и абстрактной.

В-седьмых: На этой основе темп электрификации шел не в соответствии с темпом роста промышленности, а следовательно электрификация не могла служить базой развития последней.

В-восьмых (что особенно важно): В наших расчетах мы явно недооценили темп восстановления, а особенно реконструкции всего народного хозяйства и главным образом темп роста социалистической промышленности. Отсюда—намеченная нами в плане ГОЭЛРО известная пропорциональность развития промышленности и электрификации оказалась резко нарушенной по мере развертывания темпов социалистической реконструкции. Здесь сыграла немалую роль вредная потухающая „восстановительная“ (точнее оппортунистическая) идеология ряда хозяйственников, которые мыслили, что по линии электрификации мы будем догонять Америку со скоростью черепахи. Мы также недооценили чисто качественные глубоко реконструктивные тенденции, которые неизбежно должны были вызвать большой спрос на электроэнергию.

В-девятых: Электростроительство нередко развивалось бесплано, господствовали беспримерно рабские темпы, а средства распылялись по широкому фронту, вследствие чего огромные средства надолго увязали без какого бы то ни было эффекта.

В-десятых: Все это вместе взятое питало оппортунистическую идеологию; время от времени некоторые деятели пытались даже громко и открыто ставить вопрос о пересмотре ленинской концепции электрификации (на практике это делалось). Следовательно, те специальные органы, коим партия вручила это важное дело, явно с ним не справились.

Это привело к тому положению, которое т. Куйбышев на XVI съезде партии характеризовал как явления электрического голода.

IV

Каково положение теперь и каковы перспективы в области потребностей народного хозяйства в электроэнергии, а также в области электроснабжения? По старому варианту пятилетки эта потребность определялась в 22 млрд. *kwh* при мощности районных станций в 3,2 млн. *kw* и общей мощности всех станций в 5,5 млн *kw*. По этим расчетам удельный вес районных станций в общей сумме мощности всех станций должен был подняться с 30,6% в 1927/1928 г. до 57,1% в 1932/1933 г. Но не прошло и полугода после утверждения плана, как стало совершенно очевидно, что наметки пропорций и подсчет потребностей не отвечают реальным, постоянно возрастающим потребностям в электроэнергии, а тем более совершенно не отвечают новым задачам, поставленным партией в области развития большой металлургии, машиностроения, автостроения, тракторостроения, добычи угля и нефти, решения гигантской Урало-сибирской проблемы и пр. На этом фоне в ВСНХ и Госплане наметился ряд вариантов уточнений старой пятилетки. Каковы эти уточнения?

По данным ВСНХ СССР потребная мощность районных станций к концу пятилетки достигнет 6430 тыс. *kw*, т. е. эти уточнения увеличивают размер мощности против старого варианта пятилетки в два раза. При этом выработка электрической энергии достигнет 35 млрд. *kwh*. Чтобы сделать эту цифру более ясной для неспециалиста по электрификации, укажем что эта поправка составляет целых 2 плана ГОЭЛРО. Этот дефицит должен быть во что бы то ни стало покрыт в течение оставшихся 3 лет пятилетия, и страна должна будет построить дополнительно новые электрические объекты, равные всему тому, что проектировалось к концу пятилетия.

Отметим тут же, что расчеты секции электрификации Госплана идут значительно дальше и намечают потребную мощность к концу пятилетия (точнее на 1 декабря 1933 г.) не 6,4, а 7,7 млн. *kw*. Следовательно, упущенное время придется нагонять самыми бешеными темпами работы. Вокруг этой грандиозной проблемы необходимо будет мобилизовать всю страну, ибо в противном случае мы рискуем поставить под удар реконструкцию народного хозяйства в целом.

На XVI съезде партия наметила грандиозные проблемы индустриализации. В частности намечен решительный курс на усиление темпа индустриализации восточных окраин, создание второй мощной металлургической базы на востоке и выработка к концу пятилетия 17 млн. *t* чугуна вместо ранее намеченных по утвержденной пятилетке 10 млн. *t*. Взят твердый курс на развертывание качественной металлургии и в частности—качественной стали и железа, алюминия, меди и пр. для обеспечения нашего качественного машиностроения, в частности автомобилей, тракторов, электрических машин, трансформаторов и аппаратуры. Эта программа может быть выполнена лишь в том случае, если фронт нашей индустрии будет обеспечен важнейшим условием—электроэнергией. В этом нужно себе отдать полный отчет именно теперь, когда малейшее промедление в этом вопросе грозит нам полным срывом. Это объясняется рядом неблагоприятных факторов: 1) на участке капитального строительства истекшего 1929/1930 операционного года мы получили явный прорыв. Капитальное строительство районных станций выполнено всего лишь на 70—75%, 2) имеется также невыполнение по линии ввода в эксплуатацию новых мощностей (92%), 3) недостаточная подготовленность промышленности к обеспечению электростроительства необходимым количеством оборудования и в частности—комплектным оборудованием и в соответствующих календарных сроках, 4) недоучет интересов электрификации при определении лимитов капитального строительства на данный год, 5) недоучет того, что электростроительство является строительством более длительного порядка и что крупнейшие мировые фирмы при передаче им заказов на оборудование изготовляют последнее через 12, 14 и 16 месяцев. Следовательно, если мы действительно хотим не на словах, а на деле обеспечить выполнение пятилетнего плана, мы должны обеспечить исключительно форсированный темп электростроительства в наших индустриальных географических базах, сделав решающий шаг в наступающем году. Наши утверждения могут быть подкреплены следующими данными: если исходить из того, что 1 *kw* мощности дает в год 4 500 *kwh* энергии, то следовательно, для выработки в 1932/1933 г. 35 млрд. *kwh* энергии потребуются, чтобы суммарная сущность районных электростанций достигла уже на 1 декабря 1932 г. около 8,5 млн. *kw*, в т. ч. 5 млн. *kw* мощности районных станций. Если при этом исходить из

того, что суммарная мощность всех станций на 1/XII 1930 г. составит 3445⁴ тыс. *kw*, в т. ч. районных 1300 тыс. *kw*, то отсюда вытекает, что за два года суммарная мощность районных станций должна быть увеличена в четыре раза, а общая мощность—в три раза. Это трудная задача, но вместе с тем выполнимая при том лишь условии, если решающий темп будет взят в наступающем году и если на электрификацию будет отпущен 1—1¼ млрд. руб., которые и намечались при предварительной проработке контрольных цифр на 1930/1931 г.

По некоторым предварительным расчетам рост мощностей рисуется следующим образом:

	1/X 1930	1/X 1931	1/X 1932	1/X 1933
Рост мощностей районных станций по КЦ. Энергоцентра в тыс. <i>kw</i>	1 300	2 200	4 700	6 000
По предварительным расчетам Секции электрификации Госплана в тыс. <i>kw</i>	1 362	2 749	5 450	7 700

Производство электроэнергии на 1930/1931 г. намечено в 13 млрд. *kwh*. В 1931/1932 г. для выполнения пятилетки в 4 года необходимо производить 22 млрд. *kwh*, а в 1932—1933 г., как мы уже выше отметили, 35 млрд. *kwh*.⁵

Как бы мы ни уточняли эти данные, совершенно очевидно, что темп должен быть взят колоссальный, и именно с наступающего оперативного года, тем более, что дефицит мощности и дефицит энергии заметно растет и становится тормазом нашего общего поступательного движения к социализму. Для этой цели необходимо форсировать капитальное электростроительство, обеспечив его твердыми лимитами материального снабжения и кадрами. Самой же электростроительной промышленности необходимо решительно перестроить свою работу.

В области электростроительства и эксплуатации электростанций необходимо наконец добиться большевистских темпов и по линии качественных показателей и в частности—по линии уменьшения удельных расходов топлива, увеличения коэффициента использования станций и решительного снижения себестоимости строительства.

На новом этапе социалистического строительства задачи электрификации настолько велики, что они зачастую не вполне укладываются в общий круг наших „обычных“ дореволюционных представлений. Мы строим наше хозяйство по совершенно новому образцу, без каких-либо готовых моделей как в социальном, так и в техническом отношении. Даже технические модели капитализма с точки зрения более глубокого проникновения социалистических форм и методов работы являются весьма элементарными или просто непригодными. Если подойти с более глубоким анализом к проблемам нашей реконструкции, то нет сомнений в том, что проблема „догнать и перегнать“ отнюдь не может быть поставлена в формально количественном аспекте. Иначе говоря, мы должны качественно анализировать достижения мирового хозяйства и в частности экономики САСШ под углом зрения наших задач, под углом зрения освоения иностранного опыта.

⁴ Данные Энергоцентра несколько преувеличены в связи с прорывом в плане капитального строительства.

⁵ Разумеется, в связи с установлением нового хозяйственного года с 1 января сроки соответственно меняются, а следовательно, капитальные вложения по электростроительству должны достигнуть 1250—1500 млн. руб.

И если мы вопрос поставим таким образом, то это означает, что мы капитализм не будем „догонять“, точнее не будем копировать, а будем стремиться его перегонять, используя его опыт, его достижения методами планового хозяйства, где возможности несравненно более велики, и минуя ряд промежуточных и переходных ступеней. В деле технической реконструкции мы пойдем не по проторенной капитализмом дороге, а своей собственной дорогой. Только таким образом мы сумеем в кратчайший срок реализовать стоящую перед нами задачу. Это означает, что те готовые образцы капиталистической техники, капиталистического производственного механизма, которые недоразвиты благодаря характеру капиталистической общественной формации, должны будут у нас находить самое широкое развитие. Это относится в первую голову к электрификации как к общему и самому высшему выражению современной техники.

При капитализме проблемы механизации и машинизации встречаются на своем пути значительные пределы. Машина-автомат и вообще механизация всяких работ вводятся не там, где это связано с народнохозяйственным эффектом в смысле облегчения условий труда, улучшения производительности труда и пр., а лишь в той мере, в какой это оказывается рентабельным с точки зрения частнохозяйственных интересов. Конъюнктурные условия, наличие дешевой рабочей силы, затруднительные условия капиталовложения, связанные с кризисами, нормой прибыли и пр., слишком крупный эффект технического нововведения в смысле развертывания мощности предприятия, невозможность в достаточной степени реализовать массовое специализированное производство,—все эти причины ставят значительные преграды на пути развития производительных сил капиталистического общества, на пути развертывания потенциальных производственно-технических возможностей. Стихийность развития капиталистического хозяйства в огромной степени сужает действительные возможности производственно-технического костяка. Капиталистическое хозяйство прибегает к техническому нововведению не с целью облегчения условий живого труда, а лишь с целью извлечения выгоды для частного хозяйства. Эти условия приводят капиталистическое развитие к относительно небольшим результатам по сравнению с теми потенциальными силами и действительными возможностями, осуществление которых таит в себе условия технической революции грандиозного масштаба. При капиталистическом хозяйстве, если брать в качестве примера передовой американский капитализм, не могут быть коренным и рациональным образом решены проблемы экономического районирования производства и сбыта, механизации, стандартизации, типизации, рационализации транспортных и электрических магистралей и т. д., а тем более не могут быть эффективно решены энергетические проблемы. Это особенно сказывается на примере ведущей отрасли капиталистического хозяйства—на электрохозяйстве. Интересную картину представляет из себя электрохозяйство и электроснабжение района Лондона. По данным инж. А. Кенеди,⁶ опубликованным в сборнике американской Академии политических и социальных наук, после войны там оказалось 77 электростанций, 50 сетей, 24 различного рода напряжений и 6 различного рода периодов. Капитальные затраты на эти

⁶ „Экономическая и социальная роль электрификации“, изд. „Плановое хозяйство“, 1927.

электростанции достигли 190 млн. долл. или 730 долл. на 1 *kwh* мощности, или же 24 цента на каждый произведенный *kwh*. Станции разнообразных мощностей и возрастов существовали независимо, а сети простирались по всему Лондону, будучи расположены параллельно и переплетаясь между собой. Потребляемый уголь на один *kwh* составлял 3,7 фунта (эффективно работающие станции снижают удельные расходы топлива в 4 раза). Все станции существовали со своими отличными графиками нагрузки и своими постоянными резервами. Несмотря на наличие множества сетей, разветвленные довольно густо по лондонскому району станции все же не могут оказывать друг другу помощь в случае аварии. Для того, чтобы лучше уяснить себе значение этих цифр, приведем сравнение с данными работы Чикагских электростанций (по тем же данным Кенеди). При капитальных вложениях в 130 млн. долл. вложения на один *kwh* там составляли в 1922 г. 420 долл. при 5,8 центах на произведенный *kwh*. В тот же период среднее потребление топлива на американских станциях достигало 1,87 фунта на 1 *kwh* электроэнергии, а следовательно, удельные расходы топлива на лондонских станциях ровно в два раза выше американских⁷. Следует при этом подчеркнуть, что американские станции отнюдь не являются идеалом. Они лишь отличаются большей степенью концентрации капитала и мощности, но отнюдь еще не достигли оптимальных размеров ни по концентрации своих мощностей, ни по своим качественным показателям, и, разумеется, по степени централизации электроснабжения. Приведенные сравнения показателей двух капиталистических групп электропредприятий в достаточной степени разоблачают „эффективность“ работы капиталистической электрической промышленности и наглядно показывают, что эффективность предприятий, связанных с критерием капиталистической рентабельности, при современном техническом уровне отнюдь не на высоте. Здесь капиталистический предприниматель является „жертвой“ капиталистических условий. Точнее сказать, здесь на примере капиталистического электрохозяйства мы наглядно видим, насколько решающие звенья капиталистической системы загоняются в собственный тупик.

Подобного рода примеры можно значительно умножить, но здесь вам хотелось бы лишь отметить тот факт, что коэффициент использования мощности электрических станций в важнейших капиталистических странах крайне невелик. В 1928 г. этот коэффициент использования станций общего пользования составлял во Франции 17,6%, Англии—21,1%, в Германии—25,6% и в Америке—35,8%; промышленные станции Англии идут с коэффициентом использования в 15%. Здесь невольно напрашивается известная параллель с нашими станциями. Несмотря на то, что мы в этом важнейшем звене значительно отстали, социалистические преимущества нашей системы выдвигают нас в этом отношении на первый план. Такой коэффициент использования станций как в Англии и Франции, наблюдается у нас лишь по карликовым сельским установкам. Достаточно сказать, что уже в 1930/1931 г., т. е. на той стадии развития нашей электрификации, когда мы по части сетей электропередач еще не особенно богаты, средний коэффициент использования станций будет выше 50%, а отдельные станции и в частности наши промышленные станции поднимают местами свой коэффициент использования до 75—80% и выше. При подобных сопоставлениях

⁷ Вейц, Динамика технического перевооружения СССР и капиталистических стран, Ст. в журн. „Проблемы экономики“ № 4—5, 1930.

вопрос о преимуществах капитализма и социализма отнюдь не является гадательным. Таково же положение и по линии других показателей и в частности—в отношении концентрации и централизации энергохозяйства, оптимального размера предприятий и пр. Положительная сторона планового хозяйства в области решающего звена современной экономики выявляется особенно рельефно. И совершенно прав Г. М. Кржижановский, который считает, что „здесь условия для того, чтобы „догнать“ и „перегнать“ складываются для нас особенно благоприятно, ибо здесь, в этом направлении материальные силы стоят развернутым фронтом за нас, обращаясь против сил старого мира“.⁸

Недостатки лондонского электрохозяйства, представляющие наиболее яркий пример нерациональности капиталистического энергохозяйства, отнюдь не составляют исключения. Наряду с наличием станций огромной мощности, поражающих своим огромным размером, техническим и экономическим эффектом, существуют предприятия карликовых размеров. Общеизвестно, что электрохозяйство Америки стоит на самом высоком уровне. Однако ошибочно думать, что американские электроцентраль—сплошь предприятия оптимального порядка. Верно, что с 1907 по 1927 г. т. е. за 20 лет число электростанций общего пользования даже снизилось с 4714 до 4387 за счет роста установленной мощности отдельных станций и агрегатов. Однако, в 1927 г. средний размер американских электрических станции достиг только 8210 л. с.⁹ Это показывает, насколько мучительно при капитализме происходит борьба нового со старым и насколько условия капиталистической частной собственности благоприятствует сохранению регрессивных элементов техники.

В капиталистическом хозяйстве на нынешней его стадии элементы технической революции, налаживание производственного процесса при максимальном использовании возможностей и тенденций современной техники выступают лишь как отдельные, иногда довольно яркие проблески, но отнюдь не как всеобщий и развернутый процесс. Капиталистические условия народнохозяйственного развития создают условия, при которых старые и отжившие технико-экономические факторы продолжают существовать относительно устойчиво, несмотря на то, что они являются пережитком прошлого. Это с особой силой следует подчеркнуть при анализе капиталистической электроэнергетики. Это значит, что мы не обладаем готовой производственно-технической моделью, которую могли бы целиком и полностью перенести к нам, потому что капитализм оказался не в силах реализовать свои собственные технические возможности. В этом смысле мы имеем громадные преимущества.

Главнейшие пути нашего социалистического строительства должны и будут протекать по линии развития местных районных производственных ресурсов, по линии развития производительных сил, на базе создания районно-комплексов, в том числе и соединения промышленности и земледелия, по линии создания тончайшей производственной специализации на базе широкого кооперирования, по линии ликвидации многотипности в производстве и создания весьма жестких обще-

⁸ Стенографич. отчет XVI партконференции, доклад т. Кржижановского.

⁹ „Electrical World“, апрель 1929 с. 831.

союзных производственных стандартов. На этой основе мы пойдем по пути ликвидации огромных народно-хозяйственных потерь, связанных с условиями производства капиталистической формации, с условиями стихийного и самостоятельного развития отдельных предприятий, и создадим мощный производственный аппарат, выпускающий массовую продукцию. Только при широком и умелом усвоении технических методов мы добьемся соответствующих количественных эффектов и в этом скажется эффективность нашей хозяйственной системы, наши преимущества. Условия планового хозяйства дают полнейший простор для реализации указанных важнейших задач реконструкции. Если под этим углом зрения подойти к проблемам социалистической реконструкции на новом этапе, если подойти к этим проблемам под углом зрения достижений, а главное,—тенденции развития техники капиталистических стран, то нужно сказать, что успехи нашего хозяйства будут прямо пропорциональны успехам новой энергетики—п л а н о в о й э л е к т р и ф и к а ц и и.

V

Новый этап социалистического строительства в области технико-экономической реконструкции отчетливо обрисовывает ряд весьма важных моментов, которые со всей тщательностью должны быть учтены в действенном плане наступающего хребтового года пятилетки.

Во-первых, социалистическое строительство в СССР развертывается гораздо более быстрым темпом, чем это предполагалось в период разработки и утверждения плана ГОЭЛРО. Истекший период хозяйственного развития показал, что социалистическая система может развивать такие темпы роста, которые совершенно не под силу капиталистическим странам, что имеет место у нас благодаря реализации чисто социалистических резервов (плановость, самостоятельность и инициатива широких рабочих масс, концентрация производства, социалистическое соревнование, ударничество, непрерывное производство и т. п.).

Во-вторых, принципы ГОЭЛРО, ставящие во главу угла социалистической реконструкции электрификацию, выдвигающие электрификацию как ведущее звено в процессе социалистической реконструкции нашего хозяйства, целиком и полностью оправдались.

В-третьих, темп электрификации оказался не соответствующим размаху и темпам народнохозяйственного развития, явно недостаточным, отстающим от общих темпов роста всего народного хозяйства. Опыт выполнения плана ГОЭЛРО с несомненностью устанавливает, что для достижения решающего реконструктивного эффекта в народном хозяйстве и особенно в промышленности, для выполнения задач, намеченных ГОЭЛРО, степень проникновения электрического тока в сферу промышленной технологии должна быть более мощной, чем та, которую позволяют количественные проектировки, намеченные в плане ГОЭЛРО. Динамика последнего десятилетия с несомненностью указывает на то, что новейшие технологические процессы являются процессами с весьма растущей энергоемкостью. Всякий процесс в этом направлении прямо или косвенно связан с могучим действием электрического тока. Это—с одной стороны. С другой стороны, темп электрификации СССР развивался на фоне бурного темпа роста народного хозяйства, и вследствие этого „узость“ электроэнергетического звена стала угрожающим явлением с точки зрения обеспечения дальнейших растущих темпов всего народного хозяйства.

В-четвертых, электрификация начинает приобретать все более актуальное значение для сельского хозяйства в связи с сплошной коллективизацией и становится в разрезе генерального плана важнейшей и решающей задачей реконструкции сельского хозяйства.

В-пятых, за истекший период перед нами выявилась значительная отсталость нашего транспорта, не поспевающего за общим ходом социалистического развития. Коренным образом теперь выдвигается проблема реконструкции транспорта и в частности—проблема энергетической реконструкции железнодорожного транспорта.

В-шестых, колоссально выросшие культурные потребности, поставленные в порядок дня проблемы культурной революции, проблема социалистической реконструкции быта, необходимость создания иных условий общежития, чем те, которыми мы довольствуемся до сих пор,—все это ставит в порядок дня вопрос о создании важнейших технических предпосылок, из которых решающей является всеобъемлющая электрификация быта.

В-седьмых, со времени принятия плана ГОЭЛРО колоссально выросла энергетическая техника. Электричество с тех пор продолжало быть не только ведущим, но и всепроникающим началом. Становится все более мощной техника передачи энергии на расстоянии. Растет оптимальный размер самых станций, их агрегатов и их эффективности (понижение удельных расходов топлива). Гигантский рост напряжения, рост мощности, а на этой основе — завоевание электричеством огромных расстояний, революционный рост техники слабых токов, радио и передачи изображений на расстояние, появление теплофикации в сочетании с электричеством—все это не только подтверждает принципиальные установки ГОЭЛРО, но и выявляет ряд новых гигантских возможностей, при реализации которых мы в кратчайший срок станем в техническом отношении на более выгодные позиции, чем наши капиталистические антиподы. В связи с этим необходимость для СССР в кратчайший срок догнать и перегнать передовые капиталистические страны не только подтверждает положение о том, что электрификация является первоосновой нашего широкого социалистического наступления, но и требует неуклонного повышения коэффициентов электрификации промышленности, сельского хозяйства и транспорта, коэффициентов электровооруженности трудящихся СССР. Мы подходим к тому барьеру, когда электрификация становится единственно надежной и решающей задачей социалистической реконструкции промышленности, сельского хозяйства, транспорта и быта.

Опираясь на принципиальные установки ГОЭЛРО, мы должны решительным образом форсировать рост мощности электростанций, рост выработки электроэнергии, значительный подъем коэффициента энерговооружения рабочего и рост энергопотребления как для промышленности, так и для сельского хозяйства, железнодорожного транспорта и бытовых целей. Основные задачи плана ГОЭЛРО в отношении путей развития плановой электрификации: 1) выработка электрической энергии концентрируется на крупных станциях и агрегатах, дающих наибольший экономический эффект в области стоимости производимой энергии и экономии топлива, 2) вся электрификация базируется на широком использовании местных энергетических ресурсов, включая сюда торф, горючие сланцы, производственные от-

бросы, водяную энергию и энергию ветра, 3) все станции представляют собой единую электрическую кооперацию и работают при полном содружестве на общую сеть (кустование), что дает значительный эффект по линии поднятия коэффициента использования и увеличения надежности сетей и наконец позволяет осуществить принцип централизации производства энергии в смысле приближения его к источнику сырья (топливо). Все эти принципиальные линии плана ГОЭЛРО полностью себя оправдали и должны получить дальнейшее более полное развитие на новом этапе—в генеральном плане развития народного хозяйства. В этом отношении в пятилетнем плане намечен весьма благоприятный баланс использования энергетических ресурсов для производства электрической энергии на районных электрических станциях. Приводимая ниже таблица выработки электрической энергии по районным станциям за счет различных видов энергетических ресурсов (в млн. *kwh*) достаточно наглядно говорит об этом ¹⁰:

Виды энергетич. ресурсов	1927/1928	%	1932/1933	%	1932/1933
					в % к 1927/1928
В о д а	324,50	17,8	2 774	25,6	855
Т е р ф	589,30	32,3	2 636	24,5	450
Антрацитовый штыб	42,00	2,3	1 699	15,7	4 040
Подмосковный уголь	95,80	5,3	1 360	12,6	1 427
Уральский и кузнецкий уголь.	11,24	0,6	535	5,0	475
Парафин. мазут, местная нефть и привозная нефть	614,20	33,7	1 316	12,2	215
Привозной донецкий уголь . .	146,76	8,0	480	4,4	329
Итого	1 823,80	100,0	10 800	100,0	593

Таблица наглядно характеризует весьма значительное относительное падение удельного веса высококалорийного топлива в общем балансе энергетических ресурсов, потребляемых районными электроцентралями, свидетельствуя тем самым о реализации основных принципов плана ГОЭЛРО. Надо мимоходом отметить, что наша установка на развитие электрификации за счет местных низкосортных энергетических ресурсов и водных сил получило свое блестящее подтверждение в мировом послевоенном опыте электрификации. Капиталистические страны пытаются идти тем же путем, но вследствие отсутствия планового начала им удается это лишь частично, и благодаря этому мы в капиталистических странах получили падение потребления высококалорийного топлива для целей электрификации за счет развития гидроцентралей. В приведенной выше таблице обращает на себя особое внимание рост использования водной энергии, антрацитного штыба и подмосковного угля, с одной стороны, и понижение удельного веса

¹⁰ „Проблемы энергетики“, т. I, изд. ВСНХ СССР, 1929, с. 141.

потребления донецкого угля и нефти—с другой стороны. Особенно бурным является рост потребления угольных отбросов (антрацитный штыб)—в 40 раз и подмосковного угля—в 14 раз по сравнению с 1927/1928 г., что в свою очередь стало возможным благодаря продвижению вперед теплотехники и в частности благодаря решению проблемы топливосжигания низкосортных, многозольных и пылевидных углей. Хотя потребление высокосортного топлива по абсолютным размерам продолжает расти, но отмеченное соотношение потребления отдельных видов топлива для целей электрификации дает нам возможность использовать высокосортные угли и нефть для экспорта и других целей. Достаточно отметить, что уже в 1929/1930 г. в балансе потребления районных электростанций местные топливо и вода достигают уже 67% всех потребляемых видов топлива, а контрольные цифры на 1930/1931 г. доводят удельный вес указанных видов топлива до 70%. Для того чтобы оценить эти сдвиги, достаточно упомянуть, что еще в 1927/1928 г. удельный вес потребления одного лишь драгоценного жидкого топлива достигал 33,7%. В приведенном балансе пока еще отсутствуют горючие сланцы; нет сомнений также в том, что в связи с необходимостью значительного форсирования электростроительства при уточнении нынешней пятилетки удельный вес дальнепривозного и вообще высокосортного топлива на первых порах может и возрасти. Однако в основном необходимо стремиться сохранить вышеприведенную структуру баланса потребления районными станциями энергетических ресурсов, необходимо и в дальнейшем эту тенденцию сохранить как за счет использования новых видов энергии (сланца в частности), которые нами, к сожалению, до сих пор игнорируются, так и за счет дальнейшего развертывания электростроительства в районах с богатыми источниками низкосортных углей и гидроэнергии. Это тем более важно потому, что такое строительство может и должно стать первоосновой хозяйственного развития этих районов.

VI

Важнейшим элементом рационализации энергохозяйства должна стать известная унификация энергохозяйства,—создание однотипного силового аппарата и вида вырабатываемой и применяемой энергии.

Общеизвестно, что идеальным видом энергии, который, по утверждению Энгельса, замыкает круг полезных трансформаций, является электрическая энергия. Известно также и то, что паровая энергия не может быть вытеснена из производственного употребления полностью, ибо она применяется в ряде технологических процессов для немеханических целей, а также в производстве самой электрической энергии на паровых электрических станциях. Однако наиболее рациональное производство этой энергии достигается утилизацией отбросов (отработанный пар), при котором производство и снабжение электроэнергией объединяются и комбинируются в системе теплофикации в современных теплоэлектроцентралях.

Теплоэлектроцентрали, производя пар для разнообразных целей, производят вместе с тем дешевую электрическую энергию, которая обходится, примерно, в три раза дешевле, чем на обычных станциях. С другой стороны, паровые электрические станции, для которых отработанный пар является отбросным продуктом (разумеется при соответствующей технической переустройке станции, в частности—при поднятии давления и температуры пара), имеют возможность

этот пар утилизировать рационально для тепловых целей. На новом этапе нашего строительства мы должны на каждом конкретном участке стараться решать проблемы реконструкции в высококачественном разрезе, под углом зрения внедрения новейших данных техники. Таким решающим фактором на данном этапе является комбинированная выработка тепла и электрической энергии. Эта установка, казавшаяся кое-кому еретической (надо думать, что это было не без содействия вредительства), теперь не требует сложных доказательств в виде экономических расчетов. До сих пор коэффициент полезного действия электрических станций еще сравнительно невелик. Наши станции работают с коэффициентом полезного действия в 10—15% (промышленные станции—и того ниже)¹¹, и самые лучшие из них (Шатура) работают лишь с коэффициентом полезного действия в 20%. Лучшие заграничные установки работают с коэффициентом полезного действия в 25%, а теплофикация поднимает коэффициент полезного действия до 70—75% и выше. Теплофикационная техника в этом направлении движется значительными шагами вперед. Помимо того теплоэлектрификация отнюдь не является лабораторным производением, где еще требуется применение длительных опытов. Большая экономическая выгодность доказана обширным иностранным опытом, а в последнее время и нашим собственным. Способ комбинированного производства тепла и электрической энергии, поднимая коэффициент полезного действия станции, тем самым уменьшает наши потребности в топливе и приводит к значительному уменьшению издержек производства как паровой, так и электрической энергии, а это в свою очередь означает, что при таком способе мы будем иметь величайшую рационализацию всего энергетического хозяйства.

Следовательно, решающим критерием нового строительства должна стать теплоэлектрификация. Теплофикация и электрификация должны стать неразрывными частями единого энергетического хозяйства, причем в зависимости от конкретных условий то одно, то другое из них будет играть либо господствующую, либо подчиненную роль. Это приведет не только к рационализации в топливном хозяйстве, но и в частности к планоному централизованному энергоснабжению.

Создание в широких размерах сети теплоэлектроцентралей, на первых порах в крупных промышленных городах и на специальных комбинатах, как-то: свеклосахарные, химические, текстильные производства, потребляющие в значительном количестве пар и горячую воду, приведет к крупнейшей рационализации в топливном хозяйстве и в жилищном строительстве. Проведение в широких размерах системы теплофикации приведет к тому, что все виды энергии будут производиться централизованно на самых рациональных началах. Не говоря уже о том, что комбинация производства тепла и электричества значительно удешевляет электрическую энергию, она помимо того приводит к прекращению непроизводительного хищения высококалорийного топлива, к исчезновению огромного количества мелких карликовых котельных установок, работающих с чрезвычайно малым коэффициентом полезного действия и к освобождению в связи с этим значительной части полезной площади домов; иными словами, это приведет к рационализации коммунального хозяйства, что в общем и целом даст огромный народнохозяйственный эффект.

¹¹ Г. М. Кржижановский, К дискуссии о генплане, „Плановое хозяйство“ № 2 и 3, 1930.

Широкое применение теплоэлектрификации даст нам возможность в кратчайший срок догнать капиталистические страны и затем опередить их. Широкое развертывание плановой теплоэлектрификации даст нам такие качественные преимущества перед капиталистическими странами; о которых последние и мечтать не могут. Идя этим путем, мы по существу начинаем реализовать современные технические достижения, тенденции глубоко социалистическим методом. В этой области мы делаем решающий шаг и начинаем „отвыкать от дурной привычки искать в «передовой» Европе готовых образчиков и законченных решений для наших очередных задач“, что является одной из важнейших установок ГОЭЛРО. Однако необходимо все же отметить, что эта важнейшая проблема вызывает и на сей день серьезные опасения. Идя по линии выполнения директив высших партийных и правительственных органов, предварительный вариант контрольных цифр электрификации намечает такое развертывание теплоэлектроцентралей, при котором к концу пятилетия эти комбинаты составили бы 35% всех строящихся станций и 25% всех работающих станций. Однако оппортунистическая практика и здесь вносит свои поправки. Намеченное строительство теплоцентралей по существу свертывается благодаря недостаточному отпуску импортных лимитов, а ВСНХ в свою очередь, соглашаясь с теплофикационной установкой, до сих пор не позаботился о создании собственной базы теплофикационного оборудования, так как соответствующее объединение (Котлотурбообъединение) совершенно выключило теплофикационные объекты из рамок своей деятельности. Следовательно, вся проблема должна быть поставлена заново во всей своей остроте.

VI

В соответствии со всем этим важнейшей задачей партии и плановых органов на ближайший период должен стать решительный пересмотр плановых наметок по электрификации под тем углом зрения, чтобы электрификация на деле превратилась в решающее и ведущее звено всего народного хозяйства, определяющее темпы народнохозяйственного развития СССР, не только всесторонне обслуживающее потребности технической реконструкции промышленности, но и постепенно оказывающее решительное воздействие на процессы реконструкции сельского хозяйства, транспорта и быта, включив эти области в единую электроэнергетическую систему, объединяя их „под единую электрическую крышу“.

Следует особо подчеркнуть, что степень экстенсивного охвата электрическим проводом промышленных предприятий далеко еще недостаточно характеризуются реконструктивные процессы. Общий коэффициент электрификации промышленности дает лишь условные приближенные понятия о действительном процессе реконструкции промышленности. Недостаточно успокоиться на том, что двигательной энергией отдельного предприятия или всей промышленности является электрическая энергия. Степень механизации, а следовательно и электрификации, при конвейерном производстве, ленточном, серийном или индивидуальном, далеко не одинакова. Например коэффициент электрификации промышленности САСШ в среднем определяется в 1925 г. в 71,5%, в Германии за тот же год—в 66,6% и в СССР в 1925/1926 г.—в 47,6%. Однако эти цифры дают далеко не полное представление

о том реконструктивном эффекте, который дает электричество в каждой отдельной стране, в каждом отдельном предприятии. Решающее значение имеет интенсивная электрификация, предполагающая в связи с наличием на предприятиях высокого технического строения капитала высокую степень механизации производственных процессов, применения новых методов производства и в целом высокий уровень электровооруженности рабочего. Дело не только в том, что электричество завоевало или завоевывает себе то или иное предприятие, а дело в глубоком применении электричества для рационализации и коренного изменения методов технологического процесса. Изучение потребностей в электрической энергии в наших оперативных и планирующих органах поставлено из рук вон плохо. В связи с этим при подсчете потребностей в электроэнергии дело схематизируется таким образом, что рост электроэнергии ставится в прямой пропорциональной зависимости от роста производства чугуна, но при этом решительно упускаются наметившиеся в мировой экономике энергетические тенденции, которые мы обязаны реализовать в нашем широком хозяйственном плане. Об этом достаточно убедительно говорят данные о росте физического объема производства по важнейшим продуктам металлургии, углю и электрической энергии за последние 15 лет ¹²:

	1913	1928
Чугун	79,9 млн. т	82,9 млн. т
Сталь	73,1 " "	103,1 " "
Медь	1,0 " "	1,3 " "
Каменный уголь . .	1 260,0 " "	1 320,0 " "
Электрическая энергия	25 млрд. <i>kwh</i>	250 млрд. <i>kwh</i>

Если по приведенным данным производство чугуна, стали, меди и каменного угля незначительно превышает уровень производства 1913 г., то по электроэнергии мы имеем рост в шесть раз. Этот факт отражает глубочайшие качественные процессы, игнорирование которых означает явный отход от генеральной линии нашего развития.

Иными словами, электрический привод, электрический ток для термохимических производственных процессов должен проникнуть в глубь решающего изменения технологических процессов и стать мощнейшим рычагом рационализации и реконструкции всего народного хозяйства. Значительный уровень энерговооружения связан с высокой степенью механизации, что является результатом высокой производительности труда. Следовательно, критерием нашего строительства и планирования на новом этапе должен быть как полный охват производственных процессов влиянием электричества, так и особенно значительный подъем энерговооруженности рабочего. Это обстоятельство не следует упускать из виду, ибо в противном случае недостаток электроэнергии может поставить под удар решающие мероприятия социалистической реконструкции.

Рост емкости народного хозяйства в части электроэнергии идет настолько быстрым темпом, что обгоняет наши плановые наметки в этой области. Этот процесс для нашего хозяйства вполне закономерен. Каждый год нового строительства увеличивает размах и размеры реконструкции старых предприятий. Наши новые крупнейшие объекты

¹² „Проблемы мирового хозяйства“, статья проф. Сканеди.

строятся по совершенно новому образцу, на началах максимальной механизации, что означает увеличение электроемкости предприятия. Нечего и говорить о том, что зарождение новых производств (электрохимия, электрометаллургия) и новых методов в технологическом процессе, как-то: электросварка, электросплавка и проч., имеет своим прямым следствием увеличение роли электрификации в промышленности. Наглядным примером тому является наметка потребления энергии на заводах Днепровского комбината:

Потребители	1932/1933		1938/1939	
	Мощность в тыс. <i>kw</i>	Колич. энерг. в млн. <i>kwh</i>	Мощность в тыс. <i>kw</i>	Колич. энерг. в млн. <i>kwh</i>
1. Алюминиевый завод	60	480	85	650
2. Завод Ферросплав				
а) ферромарганцы (сезонн. нагрев)	50	170	65	790
б) проч. ферросплавы	22	180	22	180
3. Завод спец. стали	22	90	40	180
4. Metallург. завод	20	40	40	160
5. Химич. производ.	20	160	30	240
Итого	194	1 120	282	2 200*

* „Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР“, т. II, ч. 1, изд. 2-е, с. 42.

Потребление электроэнергии указанными в таблице пятью заводами в 1932/1933 г. составит 1,1 млрд. *kwh*, а в 1938/1939 г. — 2,2 млрд. *kwh*, что свидетельствует о гигантском, все возрастающем спросе на электроэнергию по мере дальнейшего продвижения по пути социалистической реконструкции народного хозяйства.

VIII

В этой связи нам кажутся несколько странными рассуждения на этот счет т. С. Кузнецова в его статье в дискуссионном листке „Правды“ от 22 июня. В дискуссионном листке „Правды“ от 4 июня, в коллективной статье гг. Дольников, Колдобский, Кузнецов Б., Левин и Ратнер правильно заострили вопрос на том, что на современном этапе нашей реконструкции электрификация является самым „узким“ и угрожающим участком. Тов. С. Кузнецов, выступив против указанных товарищей, разумеется, не смог оспаривать основных положений авторов, а посему он пошел, что называется, „по Гегелю“, утверждая, что все действительное разумно. Став на такую точку зрения, на защиту существующего status quo и не отрицая вместе с тем ведущей роли энергетики (подчеркивая при этом энергетику „вообще“, а не электроэнергетику), он не только отошел от основной партийной установки, но и впал в противоречие с самим собой. Разбор всех выставленных

им положений здесь занял бы много места, а поэтому мы ограничимся несколькими замечаниями. Тов. Кузнецов утверждает, что после принятия плана ГОЭЛРО партия практически меняла свои позиции. Такое утверждение можно истолковать в том смысле, что партия сознательно игнорирует ленинский план электрификации, что по существу является совершенно неверным. К сведению т. Кузнецова— несоответствие темпа электрификации народнохозяйственному развитию получилось не потому, что партия пересматривала план ГОЭЛРО в сторону понижения в нем удельного веса электрификации, а потому, что мы несколько недооценили, во-первых, бурный темп роста всего народного хозяйства, а на этой основе не подтянули своевременно электрическое звено, и во-вторых, недооценили бурный рост реконструктивных факторов с их все растущей электрической емкостью.

Те же, кому непосредственно надлежит ведать этим вопросом, давали партии успокоительные заявления. Нет сомнения, что оппортунистический самотек в нашей оперативной и плановой работе по электрификации оказал здесь партии медвежью услугу. Тов. Кузнецов идет дальше. Он хочет эту оппортунистическую установку узаконить и сохранить на дальнейший период.

Глубоко ошибочным является его утверждение, что электростроительство в данном его состоянии не лимитирует наше развитие и что в области электроснабжения у нас все в порядке, а посему—долой дискуссии. Он говорит: „Нам необходимо выяснить: является ли вопрос об электробалансе вопросом дискуссионным. По нашему мнению, этот вопрос не является дискуссионным. Он партией решен“. И далее он продолжает: „Не слабое внимание к делу электростроительства не позволяет нам сейчас более быстрым темпом форсировать развертывание индустрии, в том числе энергоемких отраслей, а общие материальные ресурсы, которыми мы располагаем...“ На XVI съезде партии т. Куйбышев, характеризуя взгляды Ленина по электрификации в разрезе кардинальных задач социализма, анализирует положение вещей следующим образом: „Оценка Лениным плана ГОЭЛРО как единственного реального хозяйственного плана показывает, что стержем хозяйственного плана он признавал энергетику, в частности—электричество“.

Тенденции современной техники целиком подтверждают правильность этой ленинской установки. Движение техники идет в направлении колоссального роста энергоемких производств. Автоматизация производственных процессов, которая невозможна без электричества, выдвигает энергетику на первое место. И это „первое место“ оказывается постоянно „больным местом“ в нашем хозяйстве. Мы сейчас испытываем большое затруднение в области энергетики. Через разные вариации топливных затруднений мы сейчас по существу подошли к электроголоду в ряде районов. Это можно сказать и о Донбассе, и о Ленинграде, и о Москве, и о Нижегородском крае, и об Урале и т. д. Таким образом вопрос об энергетике почти для всех промышленных районов нашего Союза становится животрепещущим вопросом текущей повседневной практики и, само собой разумеется, одним из решающих вопросов всего социалистического строительства. „Поэтому на этот участок нам надо нажать. Те трудности, которые имеются у нас сейчас в области снабжения электроэнергией наших предприятий, являются выражением этого отставания, этого несоответствия между ростом промышленности, с одной стороны, и состоянием электроэнергетиче-

ской базы—с другой“. На этой основе и были приняты решения XVI съезда, которые целиком расходятся с утверждениями т. Кузнецова. Отмечая диспропорцию между промышленным развитием и обеспечением электроэнергией ряда важнейших районов (Донбасс, Кузбасс, Ленинград, Москва, Н.-Новгород, Урал), Съезд считает необходимым расширить сеть строящихся электростанций и добиться решительного перелома в обеспечении предприятий электричеством¹³. В этой связи необходимо категорически отвергнуть положение, развиваемое т. С. Кузнецовым в статье в дискуссионном листке „Правды“ от 22 июня, гласящее, что „запроектированное в пятилетке строительство, обеспечивающее 30 млрд. *kwh* электроэнергии в 1932/1933 г., и выполнение этого плана не могут явиться фактором, задерживающим рост хозяйства. Наоборот, оно является могучим толчком вперед“. Вот в чем суть позиции т. С. Кузнецова. Он считает, что наше хозяйство в 1932/1933 г. обойдется в 30 млрд. *kwh*. Между тем президиум Госплана таких наметок не делал (речь идет об уточнении варианта пятилетки).

Элементарные расчеты показывают, что 35 млрд. *kwh*, принятые при предварительном уточнении пятилетки, отнюдь не являются предельной нормой, и мы убеждены, что и при этой норме электрификация еще не будет тем звеном, которым она должна быть по ленинским установкам партии. Тот факт, что т. Кузнецов считает достаточным и 30 млрд. *kwh*, достаточно характеризует суть его установки в области темпов нашей индустриализации. И наконец т. Кузнецов возражает прот и в раз вер т в а н и я э н е р г о е м к и х предприятий: „Группой товарищей делается ударение на развитии новых энергоемких отраслей производства. Вот то новое, что выдвигается товарищами по сравнению с тем, что есть в тезисах т. Куйбышева. Мы знаем, что нам необходим целый ряд производств, скажем, производство алюминия и ферросплавов, электроплавка, химия, который требует в большом количестве электроэнергию. Но правы ли товарищи, делая такое предложение? Отметив отставание электростроительства, сразу же перейти к предложению: так как у нас небаланс электроэнергии, поэтому необходимо строить ряд предприятий, наиболее энергоемких. В этом отношении товарищи делают определенную ошибку. В чем же состоит ошибка? Их ошибка состоит в том, что они упускают из виду то, что основное, ведущее начало принадлежит совокупной энергетике, что в соответствии с ростом энергетической базы должно происходить и развертывание отраслей, являющихся потребителями одного из видов энергии—электроэнергии“.

Из сказанного т. Кузнецовым мы так и не поняли, в чем ошибка товарищей, мнение которых в статье т. Кузнецова представлено в карикатурном виде.

Мы выше уже выяснили, что проблемы электроемкости тесно связаны с вопросом реализации новейших технических тенденций, с проблемой „догнать и перегнать“, с вопросами чисто качественного порядка. Разумеется при отказе от электроемких производств, пожалуй, 30 млрд. *kwh* на конец пятилетия нам хватит. Но что значит отказ от электроемких производств и новых методов производства? Нельзя оторвать наше количественное развитие от его качественных предпосылок (а это делает т. Кузнецов). Нельзя забывать, что достигаемые нами высокие темпы прироста нашей про-

¹³ „Резолюции и постановления XVI съезда ВКП(б)“.

дукции опираются и чем дальше, тем больше, на качественные предпосылки, из которых электричество и в частности рост электроёмкости производства является отнюдь не последним фактором. В этом—одна из особенностей современного технико-экономического развития, особенно характерная для периода социалистической реконструкции.

Возражать против развития энергоёмких производств означает по существу итти против развития новых областей и новых методов производства электрохимии, электрометаллургии, электросварки, механизации, автоматизации и др., точнее—это означает возражать против рационализации и реконструкции нашего хозяйства в широком смысле этого слова, это значит провозгласить лозунг: „Назад к прадеду“.

Следует отметить, что установка, развиваемая т. Кузнецовым, отнюдь не единична и не случайна. С недооценкой роли электрификации приходится сталкиваться и теперь при выработке контрольных цифр. Это ставит под угрозу реализацию решений XVI съезда в отношении электроснабжения, а стало быть, ставит под удар решение о выполнении пятилетки в 4 года в целом.

IX

Но помимо промышленности небывалый рост потребления электроэнергии вызовет и реконструктивные процессы в сельском хозяйстве, в транспорте и в быту. Для сельского хозяйства помимо электропахоты таковыми областями являются электрический обогрев почвы, применение электричества в молочно-маслобойном производстве, просвечивание животных и растений, инкубационный метод вывода птицы и т. п.

Мы должны сознательно форсировать потребление энергии и в быту. К этому нужно приступить уже в конце текущего пятилетия. Революционное значение электрического тока в деле социалистического преобразования бытовой обстановки пора оценить соответствующим образом.

Всестороний учет этих потребностей диктует необходимость не только коренного пересмотра пятилетки под углом зрения форсирования электрификации, но и построения генерального плана—нового плана ГОЭЛРО. Одной из важнейших установок этого плана (как и при пересмотре пятилетки) должен быть учет соответствующего резерва. Независимо от того, как мы назовем этот резерв, необходимость его диктуется самим процессом социалистической реконструкции народного хозяйства. Этот резерв должен отличаться от обычных резервов, имеющих на электростанциях и по существу являющихся резервами безопасности функциональной системы электроснабжения. Резерв, который мы имеем в виду, вызывается самими особенностями нашего развития, плановой структурой нашего хозяйства, ролью электрификации в плановом хозяйстве и в частности особенностями самого технического строения аппарата электрических станций. Необходимость его обуславливается ведущей ролью электрификации как базы развёртывания производительных сил, в отличие от обычных резервов его необходимость связана со сложностью и длительным характером стройки самих станций и узкими пределами возможностей их расширения. В обычных производственных процессах расширение

предприятия может быть произведено увеличением числа отдельных станков и рабочих на основе большего расщепления процесса разделения труда. Электроцентраль есть совершенно другой технический тип предприятия. Его расширение может быть произведено лишь за счет введения в действие целых и весьма сложных агрегатов и станций или же за счет увеличения работы станций. Однако последнее имеет свои пределы: это делает проблему расширения производства более сложной, главным образом—более длительной.

Электрификация сможет быть действительно ведущим и действительно преобразующим фактором в развитии народного хозяйства СССР при том условии, если она будет обладать мощным резервным фондом, рассчитанным на ускорение и расширение развития всего хозяйства в целом, при том условии, если электростроительство будет базой всякого иного строительства. План электрификации в целом и планы строительства отдельных станций в частности должны исходить из общих предпосылок и перспектив развития Союза, республики или экономического района, из темпов этого развития и наметок на длительный период времени, причем электрификация должна не лимитировать, а форсировать развитие электромеханических отраслей и процессов. При этом условии электрификация будет служить той базой, на основе которой будут разворачиваться производительные силы районов; электрификация как исходная точка народнохозяйственного развития будет важнейшим районно-образующим фактором в целом ряде областей Советского Союза, фактором, поднимающим к жизни новые области и народности. Так ставился вопрос об электрификации в плане ГОЭЛРО, и так ставил вопрос Ленин.

В текущем пятилетии мы имеем первые примеры такого порядка в виде Днепровского комбината и проектировки сельскохозяйственных комбинатов (Каширский район) и др. В будущем, в генплане эта линия получит несомненно заслуженное преобладание и развитие, поскольку все строительство примет более крупные размеры. В строительстве войдут такие гиганты как Ангарстрой, мощностью в 3,5 млн. *kwh*, с производством энергии в 20 млрд. *kwh*, Волгострой с возможной отдачей энергии от 5 до 9 млрд. *kwh*, Индустриально-аграрные комбинаты наподобие проектирующегося „Жарковско-свитский мох“, мощностью в 500—600 тыс. *kwh*. Наряду с этим будут и должны широко развиваться станции более мелкого порядка, рассчитанные на использование местных ресурсов, с включением их в общую сеть. Для осуществления своей ведущей роли электрификация должна стать, следовательно, отправной точкой и основным условием всех строительных мероприятий и обладать достаточным резервом мощности.

Отсюда напрашивается также вывод о необходимости и коренной реконструкции электротехнической промышленности. Последняя должна быть поставлена на широкую ногу действительно массового производства. Для того чтобы электротехническая промышленность могла обеспечить решительный ход социалистической реконструкции, она должна начать работать в массовом масштабе, на склад. Такая же установка должна быть принята и котлотурбопромышленностью. Последняя помимо того, прибегнув к иностранной техпомощи, должна приступить к решительному форсированию крупных и теплофикационных агрегатов в комплексном виде.

X

В связи со всем опытом нашего электростроительства и развитием народного хозяйства все больше встает необходимость во что бы то ни стало ликвидировать разрыв между электрификацией сельского хозяйства и электрификацией промышленности. Сельское электростроительство в форме мелкого карликового электростроительства, как правило, совершенно не должно иметь места.

На этом участке мы особенно отстали по сравнению с передовым капиталистическим сельским хозяйством. Но если раньше, при наличии раздробленного, карликового, мелкого крестьянского хозяйства это было до известной степени законно, то при данной ситуации в деревне, при наличии всемерного укрепления и роста социалистических форм хозяйства—совхозов и колхозов—это становится просто невозможным. К настоящему времени мощность сельских электроустановок достигает примерно 50 тыс. *kwh*, при средней мощности одной установки, примерно, в 70 *kwh* со средним числом часов использования в 1500 часов. Удельный вес сельской электроэнергии к общему балансу выработки энергии составляет меньше 1%. Эта энергия достаточна не для сельской электрификации, а для электрификации крупного совхоза. Разумеется, раньше наши возможности на этот счет были невелики (при индивидуальном хозяйстве и слабости промышленности), хотя ни в коем случае не следует скрывать того факта, что этот участок находился у нас в загоне и что мы в действительности могли сделать гораздо больше того, чем мы обладаем теперь. Позором является тот факт, что мы до сих пор не сумели наладить широкий опыт в этом направлении в наших колхозах и совхозах. Однако с таким положением дальше мириться нельзя.

Сельское хозяйство при районировании электрификации безусловно должно быть учтено и включено в общий план. В этой области немалую роль должны сыграть сельскохозяйственные машины, электрические станции, кооперативные и государственные, самостоятельные или совместно с машинно-тракторными станциями образующие мощные энергетические базы. При этом развитие сельской электрификации должно идти по линии строительства агроиндустриальных электрических центральных вокруг крупных совхозов и колхозов. Последние должны быть охвачены кустованием как составная часть плановой электрификации. Помимо того сети районных электроцентралей должны быть подтянуты к сельскому хозяйству. Сельская электрификация должна быть развернута с таким расчетом и в таких размерах, чтобы в рамках генплана стать решающей силой всего энергетического аппарата сельского хозяйства, решающим фактором социалистической реконструкции. Это не исключает, но прямо предполагает, что в нынешнем пятилетии она должна будет еще сыграть более серьезную подсобную роль, чем она играет сейчас, ибо хотя центр тяжести пока еще в двигательной силе трактора и животных, однако логика технического прогресса всей страны и успехи электрификации приведут к тому, что последняя в деле реконструкции сельского хозяйства станет и неизбежно должна стать самой решающей силой, ведущим началом. Этого к сожалению многие товарищи не понимают до сих пор, не понимают того факта, что социалистическое энергетическое хозяйство есть хозяйство монолитное и единое с точки зрения не только эко-

номической, но и технической (на данном уровне техники), ибо только таким образом социализм реализует громадные экономические преимущества новейшей техники, которые однако пресловутый „организованный капитализм“ никак не в состоянии осилить вследствие своей дезорганизованной (без кавычек) природы. Они не понимают того факта, что противопоставить двигатель внутреннего сгорания электрическому мотору нельзя. Еще Энгельс предвидел, что электричество явится могучим техническим рычагом, с помощью которого будет положен конец социальной обособленности города и деревни. Ленин на протяжении всей его революционной деятельности, начиная с его ранних работ против оппортунизма и ревизионизма, оценивал роль электричества как фактора, таящего все возможности коренного революционного переворота.

На сегодняшний день решающим орудием технической реконструкции является трактор. Вследствие сложившихся конкретных исторических условий трактору суждено сыграть роль пионера в деле вспахивания социалистического поля, в деле создания базы для ликвидации изжившего себя технически, экономически и исторически, варварски отсталого, мелкого раздробленного крестьянского хозяйства. Это бесспорно. Роль электричества как орудия социально-экономической и технической реконструкции нашей деревни на сегодняшний день ничтожна. Сегодня решающей силой является двигатель внутреннего сгорания. Строго говоря, это значит, что мы еще не подошли, а лишь подходим вплотную к проблемам сельской электрификации. Других путей „сегодня“ нет, и утверждать обратное было бы нелепо и фантастично. Однако то, что трактор является у нас на „сегодняшний“ день носителем технического и социального переворота, отнюдь не следует рассматривать как довод против электрификации сельского хозяйства. С точки зрения совокупных конкретных условий СССР и наших реальных экономических возможностей электричество в сельском хозяйстве представляет интересы не вчерашнего, не сегодняшнего, а завтрашнего дня. В пределах первоначального отрезка этого „завтра“, первоначального отрезка генплана, двигателю внутреннего сгорания предстоит еще немало работы для обеспечения победы социалистических отношений в деревне, для технического обеспечения выполнения лозунгов сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса. Однако в основном и трактор дает лишь авангардный бой, и следует подчеркнуть уже теперь, что при современной технике трактор отнюдь не является самым совершенным орудием. Решающие задачи нашего „завтра“ будут завершены электричеством. И по мере наших успехов на общеиндустриальном фронте двигатель внутреннего сгорания как переходный тип индустриализации социалистического сельского хозяйства будет вытеснен новейшим двигателем—электро-двигателем и новейшей энергетикой в целом. Чем быстрее пойдет этот процесс, тем быстрее мы осуществим коренные задачи социалистического переустройства с.-х. и коренной социальной трансформации деревни¹⁴.

В этом—смысл политики нашей партии, все наши ставки на мощное развертывание сельхозмашиностроения, на форсирование строительства тракторных, комбайновых заводов, с.-х. машин. Но вместе с тем необходимо начать интенсивную работу по созданию тех орудий, той техники, которые нам обеспечат решающую и окончательную победу, ибо

¹⁴ См. по этому поводу нашу специальную работу „К победе социализма в сельском хозяйстве“, Гиз, 1930.

только с помощью электричества мы окончательно переработаем отсталое сельское хозяйство и включим бедняцко-средняцкую массу крестьянства в социалистическую семью. Однако эта установка далеко еще не завоевала себе права гражданства. Трактор на практике все более и более противопоставляется электричеству, а это приводит к полному игнорированию дела электрификации сельского хозяйства. Говорят, что электрификация сельского хозяйства есть фантастика, или же, как это авторитетно утверждал т. Бессонов еще в прошлом году, „что ведущее начало электрификации и в преобразовании сельского хозяйства более чем сомнительно“¹⁵. Нет сомнений, что такой подход является совершенно неприкрытым оппортунизмом в теории и на практике. За последнее время эти поборники оппортунизма, в целях обоснования дальнейшего отставания с.-х. электрификации, в особенности когда заходит речь о капитальных вложениях, склонны ссылаться на выступление т. Сталина на XVI съезде партии. В решениях прошлогоднего ноябрьского пленума ЦК говорится, что „крупное высокопроизводительное и действительно социалистическое производство в сельском хозяйстве можно построить только на базе современной машинной техники и электрификации“. И вслед за перечнем задач в области тракторостроения говорится далее: „Необходимо также развертывание строительства электростанций и электромашин для сельского хозяйства и для переработки с.-х. продуктов: всемерное развертывание этого строительства (т. е. тракторов, комбайнов, электростанций и электромашин—А. Х.) создает необходимую техническую базу крупного социалистического земледелия и необходимые предпосылки для осуществления коренной технической революции в сельском хозяйстве и для его обобществления“ (разрядка моя—А. Х.). Нет надобности доказывать, что приведенная цитата отражает взгляды т. Сталина. Против чего же возражал т. Сталин на XVI съезде? Против того утверждения, что „тракторы уже отжили свой век, что пришла пора перейти от тракторов к электрификации“ (из заключительного слова т. Сталина на XVI съезде. (разрядка моя—А. Х.) Иными словами, т. Сталин возражал против попыток загиба, против стремления перепрыгнуть через современный этап технической реконструкции деревни, против стремления перепрыгнуть через тракторизацию. Но значит ли это, что мы отсюда должны сделать вывод о свертывании с.-х. электрификации? Против подобного жонглирования достаточно пространно высказался т. Г. М. Кржижановский в „Правде“ от 13/VII—1930 г. в своем ответе комсомольцам-студентам Московского института механизации и электрификации сельского хозяйства. Ввиду особого интереса мы приводим здесь его краткий ответ почти целиком.

„Резкая отповедь т. Сталина товарищам, пытавшимся на съезде противопоставить трактору электрификацию сельского хозяйства, вовсе не означает отказа от широкого развертывания электрификации сельского хозяйства. Она направлена против дезориентирующих партию товарищей, утверждающих, что уже сегодня надо сделать ставку не на трактор, а на электроплуг.

1. Применение электричества в сельском хозяйстве за границей уже вышло из стадии опытов, ввиду этого наши опыты должны носить характер проверки в условиях крупного советского хозяйства

¹⁵ „Проблемы экономики“ № 3, 1929, с. 143.

и должны ставиться непосредственно в условиях промышленной эксплуатации. Опыты же по электропахоте, возобновляемые осенью текущего года, в следующем году должны получить значительное развитие и должны ставиться уже на собственном оборудовании. Мы имеем особые шансы социалистической реконструкции и электрификации: наша плановая комбинированная нагрузка электростанций может обеспечить совершенно исключительные по благоприятности предпосылки для всестороннего внедрения энергии в сельскохозяйственное производство. Наконец процесс коллективизации сельского хозяйства несет свои положительные сдвиги в дело электрификации сельского хозяйства.

2. Ближайшими задачами является всемерное развертывание электрификации крупных животноводческих хозяйств, свеклосахарных комбинатов, садово-огородных хозяйств, районов механического орошения под хлопков и другие культуры, а также электрификация сельскохозяйственной индустрии по первичной переработке.

3. Уже в ближайшее время мы сумеем вплотную подойти к электрификации сельского хозяйства. Для этого необходимы широкое развитие опытов по комплексному применению электроэнергии, организация конструкторских работ по электрическим машинам и прицепному инвентарю, организация внутреннего производства этого оборудования и подготовка кадров.

4. В отношении электрификации животноводства, с.-х. индустрии и других отраслей, за исключением полеводства, мы должны идти теми же темпами, какими идем в тракторизации полевых работ. В отношении электропахоты темпы должны определяться возможностью организовать уже в следующем году опытное производство электроплугов.

5. Задачей Наркомзема является осуществление перечисленных выше и других мероприятий, обеспечивающих „всемерное развертывание“ электрификации с.-х. согласно постановлению ноябрьского пленума.

6. В свете изложенного перед вами, будущими энергетиками сельского хозяйства, вырисовываются совершенно исключительные перспективы перестройки сельского хозяйства на базе электрификации.

К сказанному нечего добавить. Отсюда лишь следует, что уже в нынешнем году необходимо в этом отношении сделать практические и серьезные выводы.

XI

Столь же резко необходимо поставить на новом этапе энергетическую проблему транспорта. Несмотря на то, что общая линия нашего развития идет по пути последовательного и всестороннего развития производительных сил районов, по линии приближения обрабатывающей промышленности к источникам сырья и энергии, несмотря на это, наши старые промышленные районы и центры отнюдь не теряют своего значения и общей экономической роли и не превращаются в обычные районные образования. В то же время общий рост производительных сил страны, новых хозяйственных районов, увеличение общей массы материальных благ должно будет привести к тому, что хозяйственная связь между районами не только не ослабевает, но наоборот окрепнет и разовьется еще более полно и широко на плано-социалистической основе. А из этого следует, что масса материальных благ циркулирующих по разным старым и новым транспортным артериям, колоссально возрастает, и в связи с этим возрастает значение и роль транспорта в общей системе хозяйства, что в первую голову относится

к железнодорожному транспорту. С этим связана необходимость рационализации, удешевления и коренной технической реконструкции транспорта. Последним же словом техники в этой области является электрификация железных дорог, ибо только электрические магистрали и сверхмагистрали могут неизмеримо поднять провозоспособность транспорта. Электрификация транспорта означает перевод на высшую ступень колоссального по своей массе силового аппарата транспорта и включение его в единую систему энергохозяйства, что в свою очередь даст гигантский толчок к росту всей системы в целом. Электрические ж.-д. магистрали превратятся в линии, питающие электроэнергией всю окружающую местность, а следовательно, будут оказывать мощное воздействие на ускорение темпа реконструкции сельского хозяйства на базе электрификации. Последствия этого могут быть по достоинству оценены и использованы лишь в планоком социалистическом хозяйстве. Железнодорожное транспортное строительство, как правило, должно иметь место лишь на электрической основе. При переустройстве же главнейших ж.-д. магистралей (Москва—Донбасс, Москва—Кузбасс) на базе электрификации их нынешний тяговый аппарат сможет быть использован для других линий.

Эти решающие положения технической политики партии необходимо усвоить тем транспортным работникам, которые до сих пор живут еще старыми самобытными теориями, прикрашенными лишь поверхностно дешевой и слащавой фразеологией (см. например в „Правде“ статью т. Бессонова). Действительная большевистская реконструкция транспорта может быть проведена лишь на базе электрификации и сверхмагистральной решаемых путей. Это есть одна из важнейших установок Ленина, заложенная в плане ГОЭЛРО. В этом—залог наших решающих успехов. И здесь мы в относительно короткий срок можем добиться таких результатов, каких никогда не добьется капитализм. Этим отнюдь не снимается проблема повседневной рационализации транспорта. Однако подменить последней решающую социалистическую реконструкцию транспорта, как это пытался сделать т. Бессонов в своих статьях в „Правде“ накануне XVI съезда, практически и теоретически вредно. Это значило бы сойти с основной дороги и воспроизвести нынешние трудности в расширенном масштабе.

[XII]

Проблема электрификации „всей страны“ есть такая задача, которую оказался неспособным решить современный капитализм и в частности передовой капитализм американского янки. Электрификация „всей страны“, которую так усиленно подчеркивал Ленин, есть социалистическая проблема. Ее может решить планоком социалистическое хозяйство. Создание единого энергохозяйства на базе электрификации, иными словами, практическое завоевание универсальным электрическим током широкого поля народного хозяйства, в том числе и громадных транспортных артерий, даст такой эффект, о котором и не мечтали ни техники, ни экономисты. Именно в этом залог того, что мы в кратчайший срок опередим „передовой“ капитализм. Капитализм не может в широких размерах реализовать современную электротехнику. Величайший фактор производительного механизма САСШ, его силовой аппарат мощностью в 800 млн. л. с.¹⁸, работает на разрозненной

* „Новейшие изменения в экономике САСШ“.

основе. Разрозненность энергетики на базе сохранения отсталых систем и типов оборудования приводит в конечном счете к тому, что народнохозяйственный эффект от этого колоссального преимущества (мощность силового аппарата) в САСШ далеко недостаточен. Капиталистическая экономика не в состоянии создать это единство не только в народнохозяйственном масштабе, но даже и на более ограниченном участке—в индустрии. Это приводит к тому, что в одних случаях силовая мощность консервируется, а в других случаях она является фактором, лимитирующим и сжимающим общую производственную мощность предприятия. Параллельное существование ряда энергетических систем, электроцентралей и сетей приводит к снижению коэффициента полезного действия станций и в конечном счете—к уменьшению производительности труда. Но если в промышленности САСШ энергетика в общем и целом является передовой, то этого никак нельзя сказать об американском железнодорожном транспорте и сельском хозяйстве. На транспорте господствующей является энергия XIX в.—паровая энергия. В силовом аппарате американского сельского хозяйства мы наблюдаем смесь разнообразных карликовых установок—ветряные и водяные установки, паровую машину и двигатель внутреннего сгорания.

Трактор же, используемый в относительно мелком фермерском хозяйстве, далеко не реализуется полностью. Эффект, могущий быть получен от двигателя внутреннего сгорания, в капиталистическом сельском хозяйстве реализуется далеко не полностью.

Тщетно пытается американский капитализм реорганизовать свою железнодорожную сеть на базе электрификации. Ему это удастся не в большей мере, чем Великобритании удастся реорганизовать свою угольную промышленность. Еще более трудным делом является в капиталистических условиях дело электрификации сельского хозяйства. Анархическая природа капиталистического строя, разрозненная мелкая собственность (сельское хозяйство), частные интересы отдельных капиталистических групп, концернов, трестов и отраслей в их борьбе за прибыли, наличие большого материального груза отсталой железнодорожной системы, отсутствие планового начала, сопротивление рабочего его дальнейшей эксплуатации и ухудшение его положения как класса—все эти причины по совокупности приводят к тому, что капиталистическая Америка задерживается на данном уровне развития и не может реализовать современные (ее же собственные) технико-экономические возможности. Американская энергетика идет рассыпным строем. И сколько бы американские апологеты пресловутого и славно кончившего свой век „просперити“ ни думали над этой проблемой, ни замыслили создание „плановой электрификации в интересах всего общества“, сколько бы ни пытались перевести железные дороги на новый вид энергии, строить электрическую сеть в сельских местностях и наделить всех фермеров электрическим двигателем—это безуспешно. Современное американское „просперити“ в основном исчерпало свои возможности в области решающего роста производительности труда на базе утилизации новейшей техники—электротехники. Американский капитализм не может создать системы плановой электрификации, а следовательно, не может пользоваться плодами революционного энергетического рычага.

Дальнейший прогрессивный путь общественного целого может быть создан лишь на базе социализма.

Для совершения дальнейшего скачка, для реализации действительно революционных возможностей, которые сулит плановая

электрификация, страна янки должна преобразиться и преодолеть свой социальный барьер. „Организованный капитализм“ и плановая электрификация в Америке оказались просто-напросто „блефом“, в который теперь перестают верить многие из верных слуг капитала. На этом фоне в Америке теперь все более оголяются решающие противоречия между производительными силами и производственными отношениями, а на этой почве обостряется и классовая борьба. Но если это так, то мы должны в этом отдать себе ясный отчет. Передовая энергетика является важнейшим условием роста производительности труда. И если мы хотим пойти по пути опережения капитализма в этом отношении, т. е. в том вопросе, который Ленин считал самым главным для победы нового строя, то мы должны гигантскими шагами немедленно приступить к реализации капиталистической электротехники на социалистических началах.

Те, которые думают, что мы должны догнать и перегнать капитализм количественно (так вообще нельзя ставить вопрос), копируя его технические модели и оптимумы, ничего не смыслят в том, что является самым решающим для данной эпохи социалистического строительства. Мы можем догнать и перегнать капитализм и количественно (решающие материальные показатели), и качественно. Примером здесь может служить Днепровский комбинат, который является чисто социалистическим детищем, сочетающим в себе плановое начало с передовой техникой. Развертывая наше хозяйство на такой основе, мы имеем все шансы через каких-нибудь 6—8 лет добиться такого же качественного соотношения между производительными механизмами нашей страны и Америки, какое сейчас существует между Англией и Америкой. И, нужно сказать, положение капиталистической Америки (если мировая революция к тому времени еще не успеет внести свою „поправку“) окажется не менее блестящим, чем положение лживающей свой век, отсталой, насквозь гнилой, консервативно лейбористской и противоречивой капиталистической Великобритании.

Включение в сферу воздействия электрического тока таких областей, как сельское хозяйство, транспорт и быт, т. е. создание единой энергетической системы, даст необычайно сильный толчок к рационализации энергохозяйства в целом, изменит его технико-экономический облик, и в отличие от первого плана ГОЭЛРО, который намечал этот путь лишь как принцип и перспективу грядущего развития, вырабатывал практический подход к его достижению, второй план ГОЭЛРО (необходимость в котором становится на данном этапе особо острой) должен явиться конкретным планом осуществления идеи создания единого энергетического хозяйства на базе электрификации. Второй план ГОЭЛРО должен быть планом построения социализма в нашей стране. Этот план в значительной мере будет отличаться от первого плана ГОЭЛРО как по масштабу выдвигаемых задач; так и по силе своей качественной, социальной и технико-экономической установки. К новому плану мы подходим вооруженными опытом планирования и строительства. Мы сильны кадрами, вооруженными четким марксистско-ленинским мировоззрением. И надо думать, что в этом плане мы со всей силой развернем грандиозные эпопеи социализма.

ТЕОРИЯ АММОНА

I. Теория ценности Аммона

Аммон является одной из наиболее противоречивых фигур в современной буржуазной политической экономии. Через всю экономическую систему Аммона красной нитью проходит следующее противоречие. С одной стороны, в своем раннем произведении „Objekt und Grundbegriffe der theoretischen Nationalökonomie“ (изд. 1-е в 1911 г., изд. 2-е в 1927 г.) Аммон выступает как последовательный сторонник социального направления. С величайшей настойчивостью он проводит ту идею, что исходным пунктом экономического анализа должно стать положение о социальном характере объекта теоретической экономии. Последняя изучает не хозяйство вообще, а определенные социальные отношения, определенные социальные закономерности. Между хозяйством и объектом политической экономии, по Аммону, существует не логическая, а эмпирическая зависимость. Проблемы политической экономии возникают лишь при наличии определенных социальных предпосылок, при наличии определенной социальной организации, которая, по Аммону, характеризуется наличием четырех признаков: а) признанием исключительной власти индивида распоряжаться внешними объектами, б) признанием свободного обмена этой распорядительной власти индивидов, в) признанием свободы определения количественной пропорции обмениваемых объектов и г) признанием всеобщего социального мерил ценности¹. Все основные категории политической экономии, по мнению нашего автора, имеют социальную природу и должны быть выведены из данной социальной организации. Категории технические, индивидуально-психологические играют лишь вспомогательную роль в теоретической экономии. Между тем Аммон, когда он приступает к разработке своего позитивного экономического учения, всецело остается на позициях субъективной школы. Его второй основной труд „Grundzüge der Volkswohlslehre“, I Teil, ничем существенным не отличается от работ Вальраса, Касселя, Шумпетера и т. д. Нужно отметить, что Аммон является также автором многочисленных критических статей. Он живо реагирует на всякое крупное явление в экономической литературе. И в этих критических статьях, в отличие от Штольцмана и Дилия, Аммон почти никогда не критикует авторов за игнорирование социального метода, социальной сущности экономических категорий, за натуралистический, индивидуалистический, потребительский подход. Его критика большей частью

¹ „Objekt und Grundbegriffe der theoretischen Nationalökonomie“, 2. Aufl., 1927, S. 194.

идет по линии указания логических ошибок, логических невязок и противоречий. В связи с этим невольно возникает следующий вопрос: как нужно охарактеризовать теорию Аммона, к какому течению нужно причислить Аммона,—к субъективной школе или к социальному направлению. Можно ли в позитивной теории Аммона, в его теории ценности и распределения усмотреть некоторые следы социального метода? И если эти следы нельзя установить, то как Аммон понимает природу социальных отношений? Как осуществляется этот синтез между индивидуалистически-субъективным и социальным методом в системе нашего автора?

Прежде всего рассмотрим теорию ценности Аммона. В этой области он проявил мало оригинальности. Он повторяет преимущественно те положения, которые даны экономистами математической школы. Подобно математикам, Аммон исходит из того, что теорию ценности можно построить лишь на основе анализа спроса и предложения. Весь анализ сводится к подробному выяснению разных факторов, действующих на стороне спроса-предложения, к изучению разных комбинаций, возникающих в результате взаимодействия этих факторов. Закон спроса-предложения объясняет не только механизм установления средних цен, но и количественный уровень последних. Ошибочно думать, указывает Аммон, что закон спроса-предложения противоречит закону издержек производства. Последний закон является лишь особой формой, специальным случаем закона спроса-предложения². Задача Аммона состоит в том, чтобы показать, что хотя большинство товаров продается соответственно издержкам производства, но последние могут быть объяснены в конечном счете на основании закона спроса и предложения. Цена (как рыночная, так и нормальная, средняя) зависит по мнению нашего автора не просто от количественного соотношения спроса и предложения, а от характера функций спроса и предложения. Вслед за математиками Аммон во главу угла выдвигает идею функций³. Учение о функциях спроса и предложения представляет один из важнейших моментов, отличающих математическую школу от представителей старой вульгарной школы, которая также выводила ценность из спроса-предложения. Одним из важнейших аргументов, направленных против теории спроса-предложения, является указание на то, что последняя вращается в порочном кругу. С одной стороны, цена выводится из соотношения спроса-предложения, с другой стороны, конкретная величина спроса-предложения обусловлена данным уровнем цены. Эту трудность математики, а вслед за ними—Аммон пытаются преодолеть своим учением о функциях. Цена, по их учению, выводится не из данных конкретных значений спроса-предложения, а из их функций. Функции спроса-предложения выражают ту зависимость, которая существует между изменением цены, с одной стороны, и изменением спроса-предложения, с другой стороны. Каждому изменению цены, с одной стороны, соответствует строго определенное изменение спроса-предложения—с другой стороны. Эти функции, которые графически могут быть выражены в виде кривых спроса-предложения, различны для разных субъектов и для одного и того же субъекта в разное время. Цена определяется пересечением этих функций, которые могут быть обусловлены целым рядом технических, психологических и иных причин, независимых от уровня существующей цены.

² Grundzüge der Volkswohlstandslehre*, I Teil, 1926, S. 166.

³ Ibid. S. 197.

Против теории спроса-предложения было выдвинуто и другое, весьма веское возражение, а именно, что закон спроса-предложения объясняет лишь отклонения рыночных цен от нормального уровня. В условиях свободного воспроизводства и свободной конкуренции цена тяготеет к определенному уровню—к издержкам производства (включая в последние и среднюю прибыль). Товар не может в среднем продаваться по цене выше или ниже этих издержек производства, ибо в противном случае произойдет отлив или прилив капитала из других сфер. Эти соображения элементарны и общеизвестны. И Аммон вынужден признать, что в нормальных условиях функция предложения резко отлична от функции спроса, что предложение возможно лишь по определенной цене, соответствующей издержкам⁴. Но чем же тогда определяется уровень издержек производства? Последние, по Аммону, представляют цену элементов производства, участвовавших в производстве данного товара. Но как определить цену этих элементов производства? Ведь цена средств производства в свою очередь зависит от цены средств производства, затраченных в их производстве. Как же тогда разрешить основную трудность, с которой сталкивается всякая теория издержек производства? Как избежать regressus in infinito, т. е. бесконечного отсылания от одних издержек к другим? Аммон считает, что если проделать генетический анализ издержек, то мы, в конечном счете, должны столкнуться с такими факторами издержек (Kostenfaktoren), которые являются последними и которые не могут быть сведены к другим факторам. Эти конечные или последние факторы имеются в определенном количестве, они не свободно воспроизводимы, и их цена определяется по законам спроса-предложения. К таким факторам следует прежде всего отнести труд. Аммон видит основную ошибку Рикардо в том, что он делит все товары на две группы—редких и свободно производимым товаров. Источник этой ошибки, по мнению нашего автора, заключается в неправильном положении, что при помощи труда можно безгранично увеличить количество товаров⁵. Между тем, указывает Аммон, труд может лишь смягчить редкость, но не окончательно ее устранить. Дело в том, что сам труд является редким благом по сравнению с нашими потребностями, и редкость товаров обуславливается редкостью труда⁶. Эта редкость, по мнению Аммона, заключается в том, что общее количество трудовых затрат в данном обществе не может расти безгранично, поскольку не все члены общества являются трудоспособными (напр. дети и старики). Кроме того трудоспособные члены общества не могут работать круглые сутки. Даже если бы все члены общества непрерывно работали, то и тогда общая сумма затрачиваемого труда была бы ограничена по сравнению с нашими потребностями. Кроме того необходимо учесть, что трудовые затраты связаны с неприятными усилиями (Mühe und Beschwerde), которые на известной стадии вызывают нежелание работать и обостряют редкость труда⁷. Поэтому, указывает Аммон, вместо того чтобы делить товары на редкие и свободно воспроизводимые, нужно сказать, что ценность всех товаров вытекает из их относительной редкости по сравнению с нашими потребностями, которая может быть или первичной, естественной редкостью этих товаров или редкостью труда, необходимого для их

⁴ „Grundzüge der Volkswohlstandslehre“, S. 158.

⁵ „Ricardo als der Begründer der theoretischen Nationalökonomie“, S. 18.

⁶ Ibid, S. 103.

⁷ Ibid. S. 104.

получения⁸. К числу таких конечных или последних факторов издержек, т. е. таких факторов, предложение которых не зависит от применения других факторов, по мнению Аммона, относится не только труд, но также естественные блага в первоначальном состоянии, например земля и сбережение (Sparen), от которого зависит предложение капитала⁹.

Исходя из этих общих предпосылок, Аммон солидаризуется с тем объяснением ценообразования, которое дано в системе уравнений Касселя (заимствовавшего их у Вальраса). Мы не будем приводить этих уравнений. Укажем лишь на их экономическую сущность. Согласно теории Вальраса—Касселя, система рыночных цен зависит от трех моментов: а) функций спроса для отдельных индивидов на предметы потребления; б) технических коэффициентов производства, т. е. от тех пропорций, в которых отдельные факторы производства участвуют в производстве данного товара, и в) наличных запасов последних или конечных факторов производства. Если все эти моменты имеются налицо, то должна установиться строго определенная система цен, которая предполагает существование трех правил: а) равенства спроса на предметы потребления их предложению, б) равенства спроса на последние факторы производства их предложению в) равенства цен товаров их издержкам производства. Если цена на какой-нибудь товар установится на другом уровне, то это нарушит соответствие между спросом и предложением отдельных групп товаров, между ценами товаров и их издержками производства и, следовательно, приведет к нарушению рыночного равновесия.

Аммон критикует Касселя лишь в одном пункте. Кассель принимает функции спроса за данные и не входит в дальнейшее исследование их природы. Между тем Аммон полагает, что задача экономического анализа не ограничивается только ссылкой на функции спроса, что необходимо объяснить, почему функции спроса имеют такой, а не иной характер. Кассель, по словам Аммона, не дает того принципа, на основании которого составлены эти уравнения¹⁰. Учение Касселя о ценообразовании должно быть, по мнению Аммона, дополнено теорией предельной полезности.

Нужно отметить, что и в данном вопросе наш автор не проявил особой оригинальности. Он возвращается назад к Вальрасу, теорию которого Кассель взял в качестве основы при построении своего учения, предварительно изгнав оттуда элементы психологизма в виде теории предельной полезности. Аммон считает необходимым отказаться от этого отрицания психологизма, которое составляет своеобразие учения Касселя. Подобно Вальрасу, Аммон пытается вывести функции спроса из функций полезности (выражающих зависимость изменения полезности от величины запаса данного блага) при помощи так называемого второго закона Госсена или закона уравнивания предельных полезностей.

Аммон расходится с Вальрасом лишь в том отношении, что он отрицает возможность точного измерения полезности. Полезность является интенсивной, а не экстенсивной величиной¹¹. Ценность

⁸ „Grundzüge der Volkswahlstandslehre“, S. 106.

⁹ Ibid., S. 162, 163.

¹⁰ Статья „Cassel's System der theoretischen Nationalökonomie“, „Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik“, B. LI, S. 11.

¹¹ „Grundzüge der Volkswahlstandslehre“, S. 131.

(субъективная), как и полезность, не представляют исчислимой (rechnerische) величины. Они не могут быть выражены математически.

Нужно отметить, что и в этой области Аммон не проявил особой оригинальности. Ряд представителей математической школы (как Ирв. Фишер, Эджевортс, Парето) указывали, что при построении субъективной теории ценности нет необходимости исходить из предпосылки о соизмеримости полезности, потребности и других субъективных категорий.

Мы не будем останавливаться на критике теории ценности Аммона (критика аналогичной теории Вальраса—Касселя дана нами в нашей работе „Субъективная школа в политической экономии“, т. II, гл. VI). Мы хотели только отметить, что теория ценности нашего автора характеризуется тремя методологическими принципами, которые господствуют в работах математической школы. Во-первых, теория Аммона носит явно выраженный статический характер. Она построена на предположении о существовании стационарного общества, в котором существуют фиксированные запасы конечных факторов производства и неизменные коэффициенты производства (т. е. неизменная техника). Не даром Аммон приписывает столь высокую познавательную ценность статической теории¹². В связи с этим принцип редкости является краеугольным камнем всей его экономической системы. Во-вторых, теория Аммона исключает возможность монистического объяснения ценности. В его теории нельзя указать на один какой-либо момент, который определял бы ценность и не зависел бы от нее непосредственно. Резюмируя свою теорию ценности, Аммон указывает, что у него все время речь идет не о каузальных, а о функциональных зависимостях. Все категории выступают по отношению друг к другу как следствие и как причина¹³. Мы видели выше, что в основу всей своей теории наш автор кладет положения о функциях спроса-предложения. Данные конкретные значения спроса-предложения зависят от цены и влияют на последнюю. Поскольку математики ограничиваются лишь подчеркиванием взаимозависимости отдельных категорий, они лишены возможности найти движущие силы, открыты закон движения капитализма. В-третьих, теория ценности Аммона носит натуралистический и индивидуалистический характер. Ценность выводится не из социальных факторов, а из чисто естественных факторов (редкости природных благ), из чисто технических факторов (коэффициентов производства), из индивидуалистически-психологических факторов (предельной полезности). Ценность рассматривается как выражение относительной редкости, как выражение отношения между потребностями и запасом благ. Правда, Аммон, подобно всем математикам, не занимается специальным исследованием Робинзона, живущего на необитаемом острове. Аммон исходит из анализа товаровладельца, который потребляет товары, имеющие определенную цену. Он идет от анализа спроса к анализу потребления и роли предельной полезности. В самой идее функций спроса-предложения уже выражается социальная обусловленность индивидуального потребления и производства, зависимость последних от рынка и уровня рыночных цен. Теория ценности Аммона включает в себя признание социальной обусловленности лишь в той мере, в какой она является совершенно очевидной и признается всеми вульгарными экономистами. При самом тщательном исследова-

¹² „Grundzüge der Volkswohlstandslehre“, S. 285—296.

¹³ *ibid.*, S. 167.

нии теории ценности Аммона нельзя усмотреть в ней следов влияния социального метода, социологического анализа экономических явлений.

II. Теория распределения Аммона

Аммон не проявил особой оригинальности и в разработке проблемы распределения. И в данном вопросе Аммон всецело стоит на позициях субъективизма. Он пытается создать синтез из учения трех субъективистов—Шумпетера, Бем-Баверка и Касселя. О возможности этого синтеза Аммон говорит в следующем месте: „Учения Касселя, Шумпетера и Бем Баверка не противоречат друг другу, но они могут быть приведены в согласие. Несмотря на различие их внешнего выражения, у них имеется тесное родство в основном“¹⁴. У Шумпетера Аммон заимствовал его теорию предпринимательской прибыли. Подобно Шумпетеру, Аммон считает, что в статическом обществе предпринимательская прибыль в собственном смысле этого слова (т. е. за вычетом платы за надзор) отсутствует, ибо там существует полное соответствие между ценами товаров и издержками производства (в которые включается также средний процент)¹⁵. Предпринимательская прибыль получается лишь благодаря техническому прогрессу, благодаря применению более совершенных методов по сравнению с обычными. Аммон рассматривает предпринимателя как чисто динамическую фигуру, как новатора и революционера в производстве, ломающего рутинные способы, дающего толчок техническому прогрессу. Отсюда Аммон делает тот вывод, что хозяйственная выгода, которая получается благодаря техническому прогрессу, есть прежде всего выгода предпринимателя. Только развитие создает собственную предпринимательскую прибыль¹⁶.

От Бем-Баверка Аммон заимствовал исходное положение теории процента о недооценке будущих благ по сравнению с настоящим, о роли ожидания и отсрочки потребления. Продажу пользований (*der Nutzung*) капитала, по мнению Аммона, можно рассматривать как обмен продуктов, которыми можно распоряжаться в настоящем, на блага, которыми можно распоряжаться в будущем. Ценность настоящих благ¹⁷ содержит лаж (*eine Agio*) по сравнению с ценностью будущих благ. Таким образом наш автор ищет конечное основание предпринимательской прибыли в вечном техническом факте—техническом прогрессе, а конечное основание процента в вечном, по его мнению, психологическом факте—недооценке будущих благ. В том и другом случае Аммон присоединяется к представителям самого откровенного натурализма и самой откровенной апологетики.

От Касселя Аммон заимствовал общее решение проблемы распределения. Аммон указывает, что проблема распределения представляет собою ряд проблем ценообразования, а именно—проблем особенностей ценообразования первичных (*originären*, по другой терминологии Аммона они именуются также последними, конечными факторами) средств производства или факторов производства¹⁸. Конечно можно согласиться с тем, что теория распределения вытекает из теории ценности и представляет собой, по существу, один из частных случаев теории цен-

¹⁴ Статья „Cassel's System der theoretischen Nationalökonomie“, S. 68.

¹⁵ „Grundzüge der Volkswohlstandslehre“, S. 272—273.

¹⁶ Ibid., S. 298.

¹⁷ Ibid., S. 258.

¹⁸ Ibid., S. 241.

ности, одну из специальных проблем теории ценности. В капиталистическом обществе все взаимоотношения между отдельными участниками производства (как внутриклассовые, так и межклассовые) выступают в форме отношений между товаровладельцами в связи с актами купли-продажи. Поэтому все категории распределения являются в то же время ценностными категориями. Поэтому теория распределения есть ряд специальных проблем теории ценности. Усложнение этих проблем связано с переходом к анализу более сложных экономических структур, с переходом от одноклассового общества простых товаропроизводителей, которое является исходной базой теории ценности, к двухклассовому обществу (капиталистов и рабочих)—поскольку изучается общий процесс образования прибавочной ценности, и к трехклассовому обществу с различными группировками внутри отдельных классов—поскольку дается развернутая теория разных доходов. Но Аммон все своеобразие проблем распределения видит только в том, что здесь предполагаются своеобразные условия спроса и предложения элементарных факторов производства, вытекающие из чисто естественных или технических фактов и не находящиеся ни в какой зависимости от капиталистической организации производства. Своеобразие предложения элементарных факторов производства, как мы видели выше, состоит в том, что эти факторы имеются в ограниченном количестве, что они являются редкими. Своеобразие спроса на эти элементарные факторы производства заключается в том, что спрос на отдельный фактор производства (напр. на труд) зависит от величины комплексментарных (т. е. дополнительных) факторов производства. Так напр. „спрос на труд ограничен имеющимися в распоряжении капиталом и землей, спрос на капитал ограничен величиной имеющейся в распоряжении рабочей силы, спрос на землю ограничен также величиной имеющихся в распоряжении рабочей силы и капитала“¹⁹.

Из этой теории распределения вытекает определенная теория заработной платы Аммона. Поскольку последний подчеркивает редкость элементарных факторов производства, в том числе и рабочей силы, постольку он склонен отрицать возможность свободного воспроизводства рабочей силы и связанную с этим воспроизводством роль прижиточного минимума. Отсюда логически вытекает тот вывод, что при объяснении заработной платы решающую роль играет спрос на труд (очень часто смешивается с рабочей силой). Поскольку спрос одних факторов производства зависит от наличных запасов других, постольку зарплата определяется количественным соотношением свободной рабочей силы и капитала. Если мы, пишет Аммон, будем рассматривать производственные факторы—землю, труд и капитал—прежде всего как однородные (einheitliche) факторы производства (т. е. если мы отвлечемся от дифференциации внутри каждого из этих факторов), то цена этих трех факторов производства будет определяться через отношение их количеств²⁰. Отсюда Аммон делает тот вывод, что чем больше величина предложения труда по сравнению с имеющимися или находящимися в распоряжении капиталом и землей, тем ниже цена труда и наоборот²¹. Этот вывод почти дословно совпадает с выводом крупнейшего представителя теории предельной производительности—Кларка²².

¹⁹ „Grundzüge der Volkswohlslehre“, S. 244.

²⁰ Ibid., S. 250—251.

²¹ Ibid., S. 251.

²² „Distribution of wealth“, p. 166—167.

Это совпадение выводов Кларка и Аммона не является случайным. Оно вытекает из общего подхода к решению проблемы распределения. Подобно Кларку, Аммон пытается отдельные доходы вывести из технической роли разных факторов производства. Капитал в теории распределения нашего автора выступает не как чуждая и враждебная рабочему сила, а как средство производства, как вещь, необходимая для производства, как представитель мертвого труда в отличие от живого труда. Труд и капитал рассматриваются как два одинаково необходимых и дополняющих друг друга фактора производства, оказывающих определенные услуги в производстве. Величина этих услуг зависит от остроты потребности в этих факторах производства, которая, в свою очередь, зависит от соотношения размеров этих факторов. Напр. там, где рабочих имеется немного по сравнению с существующими запасами средств производства, там потребность в рабочих чувствуется особенно остро, и там услуги последних ценятся особенно высоко. В связи с этим рабочие и капиталисты выступают как продавцы разных товаров, разных факторов производства, между которыми существует лишь техническое различие. Рабочие и капиталисты отличаются, с точки зрения данной схемы, в том же отношении, как продавцы разных видов сырья. При этом от взора исследователя совершенно ускользает классовая природа отдельных категорий капиталистического общества. Весьма любопытно, что Аммон лишь вскользь и мимоходом ставит вопрос о минимуме зарплаты. Это игнорирование роли прожиточного минимума объясняется тем, что Аммон абстрагировался от рассмотрения тех специфических условий, в которых находятся рабочие, от того, что рабочий отделен от средств производства, что зарплата является единственным источником его существования. Аммон не примкнул целиком и полностью к теории предельной производительности только потому, что он отказался от более точного определения доли участия отдельных факторов производства. На основании теории распределения Аммона можно установить лишь общую тенденцию в изменении зарплаты и процента, но нельзя точно установить, к какому уровню тяготеют эти доходы, нельзя определить высоту последних. Наш автор, правда, ссылается на общую систему уравнений Касселя, но эти уравнения говорят лишь о том, что между отдельными величинами дохода существует определенная функциональная зависимость. Никто не отрицает, конечно, что между отдельными доходами (а также между доходами и ценами) существует известная функциональная зависимость. Весь вопрос состоит в определении характера и типа этой зависимости. Этот кардинальный вопрос остается у Аммона неосвещенным.

В теории процента Аммона влияние социального метода чувствуется столь же слабо, как и в его теории зарплаты. Мы уже выше указывали, что конечное основание процента Аммон в согласии с Бем-Баверком видит в индивидуально-психологическом факте недооценки будущих благ. Уже это одно обстоятельство в достаточной мере характеризует теорию процента нашего автора. В этом пункте можно отметить весьма существенное различие между Аммоном и Штольцманом. Последний, как известно, подвергает уничтожающей критике теорию процента Бем-Баверка. Другой существенный пункт различия между обоими авторами в данном вопросе состоит в том, что Штольцман считает нужным противопоставить зарплате не процент, а общую прибыль, получаемую капиталистическим классом, в которой процент составляет лишь часть, притом регулирующую.

сравнительно случайными факторами. Между тем Аммон фактически прибыль превращает в ссудный процент, поскольку он исключает возможность существования предпринимательской прибыли в нормальных условиях равновесия. Если в теории зарплаты нашего автора капитал выступает как определенная вещь, как фонд средств производства, то в его теории процента (или прибыли вообще) капитал выступает исключительно как ссудный капитал, как капитал, фигурирующий как товар. Капиталист выступает наравне с рабочими как продавец определенного товара—капитала. Верховным руководителем капиталистического производства в схеме Аммона является предприниматель, который, рассматриваемый *ap sich*, в условиях равновесия, не получает никакого дохода. Превращение всего капитала в ссудный капитал и всей прибыли в процент, которое предельно выводит Аммон, стирает главенствующую, командующую роль капиталиста в капиталистическом процессе производства. Последний процесс оказывается фактически без хозяина, подменяется простым товарным производством.

Уровень процента Аммон выводит из анализа спроса и предложения ссудного капитала. При определении спроса на капитал нужно, по его мнению, учитывать как спрос со стороны производителей, так и спрос со стороны потребителей. Весьма характерно для Аммона, что он всячески предостерегает от недооценки потребительского спроса на капитал. Так, весь спрос на жилище и в значительной части спрос на услуги современного транспорта есть потребительский спрос на капитал²³. В согласии с Касселем Аммон склонен рассматривать всякий спрос на предметы потребления, функционирующие длительное время, как спрос на капитал. При такой постановке вопроса спрос на ссудный капитал смешивается со спросом на деньги для потребительских целей, спрос на капитал превращается в явление, нормальное для простого товарного хозяйства. Точно так же при рассмотрении производственного спроса на капитал Аммон совершенно элиминирует капиталистическую сущность этого спроса. По мнению Аммона, источник этого спроса на капитал лежит в *Meinproduktivität*, т. е. в том, что распоряжение капиталом (отождествляемым со средствами производства) повышает производительность, увеличивает общую продукцию. При помощи применения капитала, т. е., по терминологии Аммона, производственных средств производства, можно получить больший продукт, чем при помощи элементарных средств производства, которые были использованы для производства этого капитала²⁴. Таким образом спрос на капитал, по Аммону, определяется чисто техническим фактом, имеющим место в любой общественной формации. Это игнорирование основных особенностей социальной структуры капитализма проглядывает и в анализе нашим автором предложения капитала. Источником предложения капитала, по его мнению, является сбережение, т. е. отказ от потребления части своего дохода. Сбережение может иметь место и тогда, когда капитал, отданный в банк на хранение, не будет приносить процента. Но только до известного предела. Если спрос на капитал не может быть удовлетворен при помощи предложения, соответствующего нулевому проценту, то должен возникнуть процент, который создаст стимул для более усиленного сбережения. Рост процента вызывает уве-

²³ „Grundzüge der Volkswohlslehre“, S. 257.

²⁴ *Ibidem*.

личение накопления лишь до определенной границы—до установления таких размеров накопления, при которых обеспечение потребностей в будущем, когда нельзя будет зарабатывать своим трудом (например во время старости), сможет быть покрыто процентом на этот капитал. Как велик должен быть капитал, подлежащий накоплению, зависит от числа лет, которые нужно обеспечить, т. е. от продолжительности жизни и от процентной ставки²⁵. Аммон в данном вопросе является верным учеником Касселя, который выдвинул известное положение о зависимости между средним уровнем процента и средней продолжительностью человеческой жизни²⁶. Очевидно, что такой потребительский подход к анализу проблемы накопления у Аммона вытекает из того, что он на передний план выдвигает не настоящего, стопроцентного капиталиста, для которого накопление превращается в самоцель, в важнейший стимул и двигатель его деятельности, а мелкого ремесленника, квалифицированного рабочего и служащего, выбивающегося в люди, стремящегося обеспечить себе спокойную старость. Руководящая фигура крупного капиталиста ускользает от взора Аммона. Последний строит свою теорию процента на фоне отсутствия командования капиталом в процессе производства, на фоне господства чисто потребительской психологии, на фоне заинтересованности в увеличении продукта, а не в увеличении прибыли.

Таким образом тщательное рассмотрение теории распределения Аммона убедило нас в том, что в последней нет ни грана понимания социальной и классовой природы отдельных категорий распределения. В связи с этим невольно встает вопрос—в чем же проявляется влияние той социальной точки зрения, которая изложена в другой работе Аммона „Objekt und Grundbegriffe der theoretischen Nationalökonomie“. В последней работе Аммон считает нужным дать особый анализ капиталистических категорий или, по его терминологии, индивидуалистических капиталистических отношений. Для того, чтобы последние имели место, необходимо, кроме четырех условий, достаточных для возникновения индивидуалистических отношений обмена (см. ниже), еще добавочное, пятое условие, а именно: наличие неравенства индивидуальной власти распоряжения в социальном обмене, наличие социального господства (Uebermacht) одного индивида по отношению к другим²⁷. Аммон совершенно правильно подчеркивает, что капитал имеет определенную социальную природу, что он предполагает совершенно определенные социальные отношения. Любопытно, что в первом издании своих „Objekt und Grundbegriffe“ Аммон усматривает социальное определение капитала. Между тем когда Аммон непосредственно приступает к объяснению категорий капиталистического общества, он совершенно забывает об этих специфических особенностях капиталистической структуры. Каким же образом он ухитрился примирить свою социальную точку зрения с явно натуралистической экономической теорией? В чем своеобразие социальной концепции Аммона?

III. Социальная концепция Аммона

Для того, чтобы определить социальную концепцию Аммона, необходимо прежде всего выяснить его отношение к индивидуализму.

²⁵ „Grundzüge der Volkswohlstandslehre“, S. 259.

²⁶ „Theoretische Sozialökonomie“, 1918, S. 206—207.

²⁷ „Objekt und Grundbegriffe der theoretischen Nationalökonomie“, S. 355.

Сущность экономического индивидуализма заключается не в том, что экономист исключительно ограничивается анализом индивидуального хозяйства, отказывается от познания социальных категорий в товарном хозяйстве или отрицает существование таковых, а в том, что конечное основание этих категорий экономист ищет в сфере индивидуального хозяйства и все социальные категории выводит из индивидуальных, субъективных оценок (как потребителя, так и производителя). Наиболее последовательную форму индивидуализма дала австрийская школа, которая в своем анализе исходит из рассмотрения изолированного потребительского хозяйства натурального типа. Но нужно заметить, что даже австрийская школа не смогла удержаться на позициях последовательного индивидуализма. Последний неизбежно приводит к отрицанию товарного хозяйства как длительно существующей системы определенных производственных отношений. Последовательный индивидуализм может давать известную видимость объяснения лишь в условиях возникновения обмена, когда натуральные хозяйства лишь начинают вступать в случайный и эпизодический обмен некоторыми своими излишками. Но последовательный индивидуализм перестает что-либо объяснять там, где обмен становится систематическим, где обмен изменяет внутреннюю структуру индивидуального хозяйства. Этот индивидуализм, если довести его до логического конца, означает отрицание влияния рыночных факторов, зависимости индивидуальных хозяйств от состояния цен, зарплаты, прибыли и т. д., отрицание тенденции к взаимоприспособлению отдельных индивидуальных хозяйств, к установлению рыночного равновесия. Экономический индивидуализм обычно существует в своей непоследовательной форме. Он выражается в том, что исходным пунктом экономического анализа являются индивидуальное потребление и производство. Общественный спрос объясняется на основе анализа основных принципов построения плана в индивидуальном потребительском хозяйстве. Как индивидуальный хозяин распределяет свои доходы на покупку отдельных товаров, как он расценивает последние,— вот вопросы, которые стоят в центре внимания индивидуалистов, когда они анализируют теорию ценности. При построении теории издержек производства и связанной с последней теории распределения, индивидуалиста прежде всего интересует, какими принципами руководствуется предприниматель при определении необходимых закупок отдельных факторов производства, в какой пропорции должны быть куплены последние. Социальные категории, в освещении индивидуализма, выступают как результаты индивидуальных категорий, хотя последние находятся в известной зависимости от установившейся системы ценностных категорий.

Экономический индивидуализм является односторонним идеологическим отображением одной из особенностей товарного хозяйства, выражающейся в том, что последнее распадается на ряд экономических атомов, на ряд автономных, юридически самостоятельных и независимых индивидуальных хозяйств. Самостоятельность, разобщенность отдельных товаровладельцев— вот факт, который в своей односторонности, оторванный от других особенностей товарного хозяйства, нашел себе отражение в системе индивидуализма. По существу, в основе индивидуалистической концепции лежит идея примата обмена, т. е. признание того, что все социальные категории— как ценность, прибыль, рента и т. д.— рождаются и возникают лишь в акте обмена. Процесс производства в индивидуалистическом представлении выступает как чисто технический процесс, в котором нет ни атома социальных

элементов. Единственной сферой, в которой осуществляются социальные отношения, объявляется обмен. Наряду с признанием примата обмена для индивидуализма характерно непонимание связи формы и содержания. Экономический индивидуализм не отрицает социального характера формы экономических явлений. И субъективисты за редкими исключениями признают, что меновая ценность возможна лишь в определенном обществе, что она немыслима вне взаимодействия участвующих в обмене субъектов, что она выражает известную зависимость отдельных членов товарного общества. Своеобразие индивидуализма состоит в отрицании социального характера содержания категорий теоретической экономики. Меновая ценность является социальной категорией, утверждают австрийцы, но она обуславливается индивидуальными, субъективными потребительскими оценками. То противоречие, которые мы выше отметили в системе Аммона, присуще не только Аммону. Это противоречие свойственно всей субъективной школе, и у Аммона оно нашло лишь наиболее яркое выражение, поскольку он дал социологическое обоснование учения субъективной школы. Это противоречие заключается в резком отрыве формы от содержания экономических категорий, в резком противопоставлении социальной форме индивидуалистического, натуралистического и субъективного содержания.

В связи с этим экономический индивидуализм дает определенную характеристику социальным отношениям. Социальными отношениями, с точки зрения индивидуализма, являются те отношения, которые непосредственно устанавливаются в обмене, которые выражают непосредственный контакт отдельных товарладельцев, которые получают определенное организационное оформление и соответствуют общим правовым нормам, господствующим в данном обществе. Наиболее классическую формулу индивидуалистического понимания социальных отношений дал Штаммлер, который утверждает, что „изучение совместной жизни людей становится социальным лишь в том случае, если эту жизнь рассматривать, как внешним образом урегулированную“²⁸ и что „объект социальной науки—это урегулированная совместная деятельность людей, направленная к удовлетворению потребности“²⁹. Иными словами, Штаммлер видит сущность социальных отношений в том, что эти отношения внешне регулированы, что они предполагают подчинение людей определенным внешним нормам (освященным законом или обычаем). Эти внешние нормы в своей совокупности характеризуют данную социальную организацию. От Штаммлера ускользает другая сторона социальных отношений, выражающаяся в том, что люди всегда составляют производственный коллектив, что их связывает разделение труда, что они друг друга обслуживают, что их производство обусловлено данным состоянием общественной техники. Эта производственная зависимость непосредственно не выступает на поверхности явлений, она получает лишь косвенное выражение в процессе обмена, она не получает непосредственного оформления в товарном обществе и не предусматривается данными правовыми нормами. Как видим, для Штаммлера в определении социальных отношений наиболее существенным является момент формы этих отношений, их внешнего выражения, их соответствия определенным нормам данной социальной организации, а не их внутреннее содержание, не материально-трудовая зависимость.

²⁸ „Хозяйство и право“, т. I, с. 123.

²⁹ *Ibid.*, с. 142.

отдельных членов общества, не скрытая связанность и взаимозависимость последних, обусловленная разделением труда, имущественными отношениями (напр. взаимозависимость рабочих и капиталистов) и т. д. Для данного понимания социальных отношений весьма характерно следующее утверждение одного из виднейших сподвижников Штаммлера—Штольцмана. Последний утверждает, что ряд социальных категорий, фигурирующих в системе Маркса, не являются общественными категориями, а представляют лишь *mixtum compositum*. К числу таких категорий он относит общественно-необходимый труд, который, по его мнению, не включает в себе никаких специфических социальных моментов, не выражает определенного типа общественного регулирования. Оттого, что мы рассматриваем производство в масштабе целого общества, это производство не превращает в общественное, т. е. в общественно-регулируемое³⁰. Очевидно, что социальное регулирование понимается Штольцманом слишком узко. Он усматривает элементы регулирования лишь в зависимости отдельных производителей от общих норм, лежащих в основе данной общественной организации. Он забывает о том, что отдельные производители зависят от общего состояния производительных сил в данном обществе, от распределения предприятий различной технической мощи в данной сфере производства, от распределения отдельных факторов производства (земли и средств производства) между отдельными классами. С установлением товарного общества производственная зависимость не устраняется, а лишь модифицируется. Эта производственная зависимость частично выражается во влиянии общественного состояния производительных сил средних, типичных для данного общества, репрезентативных условий производства, т. е. общественно-необходимого труда.

Дуализм формы и содержания экономических категорий характеризует всю субъективную школу, но с особой яркостью этот дуализм проявляется в учении Аммона. Последний фактически разрывает всю экономическую теорию на две самостоятельные дисциплины—на теоретическую экономию и науку о народном хозяйстве. „Objekt und Grundbegriffe“ посвящены анализу объекта первой дисциплины. „Grundzüge der Volkwohlfstandslehre“ дают содержание второй дисциплины. Наука о народном хозяйстве является частью другой дисциплины (Volkwohlfstandslehre). Аммон различает три понятия—благополучие (Wohlfart), т. е. известный уровень удовлетворения потребностей, благосостояние (Wohlstand) т. е. возможность распоряжения благами для удовлетворения наших потребностей, и хозяйство, т. е. деятельность, направленную к осуществлению известного благосостояния³¹. Наука о народном хозяйстве состоит из двух дисциплин—науки о народном хозяйстве и экономической политики³². Последняя изучает систему мероприятий, которые должны повысить народное благосостояние, повысить снабжение продуктами отдельных членов данного общества. Наука о народном хозяйстве изучает совокупность тех причин, от которых зависит это благосостояние или, по терминологии Аммона, процесс достижения благосостояния (Wohlstandsgewinnungsprozess). Наука о народном хозяйстве представляет собой чистую науку о народном благосостоянии, а экономическая политика—прикладную

³⁰ „Der Zweck in der Volkswirtschaft“, S. 539—540.

³¹ „Grundzüge der Volkwohlfstandslehre“, S. 15—16.

³² *Ibid.*, S. 27.

науку того же типа. Наряду с наукой о народном хозяйстве и экономической политикой существует третья экономическая дисциплина—теоретическая экономия. Наряду с вопросами, которые изучаются в науке о народном хозяйстве, имеется, по Аммону, другой круг вопросов, которые должны встать с развитием последней науки, но которые не находятся в необходимой, логической зависимости с проблемами последней. „Это—те вопросы, которые возникают лишь при определенной форме организации менового хозяйства, явления обмена, цены, зарплаты, процента и т. д. Это—чисто теоретическая наука без всякого отношения к преследованию определенной цели... Ее обозначают обычно как теоретическую политическую экономию“³³. Аммон считает ошибочным определять эту науку, как науку о меновом хозяйстве, ибо те явления, которые изучаются в теоретической экономии (т. е. проблемы, связанные с ценой), хотя преимущественно связаны с хозяйственными фактами, но не находятся в обязательной логической зависимости от них, поскольку цену могут иметь всякие нематериальные услуги, не входящие в круг хозяйства. По существу, наука о народном хозяйстве Аммоном рассматривается не как абстрактная наука, изучающая общие закономерности определенной экономической структуры, а как конкретная наука, изучающая весь сложный и многообразный процесс хозяйствования во всех общественных формациях. Аммон определяет науку о народном хозяйстве как историческую науку, т. е. как науку идеографическую, а не номографическую науку. Эта наука „должна представить всю конкретную, многостороннюю техническую, социальную, культурную, нравственную, религиозную и т. п. обусловленность народнохозяйственного состояния, потому что, естественно, на основе очень общих абстрактных зависимостей невозможно целесообразное воздействие на конкретные события“³⁴. Таким образом Аммон приходит фактически к отрицанию возможности применения абстрактного метода в науке о народном хозяйстве.

Если от этих общих методологических высказываний Аммона обратиться к тому, как он непосредственно строит свою науку о народном хозяйстве (т. е. к его „Grundzüge der Volkswohlstandslehre“), то увидим, что при изложении последней он затрагивает все проблемы теоретической экономии (теорию ценности, денег, кредита, распределения, кризисов и методологию). Когда Аммон непосредственно подошел к анализу народного благосостояния, он неизбежно должен был свернуть на путь теоретической экономии. В этом нет ничего удивительного. Из истории экономической мысли мы знаем, что исследования происхождения и причин богатства народов (или народного благосостояния) привели к созданию теоретической экономии. Аммону, конечно, не было никакой необходимости проделать этот окольный и длинный путь, который проделали экономисты XVII и XVIII веков. Он с места в карьер заполнил свое исследование о науке о народном хозяйстве теми выводами в области теоретической экономии, к которым пришла субъективная школа. Дело в том, что объяснение причин, определяющих народное благосостояние, при капиталистическом способе производства, может быть дано лишь на основе анализа общих закономерностей последнего, лишь на основе определенной теоретико-экономической системы. Необходимо для этого изучить весь механизм регулирования производства, приспособления производства к обще-

³³ „Grundzüge der Volkswohlstandslehre“ . S. 33.

³⁴ „Objekt und Grundbegriffe der theoretischen Nationalökonomie“, S. 390.

ственным потребностям, ценообразования и распределения общественного дохода. В самом деле, как можно познать условия, определяющие народное благосостояние в капиталистическом обществе, если отвлечься от столь кардинальной проблемы, как проблема распределения, от законов движения зарплаты, прибыли, ренты и т. д.? Как можно определить закономерности народного благосостояния при игнорировании законов ценности? Очевидно, что проблему народного благосостояния нельзя совершенно решить, если отвлечься от влияния капиталистического цикла, конъюнктурных колебаний, кризисов и т. д. Фактическое различие между теоретической экономией и наукой о народном хозяйстве, если судить по работам Аммона, сводится к тому, что теоретическая экономия, по Аммону, изучает лишь, какие социальные предпосылки вызывают определенные, а именно—меновые взаимоотношения между людьми, независимо от содержания этих категорий и причин, обуславливающих изменение, движение последних. Поэтому в теоретической экономии Аммон так беззаботно разрывает логическую связь объекта этой дисциплины с хозяйством. Поэтому в своей „Objekt und Grundbegriffe“ Аммон ставит лишь вопрос—каковы основные категории теоретической экономии, но не делает ни малейших попыток объяснения причин и факторов, регулирующих эти категории. Эту задачу он пытается разрешить лишь в своей науке о народном хозяйстве, где он вплотную подходит к хозяйственному процессу как основному содержанию общественной жизни. Здесь же он пытается объяснить, чем определяется ценность, цена, зарплата, прибыль, рента и т. д. Благодаря тому, что Аммон не только резко противопоставляет социальную форму натуралистическому содержанию, но отрывает совершенно анализ формы от анализа содержания, относя этот анализ к разным экономическим дисциплинам, его наука о народном хозяйстве, т. е. фактическое объяснение всех категорий теоретической экономии, выдержана в индивидуалистическом натуралистическом духе, ничем не отличаясь от исследования любого представителя субъективной школы. Отсюда получается впечатление глубочайшего расхождения между теоретическими выводами нашего автора в его „Objekt und Grundbegriffe“ и во всех его позднейших работах (главным образом „Ricardo als der Begründer der theoretischen Nationalökonomie“ и „Grundzüge der Volkswohlstandslehre“).

Одни и те же категории в этих произведениях часто рассматриваются в разном аспекте и получают различное определение. Возьмем напр. категорию капитала. В своем „Objekt und Grundbegriffe“ Аммон подвергает резкой и вполне справедливой критике положение, что капитал представляет собой средства производства. Это определение, по его мнению, совершенно неудачно, потому что оно выражает не социальный, а чисто технический факт и абстрагировано от социальных отношений людей друг к другу. Капитал, по Аммону, имеет определенный социальный смысл. Он представляет „накопленную, концентрированную, абстрактную, индивидуальную власть распоряжения в социальном обмене“³⁵. Материальное содержание капитала, по мнению нашего автора, безразлично и не представляет никакого интереса для теории. С точки зрения последней совершенно безразлично, подвижны ли эти вещи, ограничены ли они природой или свободно воспроизводимы. Нет никакого различия между подвижными.

³⁵ „Objekt und Grundbegriffe der theoretischen Nationalökonomie“, S. 368.

произведенными вещными благами (Sachgütern) и землей ³⁶. В „Grundzüge der Volkswohlstandslehre“ Аммон дает совершенно другое определение капитала. „Под капиталом,—пишет он,—мы обозначаем все средства производства, которые не суть земля и труд. Мы отличаем их от земли и труда потому, что кроме свойства быть средствами производства (Produktionsmitteleigenschaft), они имеют свойство быть произведенными (Produkteigenschaft), являются произведенными средствами производства“ ³⁷. Здесь мы видим, Аммон полностью подписывается под тем определением капитала, которое он подверг критике в другом своем произведении. Если в „Objekt und Grundbegriffe“ земля может входить в состав капитала, то согласно „Grundzüge der Volkswohlstandslehre“ земля исключается из состава капитала. В первом произведении капитал выступает как историческая категория, во втором— как логическая категория. Здесь, очевидно имеется противоречие. Нам представляется, что это противоречие может быть объяснено следующим образом. В своем „Objekt und Grundbegriffe“ Аммон занимается анализом социальной обусловленности формы меновых отношений (или, по его терминологии, индивидуалистических отношений обмена), в частности—капиталистических меновых отношений. Поэтому он подчеркивает социальную природу капитала, исторические границы последнего. С другой стороны, фиктивный капитал (или капитализированный доход, например земля) выступает на поверхности явлений в той же форме, как реальный капитал, связанный с производством. В том и другом случае капитал выступает как известное притязание на определенную часть общественной прибыли. Поэтому, рассматривая форму капиталистических отношений, Аммон считает нужным игнорировать различие между произведенными и естественными средствами производства. Между тем в своих „Grundzüge“ Аммон пытается определить доли участия отдельных классов в получении дохода, пытается определить законы, регулирующие уровень тех или иных доходов. Здесь он столкнулся с тем фактом, что хотя рента выступает в той же капиталистической форме, как и прибыль, но она обнаруживает другие закономерности в своем движении и изменении. Поскольку Аммон распределение общественного дохода пытается вывести из доли участия отдельных факторов производства в образовании потребительной ценности, постольку он обнаруживает тенденцию рассматривать капитал исключительно как мертвый фактор производства, как произведенные средства производства. Социальный характер капитала в первом произведении нашего автора вытекает из признания социальной обусловленности формы капиталистических меновых отношений. Натуралистический характер капитала во втором его произведении вытекает из натуралистического объяснения распределения вообще и уровня процента в частности.

Выше мы установили, что социальная концепция Аммона, в основном, сходится с той концепцией которая выражена в работах субъективной школы. Из этой индивидуалистической концепции вытекают три основные особенности методологии Аммона—отрыв постановки проблемы (Problemstellung) от объяснения проблемы (Problemerkklärung), крайний формализм и признание отсутствия логической зависимости между предметом политической экономии и хозяйством. Огрыв постановки проблемы от объяснения проблемы есть несколько иная

³⁶ „Objekt und Grundbegriffe der theoretischen Nationalökonomie“, S. 368.

³⁷ „Grundzüge der Volkswohlstandslehre“, S. 97.

формулировка исходного принципа индивидуализма. Индивидуалисты вовсе не отрицают, что конечной задачей теоретической экономики является объяснение меновой ценности, а не потребительной. Очевидно, что учение о субъективной ценности, которое так подробно развивают австрийцы, в системе последних играет чисто служебную роль — оно является основанием меновой ценности. Своеобразие учения австрийцев (как и вообще субъективистов) состоит в том, что социальную категорию меновой ценности они пытаются вывести из индивидуалистических субъективных оценок (австрийцы — только из потребительских оценок, англо-американцы — также из оценок производителя). Противопоставление постановки проблемы и объяснения проблемы у Аммона есть иная формулировка различия между социальной природой экономических категорий и индивидуалистическим способом их объяснения. Аммон очень настойчиво (и совершенно верно) подчеркивает, что в качестве основного понятия теоретической экономики нужно брать меновую ценность, а не потребительную ценность; что последняя является не социальной, а индивидуально-психологической категорией. Но отсюда не следует, что Аммон отрицает громадную познавательную ценность потребительной ценности. Он указывает лишь, что „нужно различать между ценностью, которая дана для теоретико-экономического рассмотрения как социальный феномен, нуждающийся в объяснении, или ценностью как теоретико-экономической проблемой, и ценностью, к которой анализ приводит в последнем счете, которая служит для объяснения теоретико-экономической проблемы ценности, или между объективно данным независимо от отдельного индивида социальным явлением ценности и субъективной, индивидуальной, психологической оценкой“³⁸. Уже из этого сопоставления ценности, которая в конечном счете служит для объяснения социального феномена ценности и индивидуальных субъективных оценок, видно что наш автор приписывает очень важное значение последним, что он является сторонником субъективной теории ценности.

Правда, в своем произведении „Objekt und Grundbegriffe“ Аммон преимущественно занимается анализом постановки проблемы, не входит в детальное рассмотрение факторов, определяющих ценность и другие категории, и поэтому его субъективизм выражен в этом произведении недостаточно ярко. Но есть целый ряд мест, которые можно истолковать в пользу признания субъективизма. Весьма характерно следующее обстоятельство: когда Аммон выдвигает положение, что мы не находим в теоретико-экономической проблеме цены ничего от субъективной ценности, что цена в теоретико-экономическом смысле есть совершенно объективная категория и не содержит логически ничего субъективного, он считает нужным сделать следующую страшную оговорку: „значение субъективной ценности для генетического объяснения проблемы не терпит, конечно, никакого урона“³⁹. И дальше Аммон прямо пишет: „Понятие субъективной ценности можно обозначить как основное понятие в смысле последнего элементарного (т. е. не сводимого к другому—*И. В.*) принципа объяснения, к которому приводит рассмотрение проблемы“⁴⁰. Здесь Аммон говорит лишь о возможности апеллирования к субъективным оценкам в качестве конечного основания ценности. В данном месте Аммон дает совершенно

³⁸ „Objekt und Grundbegriffe der theoretischen Nationalökonomie“, S. 299.

³⁹ *Ibid.*, S. 308.

⁴⁰ *Ibid.*, S. 309.

откровенную формулировку субъективного объяснения ценности, с которым согласится самый заядлый сторонник австрийской школы: „Непосредственным объектом теоретической экономии является не потребительная, а меновая ценность; но если сделать генетический анализ, если генетически свести то, что находит свое выражение в цене, к простейшим реальным элементам, т. е. если дать каузальное объяснение, то мы натолкнемся на факты субъективного характера, на первичную субъективную оценку, которая находит свое выражение в субъективной ценности. В этом смысле цену или объективную меновую ценность можно обозначить как объективацию („результанту“) соответствующих субъективных оценок“⁴¹.

Индивидуалистическая концепция Аммона тесно связана с его крайним формализмом. Экономические категории, по мнению Аммона, исключительно определяются наиболее общей формой общественных отношений. Категории теоретической экономии, с точки зрения Аммона, остаются неизменными всюду, где существует свободный, неурегулированный обмен. В этом вопросе Аммон идет по пути субъективистов, которые пытаются установить универсальную формулу цены, которая охватывала бы все возможные случаи обмена как редких, так и свободно воспроизводимых товаров, как излишков натурального хозяйства, так и фабрично-заводской продукции, специально изготовленной для рынка. Конечно, всюду где происходит обмен, мы имеем некоторые общие проявления, а именно мы всюду имеем приравнивание товаров, наличие относительной и эквивалентной формы ценности, меновой пропорции, действие механизма спроса-предложения. Эти общие формы проявления не зависят от исторических условий, в которых живут обменивающиеся субъекты, будут ли это первобытные дикари, сбывающие некоторые излишки, или современные крупные капиталисты, тресты, концерны и т. д. Эти общие проявления обмена не зависят также от характера обмениваемых объектов, будут ли это свободно воспроизводимые товары или такие объекты, как земля, или всякие редкости, как древние статуи, картины Рафаэля, или даже такие товары, как совесть, честь. Экономическое учение субъективистов характеризует то, что они пытаются дать единую формулу, которая охватила бы все возможные случаи обмена. Поэтому они упрекают Маркса в том, что он ограничивается рассмотрением одной группы товаров, а именно свободно воспроизводимых. Поэтому они во главу угла выдвигают закон спроса-предложения, который действует для всякого менового процесса (если нет принудительного регулирования). Поэтому они исходят из простейшего случая обмена, когда существуют фиксированные запасы отдельных товаров, когда отсутствует производство. Аммон развивает эту тенденцию до конца, когда он универсалистские формулы субъективистов распространяет не только на материальные объекты, но и на всякого рода нематериальные услуги, в чем бы последние ни выражались, хотя бы в форме использования избирательного голоса.

В связи с выяснением этой особенности методологии Аммона, мы сталкиваемся со следующим вопросом: как представляет он себе простое товарное и капиталистическое общество? У Аммона мы встречаем очень важный методологический принцип, что при исследовании категорий теоретической экономии нужно предварительно рассматривать простое товарное общество, а лишь затем—капиталистическое

⁴¹ „Objekt und Grunbegriffe der theoretischen Nationalökonomie“, S. 338, 339.

общество. Простое товарное общество, по Аммону, характеризуется наличием четырех моментов: а) признанием исключительной власти индивида распоряжаться внешними объектами, б) признанием свободного обмена этой распорядительной власти индивидов, в) признанием свободы определения количественных пропорций обмениваемых объектов (отсутствием принудительного регулирования) и г) признанием всеобщего социального мерила ценности⁴². Для анализа капиталистических меновых отношений этих четырех предпосылок, по мнению нашего автора, недостаточно. К этим предпосылкам нужно добавить пятую предпосылку, а именно: „предположение неравенства индивидуальной власти распоряжения в социальном обмене, а также социального господства (Uebergmacht) одного индивида по отношению к другим⁴³. При этих пяти условиях возникают особые отношения—капиталистически-индивидуалистические отношения обмена. В связи с усложнением экономической структуры возникает новая категория—капитал. В данном вопросе Аммон выражает очень ценную и правильную мысль, что абстрактный метод восхождения от простых к более сложным категориям есть вместе с тем метод восхождения от простых к более сложным экономическим структурам (конечно, в рамках товарного хозяйства). Далее, у Аммона в данном вопросе имеется и другая правильная мысль, что „капиталистический общественный строй не обозначает нечто совершенно новое и иное, существенно отличное от индивидуалистического строя обмена, но особую модификацию последнего⁴⁴. Отсюда он делает тот вывод, что основные понятия капиталистического общества представляют собой модификации основных понятий индивидуалистического строя общения. В этом вопросе наш автор проявил большую глубину анализа. Но необходимо тут отметить, что он вкладывает в понятия индивидуалистического и капиталистического строя не то содержание, которое Маркс вкладывал в понятия простого товарного и капиталистического общества. Маркс, анализируя производственные отношения общества простых товаропроизводителей (в „Критике политической экономии“ и в первых трех главах I тома „Капитала“), исходит в своем анализе из развитого товарного производства, в котором, правда отсутствует капиталистические отношения, но в котором обмен превращается в систематическое явление, и становится основной формой общественной связи, в котором существуют деньги и нормально функционирует рыночный механизм. Между тем индивидуалистический строй общения Аммона не обязательно предполагает развитое товарное общество. Индивидуалистическим строем, с точки зрения нашего автора, является всякий строй, допускающий возможность любого обмена, хотя бы случайного, хотя бы обмена излишками. К индивидуалистическому строю в понимании Аммона можно с полным правом отнести феодальное общество, которое не исключает возможности существования обмена, торговли и т. д. Индивидуалистический строй может охватывать еще более примитивные общественные формации, ибо обмен вообще возник в глубокой древности и в той или иной форме имеет место у очень отсталых народов. Весьма характерно для Аммона, что институт частной собственности он не считает обязательным условием индивидуалистического строя общества. Наш автор считает достаточным лишь обще-

⁴² „Objekt und Grundbegriffe der theoretischen Nationalökonomie“, S. 194.

⁴³ Ibid., S. 356.

⁴⁴ Ibid., S. 356.

ственное санкционирование обмена (в форме закона или обычного права). Он отрицает необходимость существования тех общих правовых норм, которые господствуют во всех странах с развитым обменом и которые характерны для капитализма, в частности он отрицает обязательность института частной собственности ⁴⁵. Роль последнего он подчеркивает лишь тогда, когда переходит к рассмотрению социальных предпосылок индивидуалистических капиталистических отношений обмена.

Аммон указывает, что необходимыми предпосылками капиталистического строя являются: наличие длительно функционирующих (dauerbar) вещных объектов, которые можно накапливать, и санкционирование обществом социального господства отдельных индивидов по отношению друг к другу через особый институт. Последний состоит в признании частной собственности на длительно существующие вещные объекты обмена ⁴⁶. В связи с такой характеристикой индивидуалистического строя общения вполне понятно, что Аммон товар и деньги считает категориями не простого товарного, а капиталистического общества. Основными понятиями индивидуалистического строя наш автор считает следующие: субъект индивидуалистического отношения обмена, объект этого отношения, цену и социальное мерило цены ⁴⁷. Основными категориями капиталистического строя он считает: капитал, предприятие, товар (вместо объекта индивидуалистических отношений обмена), процент (вместо цены) и деньги (вместо социального мерила цены) ⁴⁸. Индивидуалистический строй обмена Аммона знает только одну функцию денег—социального мерила ценности, которая не срастается еще с материальным телом определенного товара. Этот строй возможен всюду, где начинает выступать всеобщий эквивалент, хотя бы роль последнего выполняли самые различные товары. Деньги во всем многообразии своих функций, деньги как особый всеобщий товар, противостоящий всему остальному товарному миру, в представлении Аммона выступают как чисто капиталистическая категория. Таким образом, индивидуалистический строй обмена Аммона есть строй, допускающий возможность любого обмена, независимо от характера последнего.

Как изображает наш автор капиталистический строй? Необходимой предпосылкой последнего он считает лишь неравенство в распределении индивидуальной власти распоряжения объектами обмена. Здесь сразу бросается в глаза, что Аммон ничего не говорит о классовой структуре капиталистического общества, об обязательном отделении производителей от средств производства, о монополизации последних. Правда, наш автор говорит о том, что положение рабочих в обмене обычно менее благоприятно, чем положение предпринимателей: рабочий может воздержаться лишь от продажи рабочей силы, между тем капиталист может лишить рабочих всех товаров. Рабочие вынуждены продавать свою рабочую силу на условиях, которые зависят от воли предпринимателя. „Здесь лежит сущность социальных отношений труда и капитала, зависимость рабочих от предпринимателей“ ⁴⁹. Но эти замечания даны лишь вскользь. Развернутого анализа классовой структуры капитализма Аммон не

⁴⁵ „Objekt und Grundbegriffe der theoretischen Nationalökonomie“, S. 357.

⁴⁶ Ibid., S. 356.

⁴⁷ Ibid., S. 216.

⁴⁸ Ibid., S. 357.

⁴⁹ Ibid., S. 375—376.

дает. И это вполне понятно. Существование наемного труда, эксплуатацию рабочего класса, капиталистическую организацию производственного процесса Аммон не считает обязательным условием капиталистического строя. Он считает достаточным для капитализма наличие неравенства в распределении материальных объектов и наличие процента. Последний, как известно, существовал задолго до образования капиталистического способа производства в форме ростовщического процента. Ростовщик не эксплуатировал непосредственно рабочих. Он, пользуясь затруднительным положением своих должников, обедневших феодалов или мелких производителей, присваивал в форме процента часть их дохода. Подобно тому, как при рассмотрении менового процесса Аммон во главу угла выдвигает те общие формы проявления обмена, которые имеют место при любом меновом отношении, хотя бы самом примитивном, так и при характеристике капиталистических отношений он на передний план выставляет самые общие формы проявления капиталистических отношений, а именно—самовозрастание ценности, превращение меньшей суммы денег в большую, независимо от причин, которыми обуславливается последнее. В связи с этим у него получается значительное расширение границ капитализма, последний начинает охватывать все формации, где только возможен процент, т. е., очевидно, и феодальное общество, рабовладельческое, крепостное и т. д. Как видим, Аммон значительно упрощает изображение и простого товарного и капиталистического общества. Это объясняется тем, что Аммон поэтому все свое внимание сосредоточил исключительно на выяснении условий, при которых возможно образование цены (точнее, меновой пропорции), в их наиболее общем виде с одной стороны, и процента, с другой стороны.

Из общей концепции Аммона вытекает то обстоятельство, что он отрицает логическую зависимость между объектом теоретической экономики и производством. В полном согласии со всей буржуазной политической экономией он производство рассматривает как чисто техническую категорию, в которой нет ни атома социальных элементов. „Категория производства, как таковая, в общем значении есть техническая, возможно технико-хозяйственная, но никоим образом не теоретико-экономическая категория; производственный феномен, как таковой, не играет никакой роли в теоретико-экономических проблемах“⁵⁰. Труд представляет интерес с точки зрения теоретико-экономического рассмотрения тогда и постольку, поскольку он является объектом индивидуалистических отношений обмена (речь идет о случаях купли-продажи труда или, вернее, рабочей силы—И. Б.)“⁵¹. Исходя из такого натуралистического или технического понимания труда, Аммон критикует известное положение Маркса о том, что в основе эквивалентности товаров лежит равенство труда, затраченного на их производство. „Между ценностной суммой и количеством труда нет логически никакого отношения. Обе суть вещи совершенно различного рода, ценностная сумма есть специфически социальная, а количество труда есть чисто техническая категория и нет никакого средства сравнивать друг с другом ценностную сумму и количество труда“⁵². Мы не будем останавливаться на критике этого положения, которое логически вытекает из всей установки Аммона. Для него

⁵⁰ „Objekt und Grundbegriffe der theoretischen Nationalökonomie“, S. 258.

⁵¹ Ibid., S. 346.

⁵² Ibid., S. 318.

производственный процесс есть чисто технический процесс. Он игнорирует социальную взаимозависимость, существующую в самом процессе производства. Аммон видит только ту взаимозависимость, которая непосредственно выступает в своем оформленном виде в акте обмена.

Точно так же из общей установки Аммона вытекает, что производство он не рассматривает как обязательную предпосылку экономических категорий. Здесь мы сталкиваемся с учением, которое тесно связано с отмеченным выше формализмом Аммона. Аммон, как мы видели, пытается найти универсальную форму цены. Он пытается установить общий закон, которому подчиняется любой обмен, независимо от того, произведены ли данные товары или нет, воспроизводимы ли они или нет. Поэтому он начинает с анализа потребительского хозяйства и обмена в тех условиях, когда количество товаров является фиксированным. Поэтому он во главу угла выдвигает принцип редкости, поэтому учение о естественной редкости они дополняют учением о редкости труда. Поэтому, производство он рассматривает лишь как усложняющий фактор, модифицирующий первоначальную формулу обмена, поскольку вводится предпосылка о том, что запасы товаров являются переменной величиной. Следовательно, отрицая логическую зависимость между объектом теоретической экономии и производством, Аммон остается вполне последовательным той концепции, которую он защищает в своих работах. „Теоретическая экономия—пишет он—имеет одинаковое дело как с вещами, которые произведены, так и с вещами, которые не произведены“⁵³.

Но Аммон идет дальше. Он пытается доказать: а) что понятие хозяйства логически не связано с понятием производства и б) что экономические категории логически не связаны ни с производством, ни с хозяйством. В первом вопросе Аммон сходится с субъективистами, во втором расходится. „Понятие производства,—пишет он,—не имеет ничего общего с хозяйством. Для того, чтоб можно было говорить о хозяйстве, необходимо наличие другого момента. Необходимо производство рассматривать под углом зрения хозяйственного принципа“⁵⁴. Как известно, субъективисты понятие хозяйства понимают обычно шире, чем понятие производства. Они обычно начинают с рассмотрения потребительского хозяйства. Необходимыми условиями хозяйства субъективисты считают: а) наличие потребностей в каких-нибудь благах, б) наличие запасов последних в количестве, недостаточном для полного удовлетворения данных потребностей, и в) применение рационального принципа в использовании этих благ, в распределении их между отдельными потребностями, в образовании запасов и т. д.

Положение о том, что нет логической зависимости между объектом теоретической экономии и производством, хотя, несомненно, является ошибочным, но оно вполне понятно с точки зрения Аммона. Но здесь встает другой вопрос—почему Аммон разрывает логическую связь между индивидуалистическими отношениями обмена и хозяйством, которое он не отождествляет с производством? В этом последнем положении нашего автора можно различить две стороны. С одной стороны, он утверждает, что не всюду, где имеется хозяйство, должны существовать индивидуалистические отношения обмена. С другой стороны, он полагает, что последние не всегда предполагают существо-

⁵³ „Objekt und Grundbegriffe der theoretischen Nationalökonomie“, S. 240.

⁵⁴ Ibid., S. 235.

вание хозяйства в качестве своей основной предпосылки. Первое положение вполне понятно и не нуждается в особых критических замечаниях. Основную задачу своего труда „Objekt und Grundbegriffe“ Аммон видит в выяснении той социальной организации, которая лежит в основе индивидуалистических отношений обмена и делает возможным их существование. Поэтому он вполне справедливо утверждает, что не всюду, где имеется хозяйство, должны возникнуть отношения обмена. Иными словами, он рассматривает хозяйство и индивидуалистические отношения обмена как логическую и историческую категорию. Но здесь встает другой вопрос—каким образом наш автор мыслит себе отношения обмена вне существования хозяйства. Если хозяйство определять достаточно широко как всякую деятельность, связанную с удовлетворением наших потребностей, то как можно мыслить себе отношения обмена вне наличия определенных потребностей и определенной деятельности, связанной с удовлетворением последних? Не зашел ли Аммон в данном вопросе слишком далеко с точки зрения экономического субъективизма, индивидуализма и точки зрения примата потребления. Нет ли в этом вопросе принципиального различия между Аммоном и субъективистами?

По нашему мнению, разрешение этого вопроса нужно искать в том определении хозяйства, которое дает Аммон. Последний указывает, что понятие хозяйства является неопределенным понятием, допускающим самые различные толкования. „Можно сказать, пишет он, что имеется не одно, а много понятий „хозяйства“ и „хозяйственного“ которые имеют родственное, но не идентичное значение⁵⁵. Далее Аммон указывает, что то понятие хозяйства, которое обычно встречается в словоупотреблении, связано с индивидуальным хозяйством⁵⁶. В этой части аргументация Аммона, несомненно, является правильной и за ним должна быть признана заслуга в том отношении, что он лишней раз подчеркнул ненаучность и неопределенность понятия хозяйства. Последнее всегда имеет индивидуалистический оттенок. В связи с этим Маркс очень редко употребляет этот термин и говорит не о народном хозяйстве, а об общественном производстве, об экономической структуре.

Но центр тяжести аргументации Аммона заключается не в его указании на ненаучность понятия хозяйства. Аммон вкладывает определенное содержание в это понятие, и когда он говорит об отсутствии логической зависимости между объектом теоретической экономики и хозяйством, то последнее он понимает в строго определенном смысле. Под хозяйством он понимает не любую деятельность, подчиненную хозяйственному принципу и направленную на удовлетворение наших потребностей, а деятельность, связанную с удовлетворением наших потребностей в материальных благах. В связи с этим хозяйственная производственная деятельность (wirtschaftliche Produktionstätigkeit) понимается у него всегда в смысле материального производства (Sachgüterproduktion). Поэтому вопрос о наличии логической зависимости между объектом теоретической экономики и хозяйством он ставит так: „Являются ли те проблемы, которые мы обозначаем как основные проблемы теоретической экономики, только тогда и постольку объектом этой науки, поскольку они эмпирически проявляются в связи с производством материальных вещей и их обменом?“⁵⁷. На

⁵⁵ „Objekt und Grundbegriffe der theoretischen Nationalökonomie“, S. 87.

⁵⁶ Ibid, S. 87.

⁵⁷ Ibid, S. 175.

этот вопрос Аммон отвечает отрицательно. Сущность его взглядов по данному вопросу состоит в том, что обмен возможен не только в отношении материальных вещей, но и всяких нематериальных услуг, прав на вещи и т. д.; сводя производство только к материальному производству и хозяйство только к пользованию материальными благами, Аммон должен был логически прийти к тому выводу, что производство и хозяйство не могут рассматриваться даже как предпосылки индивидуалистических меновых отношений. „Нигде и никогда— пишет он—исключительно материальные вещи, вещи и только вещи не играли специфическую роль в обмене исключительно в силу своих материальных свойств. Нигде и никогда не совпадают в своей основной сущности (grundsätzlich) свойства быть объектом индивидуалистического отношения обмена и обладать материальными признаками“⁵⁸.

Таким образом оригинальность Аммона заключается в его ошибочном учении о том, что существует только материальное производство, соответ. материальное хозяйство. Аммон игнорирует, что производственные отношения, возникающие в сфере материального производства, накладывают свой отпечаток и на сферу нематериального производства. Конечно, между материальными товарами и нематериальными услугами существует ряд различий, которые обуславливают разные формы и разные пределы действия закона ценности. В сфере материального производства потребление отделено от производства, следует за последним. Поэтому товар может существовать в течение весьма длительного периода до тех пор, пока он не будет потреблен. Между тем в сфере услуг производство совпадает во времени с потреблением. Услуга перестает существовать, после того как она оказана. Поэтому процесс образования ценности совпадает здесь с процессом ее уничтожения. Кроме того, сфера нематериальных услуг, связанная с индивидуальным обслуживанием отдельных потребителей, представляет значительно больше трудностей для процессов механизации, стандартизации, вообще для свободного воспроизводства. Индивидуальные дарования и способности играют здесь более крупную роль, чем в области материального производства. Поэтому и капиталистические производственные отношения, которые воспроизводятся на основе закона ценности, находят здесь значительно более узкое поле для своего развития. Но при прочих равных условиях все категории теоретической экономии могут с равным правом быть применены как к сфере материального, так и к сфере нематериального производства.

Как мы видели, положительное учение Аммона (его теория ценности и распределения) почти полностью совпадает с учением субъективизма, преимущественно с учением математической школы (Вальраса, Касселя). Социальная концепция нашего автора также является концепцией экономомического индивидуализма. Учение Аммона можно рассматривать как социологический вариант субъективной школы, т. е. как попытку дать социологическое обоснование всех теоретических построений экономического субъективизма. В отличие от других представителей социального направления, Аммон полностью принимает все выводы субъективной теории ценности и натуралистической теории распределения. В этой области он не сказал ни одного оригинального слова. Вся его оригинальность заключается в том, что

он пытается подвести социологическую базу под теоретические построения субъективистов, что он пытается обобщить и систематизировать их социологические воззрения, их представления о природе социальных категорий. Поскольку Аммон ведет свое исследование в этой плоскости, постольку можно отметить ряд различий между Аммоном и другими субъективистами. Последние, даже наиболее непримиримые из них—австрийцы,—не отрицают, как мы выше указали, что конечной задачей теоретической экономии является познание таких категорий, как цена, зарплата, прибыль, рента и т. д., т. е. познание ценностных категорий. Анализ индивидуального хозяйства, анализ субъективных оценок играет у них лишь служебную роль. Но при этом некоторые из них (в особенности австрийцы) столь увлекаются этим предварительным анализом, что у них получается гетерогения цели. Центр тяжести экономического исследования переносится в сферу изучения субъективных оценок. Своеобразие Аммона заключается в том, что он обратил внимание на этот перегиб палки, на превращение средства в цель, что он настойчиво подчеркнул социальную природу объекта теоретической экономии.

Аммон не ограничился обоснованием и развитием того положения, что теоретическая экономия есть социальная наука. Он попытался вскрыть социальный смысл всех экономических категорий. Он превращает это положение (что теоретическая экономия есть социальная наука) в исходный методологический принцип. Правда, и субъективисты не отрицают, что такие категории, как меновая ценность, являются социальными категориями, что они возможны лишь в определенных общественных условиях. Но эта сторона дела нигде подробно не разработана субъективистами. Она рассматривается ими как самоочевидная вещь. Бем-Баверк в своей последней статье, написанной незадолго до смерти, называет эту истину банальной⁶⁹. Он пишет, что „конечно, Робинзон не может обмениваться с самим собой, но только один член общества с другим членом в том случае, если они оба в соответствии с правовым строем имеют собственность на обмениваемые блага“⁶⁰. Несколько выше он пишет: „Нет буквально никакой цены и никакого распределения без историко-правового содержания (Einschlag). В каждом цивилизованном обществе должен существовать какой-то правовой строй, который приходит в действие (in Anwendung tritt) там, где два члена общества устанавливают отношение друг к другу и который определяет форму и содержание этого соприкосновения (Berührung)“. На основании этого Бем-Баверк указывает, что характеристика Штольцманом теории предельной полезности, как крайне натуралистической, является ошибочной, что эта теория не является только дестиллятом натуралистических категорий, что она включает в себя признание влияния данного правового строя“⁶².

Аммон не только пытается вскрыть социальную природу экономических категорий, но он пытается также детально выяснить особенности той социальной структуры, которая лежит в основе этих категорий. Основная задача теоретической экономии, по Аммону, состоит в том, чтобы выяснить социальную обусловленность, т. е. сумму тех социальных

⁶⁰ Статья „Macht oder ökonomisches Gesetz“, „Zeitschrift für Volkswirtschaft. Sozialpolitik und Verwaltung“, В. XXIII, S. 223.

⁶¹ Ibidem.

⁶² Ibidem.

⁶³ Ibid., S. 224.

предпосылки, которые обуславливают возникновение данной категории. Отсюда получается чрезвычайно важный вывод, что категории, изучаемые в теоретической экономии, возможны не в любых условиях, а в строго определенной социальной обстановке. Так, напр., Аммон отмечает, что возможны две формы обмена—индивидуалистическая и социалистическая—и что теоретическую экономию интересует только первая форма⁶³. Нужно отметить, что Аммон подробнее, чем кто-либо из других представителей социального направления, выясняет природу индивидуалистического строя общения (по его терминологии) или товарного общества. Правда, австрийцы и другие представители субъективизма фактически оперируют с категориями товарного общества. Даже тогда, когда они отправляются в экскурсию в область Робинзона, они фактически рассматривают психологию последнего под углом зрения товарного общества. Но эта социально-историческая обстановка, в которой происходят все рыночные, меновые процессы, не вскрыта субъективистами. Существование товарного общества является лишь молчаливой, недостаточно осознанной предпосылкой их анализа. Аммон, в отличие от других субъективистов, превращает эту предпосылку из скрытой в явную и пытается сформулировать все социально-исторические предпосылки экономического анализа. Субъективисты обычно социальные условия представляют в негативной форме, как отрицание определенного положительного законодательства, например, вмешательства государства в экономическую жизнь, как признание независимости отдельных участников обмена. Аммон совершенно верно указывает, что „Социальные отношения, на которых они (проблемы теоретической экономии — И. Б.) основываются, произрастают на почве совершенно определенного (позитивного) социального строя общения или организации и специфические теоретико-экономические проблемы возникают лишь... при предположении... этой определенной социальной организации общения и вне последней совершенно немыслимы“⁶⁴. Далее наш автор добавляет, что в теоретической экономии речь идет не просто о свободе, а о свободе внутри определенных границ, внутри определенной социальной организации. Таким образом, он пытается подвести определенную социологическую базу под теоретическое построение субъективистов. Если последние стоят на точке зрения примата обмена, то Аммон дает детальную характеристику социальной природы обмена.

Своеобразие Аммона состоит в том, что он не только пытается дать анализ социальной структуры товарного общества, но и в том, что он ближе пытается определить сущность социальной формы экономических категорий товарного общества. В этом вопросе он пошел дальше других представителей социального направления и в некоторых пунктах у Аммона есть стык с теорией товарного фетишизма. Аммон совершенно правильно подчеркивает, что цену, процент и другие категории нельзя рассматривать как материальные свойства вещей. У Аммона можно встретить ряд мест, где он защищает ту мысль, что данная вещь получает определенный экономический смысл и становится значимой для теоретического анализа не в силу своих материальных свойств, а в силу того, что эта вещь вплетена в определенные социальные отношения. Он дальше указывает, что в принципе неверно превращать естественные свойства и отношения вещей в при-

⁶³ „Grundsätze der Volkswohlfahrt“, S. 143.

⁶⁴ „Objekt und Grundbegriffe der theoretischen Nationalökonomie“, S. 185.

знаки, определяющие социально-научное или теоретико-экономическое понятие⁶⁵. Рассматривая вопрос о капитале, Аммон критикует определение капитала как совокупности вещей, а именно средств производства, ибо это определение „выражает не социальное, а чисто техническое явление... и как чисто техническое явление оно абстрагировано от социальных отношений людей друг к другу“⁶⁷.

Аммон правильно подчеркивает одну сторону товарного фетишизма (хотя этот термин у него нигде не фигурирует), а именно, что категории теоретической экономии суть социальные категории, не обусловленные материальной природой вещей. Но у нашего автора совершенно не освещена другая сторона, имеющая центральное значение в учении о товарном фетишизме, а именно идея о том, что социальные отношения в товарном обществе должны получить вещественное выражение, должны быть выражены в виде отношения вещей. Роли вещей, роли овеществления общественных отношений в товарном хозяйстве Аммон совершенно не понял. Цену он понимает не как количество определенных вещей, выражающих известные общественные отношения, а как общепризнанное обществом выражение товара в определенных мысленных счетных единицах. Цена есть „количество абстрактных, мысленных (*gedanklich*), но общественно фиксированных счетных единиц“⁶⁷. И дальше Аммон подчеркивает, что речь идет „о чисто идеальной единице, одинаково мысленно воспринимаемой и понимаемой всеми субъектами, входящими в общение, и поэтому обозначаемой как социальная единица“⁶⁸. Сущность социальной формы Аммон таким образом усматривает в том, что все товары получают единое социальное выражение в виде определенного количества условных, идеальных, общественно-признанных единиц. Как видим, Аммон в вопросе о сущности денег стоит на номиналистической точке зрения. Эта номиналистическая концепция базируется на смешении закономерностей натурального и товарного хозяйства. В организованном хозяйстве можно допустить, что общественные органы устанавливают какую-либо счетную единицу измерения, в которой выражаются все блага на основе трудового или какого-нибудь иного принципа. Установление такой условной счетной единицы возможно здесь потому, что мы имеем налицо определенные плановые, регулирующие органы и производство заранее урегулировано обществом. Иначе обстоит дело в товарном обществе, где связь между отдельными товаропроизводителями устанавливается чисто стихийным путем в процессе рыночной конкуренции. Здесь, очевидно, отсутствуют те органы, которые могли бы установить заранее условную и общественно-признанную счетную единицу измерения товаров. Здесь вопрос о социальном мериле ценности может быть установлен лишь на основе анализа процесса стихийного приравнивания товаров, который выталкивает на поверхность обмена один товар, противопоставляемый всей остальной, по выражению Маркса, товарной черни, как особый товар, как всеобщий товар, обладающий способностью всеобщей обмениваемости. Рассмотрение учения Аммона о социальной форме убеждает нас в том, что наш автор не понял сущности товарного фетишизма, что он, несмотря на все свои попытки дать детальную характеристику товарного общества, не понял всего своеобразия последнего.

⁶⁵ „Objekt und Grundbegriffe der theoretischen Nationalökonomie“, S. 271.

⁶⁶ Ibid., S. 361.

⁶⁷ Ibid., S. 319.

⁶⁸ Ibid., S. 321.

Л. ЗИМАН

■ БУРЖУАЗНЫЕ СИМПАТИИ И ПРАВЫЕ ТЕОРИИ

(О журнале «Аграрные проблемы», органе Международного аграрного института, №№ 1—4 за 1927, №№ 1—6 за 1928, №№ 1—6 за 1929 и № 1 за 1930).

Наличие у нас специального научного журнала, освещающего главным образом аграрные проблемы современного капиталистического хозяйства, является безусловной необходимостью. Ибо, с одной стороны, наши специальные аграрные и сельскохозяйственные журналы («На аграрном фронте» и др.) недостаточно освещают аграрные проблемы капиталистических стран, сосредоточивая почти все свое внимание на вопросах сельского хозяйства СССР; а с другой стороны, наши журналы, посвященные вопросам мировой экономики и политики («Коммунистический Интернационал», «Мировое хозяйство и мировая политика»), уделяют недостаточно места освещению аграрных проблем. Удалось ли «Аграрным проблемам» заполнить этот пробел? Удалось ли им превратиться в орган, теоретически осмысливающий и руководящий революционным крестьянским движением капиталистических стран и аграрной политикой братских компартий? Сделали ли они все возможное для того, чтобы облегчить использование революционным движением в капиталистических странах опыта аграрной политики в Советском союзе?

1. О РЕКЛАМИРОВАНИИ БУРЖУАЗНЫХ ЭКОНОМИСТОВ

Первое, что бросается в глаза при просмотре «Аграрных проблем» — это несколько странный подбор авторов. Наряду с марксистами-ленинцами, значительное место занимают явно буржуазные аграрники и экономисты. Правда, некоторые из них имеют громко звучащие чины, каковые редакция отмечает в подстрочных примечаниях. Но статьи их не только буржуазны по своим установкам, но в большинстве случаев и слабы в научном отношении, мало интересны.

Наиболее показательна в этом отношении статья «Директора института народного хозяйства при Высшей сельскохозяйственной школе в Берлине», проф. Курта Риттера: «Истинные причины аграрного кризиса и возможности их устранения» (№ 6, 1929). В примечании к этой статье редакция пишет: «Проф. Риттер аграрий как по своим взглядам, так и по своим симпатиям¹. Нет надобности подвергать подробной критике взгляды этого автора на основные вопросы теоретической экономики, которые, понятно, неприемлемы для нас. Мы даем здесь место статье проф. Риттера потому, что она, несмотря на все неизбежно присущие ей специфические черты в смысле трактовки такого огромного и социально-

■
¹ Здесь и в дальнейшем, если иное особо не оговорено, разрядка наша — Л. З.

сложного экономического феномена, каким является аграрный кризис, все же представляет большой интерес» (с. 115).

В чем же редакция усматривает этот большой интерес? «Прежде всего интересно признание автором несостоятельности закона об убывающей производительности последующих затрат... Второй очень ценный момент—это признание факта победного шествия капитализма в сельском хозяйстве» (с. 116). И это все. Дальше редакция отмечает ошибочность основного вывода автора, видящего «панацею от аграрного кризиса» в стабилизации сельскохозяйственных цен при помощи создания международного сельскохозяйственного картеля.

Конечно очень приятно, когда крупный представитель из вражеского научного лагеря приходит к тем выводам (о развитии капитализма в сельском хозяйстве и недействительности закона убывающей производительности), которые марксизм отстаивает в течение многих десятилетий. Но стоит ли из-за этого помещать в органе, который должен «служить делу трудовых крестьян» и «исходить из незыблемых положений научного марксизма»², статью автора, который является аграрием по своим взглядам и симпатиям?

К тому же признание Риттером закона убывающей производительности почвы весьма относительно: «Закон убывающей производительности почвы верен, как таковой; только его оценивают чересчур одностронне. Его прилагают к совокупному сельскохозяйственному производству земного шара, не учитывая в должной мере того обстоятельства, что он верен всегда только по отношению к определенному виду растения при данных определенных предпосылках. Не учитывалось также значение организации в сельском хозяйстве»... (с. 108).

Редакция в своем примечании ни слова не говорит о том, насколько правилен у Риттера анализ «истинных причин» аграрного кризиса. А ведь это один из двух основных вопросов статьи, которому посвящена большая ее половина. А эта часть статьи если и интересна, то только потому, что она представляет собой яркий образчик той вульгарной пошлости, которая заполняет современную буржуазную литературу,

Риттер начинает свой анализ «истинных причин» кризиса с указания на то, что ссылки на изменения в продукции золота, в объеме аграрной и индустриальной продукции, в покупательной силе отдельных частей земного шара, недостаточны. «Кто действительно хочет проникнуть в суть вещей, тот должен заняться и психикой сельскохозяйственного производителя» (с. 98). И далее подробно рассказывается о том, как война породила «новый дух» в сельских хозяйствах—стремление к наибольшей прибыли, в результате чего идет рост сельскохозяйственной продукции. Правда, в промышленности этот «новый дух» давно господствует. Но... «промышленность может сама вызывать все новые потребности... Иначе обстоит дело с сельскохозяйственными продуктами, поскольку они служат для питания людей... Больше чем наесться досыта, человек не может. Конечно, наесться досыта можно различными способами. Можно только утолить голод или перейти к более утонченным способам удовлетворения аппетита. На последний путь уже давно вступили в Америке и в Западной Европе... Кроме того нет сомнения, что на значительных территориях земного шара широкая масса населения до недавнего времени не могла даже питаться в достаточной степени. В особенности в Азии—а до войны и в Восточной Европе—существовали обширные обла-

² Из вступительного слова г. Домбала при открытии в Москве Международного аграрного института (см. «Аграрные проблемы» № 1, 1929, в. 174).

сти, где население испытывало в этом отношении подлинную нужду. В настоящее время в этих областях произошло значительное улучшение в отношении удовлетворения потребности широких масс населения в продуктах питания» (с. 104—105). Такова характеристика причин аграрного кризиса, которую редакция «Аграрных проблем» рекомендует как представляющую большой интерес, и свое несогласие с которой она даже не считает нужным оговорить.

Перейдем к другой статье—проф. д-ра Вальтера Шиффа (Вена) об аграрном вопросе в Австрии (№№ 2—4, 1927, № 1, 1928). Редакция в примечании к ней указывает: «Редакция не разделяет оценки, данной автором аграрной программе австрийской социал демократии и в одном из ближайших номеров вернется к вопросу об аграрной программе социал-демократии вообще и австрийской в частности» (№ 3—4, 1927, с. 32). В напечатанной год спустя статье Я. Шафира «Аграрный вопрос в современной Австрии и социал-демократическая аграрная программа» указывается более точно, что статья проф. Вальтера Шиффа посвящена обоснованию аграрной программы австрийской социал-демократии (№ 5—6, 1928, с. 26). И здесь мы вправе поставить вопрос: почему Международный аграрный институт берет на себя печатание и распространение работ, имеющих целью обоснование социал-демократической аграрной программы³?

Но оставим в стороне симпатии проф. д-ра Вальтера Шиффа к социал-демократической аграрной программе. Каково качество его научной продукции, каков у него метод исследования аграрного вопроса? Замалчивая этот вопрос, редакция тем самым солидаризуется с подходом автора, а между тем этот подход нельзя назвать иначе, как вульгарной апологетикой и юридическим кретинизмом. Исследование аграрного вопроса у автора сводится к рассмотрению последовательной смены законодательных норм вне связи их с социально экономической основой. В тех же редких случаях, когда автор затрагивает социально-экономические проблемы, там он дает образчики вульгарной апологетики. Сошлемся напр. на его рассуждения о противоречии интересов между работодателями и рабочими в сельском хозяйстве. «В значительной степени это противоречие интересов только кажущееся... Повышение жизненного уровня (сельскохозяйственных рабочих) в конечном счете приносит пользу и работодателю и всему сельскому хозяйству, ибо оно увеличивает работоспособность и энергию сельскохозяйственных рабочих, а, следовательно, увеличивает как валовой доход сельскохозяйственной продукции, так и чистый доход сельскохозяйственных предприятий. Упомянутая нами проблема встала на очередь дня только после крушения австрийской монархии; в этой области можно констатировать значительный и чрезвычайно важный прогресс, хотя удовлетворительного решения мы еще далеко не достигли» (№ 1, 1928, с. 71). Итак, противоречие между интересами капитала и труда только кажущееся, но все же после крушения монархии эта проблема встала на очередь дня, и уже имеются чрезвычайно важные, хотя и далеко не удовлетворительные достижения. Очевидно автор надеется на то, что в будущем вопрос будет решен удовлетворительно. Замечательный анализ!

Не лучше анализ аграрных реформ: «Большим распространением, по крайней мере за границей, пользуется тенденция к покровительству мелким предприятиям. Для замены крупных сельскохозяйственных имений и хозяйств средними и мелкими в СССР, в граничащих с ним государствах,

³ Между прочим, работа проф. д-ра Вальтера Шиффа так понравилась МАИ, что он не только напечатал ее в своем органе, но и издал отдельной книгой.

в Польше, в Чехо-Словакии, в части Балканских стран, в Венгрии и в Германии были разработаны и отчасти проведены аграрные реформы, цель которых заключается в том, чтобы все крупные земельные владения и хозяйства или по крайней мере часть их разбить на мелкие и средние владения с уплатой или без уплаты компенсации владельцам» (№ 1, 1928, с. 67—68). То, что буржуазный ученый не видит разницы между аграрной революцией в Стране Советов и куцыми или даже фиктивными реформами в буржуазных странах Центральной и Восточной Европы, это не удивительно. Но то, что это рассуждение преподносит своим читателям и к тому же без всяких оговорок орган МАИ—это по меньшей мере странно.

Статья «известного германского цивилиста проф. д-ра Ю. В. Гедемана, руководителя Института хозяйственного права при Иенском университете» «Право на землю в современной Германии» (№ 1, 1928) выгодно отличается от статей К. Риттера и Вальтера Шиффа тем, что в ней действительно есть интересный материал. Редакция в своем примечании, занимающем три страницы, отмечает свое несогласие с автором по «нескольким основным вопросам». Но она опять-таки ни слова не говорит о недостатках самого метода исследования, результатом чего являются как отмеченные ею, так и многие не отмеченные ошибочные положения. А между тем и эта статья вполне выдержана в буржуазном духе.

Из отечественной буржуазной профессуры МАИ питает симпатии к проф. Г. А. Студенскому. МАИ выпустил его книгу «Проблемы экономики и географии сельского хозяйства», представляющую собой сочетание вульгарнейших и пошлейших рассуждений с набором цифр и картограмм, которых автор не сумел переварить и использовать. Затем в «Аграрных проблемах» (№ 1, 1930) напечатана его статья «Технический переворот в американском сельском хозяйстве». Редакция в примечании отмечает, что «проф. Студенский неправильно ставит вопрос о причинах аграрного кризиса», что статья его «дает неправильную теоретическую установку в понимании сельскохозяйственного кризиса» (№ 1, 1930, с. 80), но все же называет статью интересной. Что в ней интересного, редакция не указывает. Да и указать нелегко, так как в ней нет ничего, кроме неправильных рассуждений и материала широко известного. Читателю «Аграрных проблем» большинство приводимых проф. Г. А. Студенским данных уже было известно из статей К. Симона (№ 1, 1930), И. Гершмана (№ 4, 1929), Г. Гордеева (№ 2, 1929), А. Г. Боссэ (№ 4, 1928).

К числу буржуазных экономистов, хотя и мало известных, надо отнести И. Гершмана, автора ряда статей и рецензий в «Аграрных проблемах». В № 4 за 1930 г. помещена его статья «Основные моменты технической реконструкции мирового сельского хозяйства в послевоенное время». В этой статье технические сдвиги в сельском хозяйстве рассматриваются вне всякой связи с социальными процессами, причем все страны и типы хозяйств, начиная от американского фермера и прусского помещика и кончая индийскими и китайскими крестьянами, смешиваются в одну кучу. Для характеристики стиля этой статьи приведем лишь одну цитату из раздела «Химизация сельского хозяйства»: «Опубликованные в прошлом году труды королевской комиссии по сельскому хозяйству в Индии содержат много указаний на то, что почвы Индии бедны гумусом и нуждаются сильно в азотистом удобрении. Бедность индийских почв гумусом стоит в связи с происходящим здесь очень быстро (во много раз быстрее, чем в Европе) процессом полного разложения (минерализации) растительных остатков в условиях индийского климата. В связи же с ростом искусственной ирригации и той повышенной производственной нагрузкой, которую она дает почве (распространение повторной урожайности) проблема удо-

брения становится в Индии острой». Пресловутая королевская комиссия была создана английскими империалистами специально для того, чтобы отвлечь внимание от аграрного вопроса рассуждениями о недостатках индийского климата. И эта гнусная ложь преподносится читателю «Аграрных проблем» в виде бесстрастных якобы научных рассуждений, без всякого упоминания о том, что истощение индийской почвы связано с деградацией десятков миллионов крестьянских хозяйств.

Еще более показательна другая статья того же И. Гершмана «Социально-экономическая организация мирового сельскохозяйственного рынка и кризис пулов» (№ 2. 1928). Казалось бы, что при разработке этой темы совершенно невозможно отвлечься от социальной структуры сельского хозяйства. А автор все таки ухитрился. И даже придумал «научное» обоснование этого. Он перечисляет основные виды капитала («социально-экономических сил»), выступающего на сельскохозяйственном рынке в разных странах, и затем замечает: «Если преследовать цели географической полноты анализа, то следует рассмотреть действие вышеуказанных социально-экономических сил в основных странах, участвующих в мировом сельскохозяйственном обороте. Если преследовать цели технологической (товароведческой) полноты анализа, то следует проделать то же самое в отношении главнейших сельскохозяйственных товаров. При более же узкой постановке задачи, преследующей только схематическую—теоретическую—полноту анализа (как это имеет место в данном очерке), речь может идти только о подборе отдельных типических примеров из разных стран и по разным товарам» (№ 4, 1928, с. 36—37) ⁴. В этом вычурном рассуждении ярко выявляется основная черта, характеризующая статью: полный отрыв рыночной организации от социальной структуры самого сельскохозяйственного производства. Автор, как типичный представитель вульгарного мышления, видит лишь те различия в организации сельскохозяйственного рынка, которые связаны с поверхностными, видимыми каждому, моментами—различия по странам и по товарам. Но он не видит основного различия, связанного с типом социальных отношений в сельском хозяйстве. Поэтому-то, стремясь к «схематической полноте анализа», он и смешивает в одну кучу организацию сельскохозяйственного рынка в районах задавленного колониального крестьянства и в районах капиталистического фермерства. Поэтому-то его статья чрезвычайно поверхностна и путанна (вплоть до терминологии—американский фермер напр. иногда называется крестьянином). Поэтому-то он лишь описывает явления, но не может их объяснить.

Библиографический отдел «Аграрных проблем» ярко отражает отмеченную нами установку редакции И здесь сплошь и рядом новинки буржуазной аграрной литературы не только не получают должной критической оценки, но часто сами рецензии проникнуты отнюдь не марксистской точкой зрения. В качестве примера можно указать хотя бы на рецензии того же И. Гершмана (№№ 1, 2, 6, 1929). В одной из них—на почвенный атлас Р. Krische—автор находит нужным «в связи с появлением этого труда остановиться несколько на вопросе о влиянии вообще почвенно-географических условий на социальную организацию сельского хозяйства». Как же И. Гершман представляет себе это влияние? «Следует вообще заметить, что в районах, издавна освоенных, хорошие почвы являются очагами аграрной перенаселенности и до крайности измельчавшего землепользования... Только в районах новой колонизации, как САСШ и Канада показатели благосостояния сельского населения кор-

⁴ Разрядка И. Гершмана.

релируют благоприятным образом с почвенными условиями» (№ 2, 1929, с. 243). Для доказательства этой мысли автор рецензии ссылается на американского климатолога Е. Huntington'a, который «эмпирически» исследовал вопрос и доказал, что «даже процент знаменитых граждан, согласно адресному справочнику (обычный прием анализа у американских социологов) на хороших почвах больше, чем на плохих» (там же). И эта вульгарнейшая болтовня преподносится в журнале, претендующем на марксистскую установку.

Примерно такой же характер имеют и рассуждения Г. С. Крейнина, автора рецензии на отчет всемирной конференции о народонаселении. Проблема народонаселения относится к числу тех проблем, в исследовании которых наиболее ярко выявляется бесплодность современной буржуазной экономической науки. Это ясно показала и всемирная конференция о народонаселении. Вместо того, чтобы вскрыть это, Г. С. Крейнин, отмечая отдельные недочеты в работах выступавших на конференции докладчиков, в основном с ними солидаризуется и дополняет их своими собственными рассуждениями, в смысле вульгарности не уступающими указанным выше рассуждениям И. Гершмана.

Мы не будем останавливаться на других статьях и рецензиях, ничего общего с марксизмом не имеющих. И приведенного достаточно для того, чтобы констатировать, что, во первых, «Аграрные проблемы» широко открывают свои страницы для статей и рецензий буржуазных аграрников от аграриев до социал-демократов, от известных европейских имен до малоизвестных рецензентов; во-вторых, что в большинстве случаев редакция даже не считает нужным оговорить буржуазную установку этих статей, и в-третьих, что редакция всемерно рекламирует эти статьи, приписывая им большой интерес, в то время как научное качество почти всех этих статей необычайно низко.

2. ОПОРТУНИСТИЧЕСКАЯ ЛИНИЯ В ОСНОВНЫХ ВОПРОСАХ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ

Перейдем теперь к статьям аграрников-коммунистов и в частности членов редакции и посмотрим какова их идеологическая установка и каково их качество с научной точки зрения.

В центре внимания аграрников-марксистов в СССР в течение последних лет стояло теоретическое осмысливание происходящих сдвигов в сельском хозяйстве СССР и связанного с ними резкого обострения классовой борьбы в деревне. По этой линии прежде всего происходило преодоление правого уклона в партии. Борьба с правым уклоном в ВКП(б) широко развернулась во второй половине 1928 г. В ноябре 1928 г. и апреле 1929 г. пленум ЦК ВКП(б), а затем и XVI партконференция дают кригику правого уклона и признают его главной опасностью в настоящий период. В ноябре 1929 г. пленум ЦК ВКП(б) уже подвел первые итоги идеологического разгрома правого уклона и наметил некоторые вытекающие из них оргвыводы. Принял ли какое-нибудь участие орган МАИ в полторалетней борьбе с правым уклоном и в извлечении уроков из этой борьбы, уроков чрезвычайно важных для братских компартий и крестьянских организаций?

Просмотрев весь комплект журнала, нетрудно убедиться, что роль его в этом отношении была по меньшей мере сомнительна.

До № 6 за 1929 г., вышедшего уже в 1930 г., мы о правом уклоне в ВКП(б) в «Аграрных проблемах» ничего не находим. Правда, в № 4 за 1929 г. (июль—август) помещена статья т. Галевиуса, критикующая неко-

торые правоуклонистские теории. Но эта критика (не говоря о том, что она неполна и не касается политической линии правого уклона, и не говоря о том, что она чрезвычайно слаба), имеет какой-то стыдливый, половинчатый характер.

«Ввиду того исключительного внимания, которое сейчас привлекает проблема подъема и реконструкции сельского хозяйства, мы остановимся именно на тех вопросах строительства сельского хозяйства, которые являются в настоящий момент наиболее спорными как источники в сяких уклонов. Прежде всего в ряду спорных вопросов мы имеем теорию о «деградации» сельского хозяйства, «неэквивалентность» обмена между деревней и городом, «диспропорцию» темпов сельского хозяйства и промышленности и «затухающей кривой народнохозяйственного процесса. Имея на одни и те же явления два принципиально различных мнения, мы обязаны вскрыть корни этих противоречий и разобраться в том, куда и какими путями в действительности идет наше хозяйство» (№ 4, 1929, с. 14).

Итак, после того как пленум ЦК дважды (в ноябре 1928 г. и апреле 1929 г.) дал критику правого уклона как главной опасности, после того как эти решения были подтверждены XVI партконференцией, передовик «Аграрных проблем» все еще говорил о «двух принципиально отличных мнениях», не указывая, что одно из них это мнение партии, а другое—мнение оппозиционной группировки; разногласия партии с уклонистами он «осторожно» называл «спорными вопросами» и, не решаясь открыто назвать правый уклон, говорил о «всяких уклонах».

Правда, из этих «двух принципиально отличных мнений» сам автор придерживается того же, что и партия. Но, во первых, он ничего не говорит о том, что из букета перечисленных теорий («деградации» и т. д.) вытекает определенная программа аграрной политики. Политических установок правого уклона он совершенно не касается. Во вторых, и даваемая им критика правоуклонистских теорий слаба, путанна. Приведем лишь несколько примеров по важнейшим вопросам—о классовых сдвигах в деревне и о результатах аграрной политики партии. На с. 25 читаем: «Крайние полюсы—зажиточные (кулацкие) и бедняцкие—исчезают, переходя в «средняцкий пласт», а на следующей странице уже идет речь лишь об «относительной убыли роли кулацкого контингента». Так и остается неясным, что же кулак исчезает или его роль лишь относительно убывает. А результаты нашей классовой политики автор оценивает так: «Процесс подъема бедняцких масс и борьба с кулацкими элементами дала желательные социальные результаты, но в экономическом отношении этот процесс означал значительное распыление размеров производства, перемещение производительных сил с немногочисленных хозяйствующих субъектов на многомиллионные массы деревни». Мы оставляем в стороне грамматически безграмотный характер этой фразы с начала до конца. Но необходимо отметить, что по важнейшему вопросу о том, каковы же были «в экономическом отношении» результаты классовой политики в деревне, в статье нет ничего кроме приведенной двусмысленной фразы и указания на то, что «при низкой товарности остальной массы крестьянства и низкой производительности земледелия всякое антисоветское проявление кулацких элементов создает затруднения то на одном, то на другом участке» (с. 25).

Еще несколько месяцев спустя, после напечатания ст. Галевиуса, когда правый уклон был уже в основном разгромлен, после доклада т. Сталина на конференции аграрников-марксистов (27 дек. 1929 г.), ознаменовавшего переход к новому этапу в аграрной политике в СССР, связанному

с форсированной коллективизацией и ликвидацией кулачества как класса, «Аграрные проблемы» помещают передовую С. Дубровского «Правый оппортунизм в вопросах аграрной политики в СССР» (№ 6, 1929). Но и эта статья не дает правильного и четкого анализа соотношения классовых сил в сельском хозяйстве СССР и водораздела, отделяющего правый уклон от генеральной линии партии.

Как характеризует т. Дубровский соотношение сил в советской деревне в настоящий момент? «От политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества партия и советская власть перешли к политике ликвидации кулачества как класса, ликвидации, непосредственно связанной с массовой коллективизацией и социалистическим переустройством всего сельского хозяйства. . Успешное наступление социализма на капиталистические элементы, быстрый рост социалистических элементов и падение вследствие этого удельного веса капиталистических элементов (при абсолютном их росте) вызывает бешеное сопротивление последних. Именно отсюда на данной стадии развития при данном соотношении сил и вытекает обострение классовой борьбы» (№ 6, 1929, с. 5). В этой характеристике явно не увязаны начало и конец. Как это может быть, что, с одной стороны, имеет место массовая коллективизация и социалистическое переустройство всего сельского хозяйства, а с другой стороны, продолжается абсолютный рост капиталистических элементов. Эта неувязка, это механическое соединение новых лозунгов со старыми формулировками, верными лишь для предшествующего этапа, явно отражает непонимание сущности происшедшего перелома в аграрной политике.

Но если, с одной стороны, т. Дубровский не понимает этого перелома и специфических особенностей нового этапа, то, с другой стороны, он оппортунистически трактует аграрную политику партии в предшествующий период: «Как известно, в свое время троцкистская оппозиция усиленно агитировала за борьбу против кулачества, за наступление на кулачество. Но в тех условиях это было бы авантюризмом» (там же, с. 24). Получается, что троцкистская оппозиция ратовала за борьбу с кулачеством, а партия считала это авантюризмом и проводила по видимому политику мира с кулаком. Выходит, что ограничение эксплуататорских тенденций кулачества не было одной из форм борьбы с ним. Стоя на этой оппортунистической позиции, естественно нельзя объяснить и разногласий между партией и правой оппозицией в период, предшествовавший последнему перелому в аграрной политике ⁵.

Отмечая весьма сомнительную позицию «Аграрных проблем» по отношению к правому уклону, мы должны указать и на то, что вопросы классовой борьбы в советской деревне почти совершенно не получают освещения на страницах «Аграрных проблем». Вообще сельскому хозяйству СССР журнал уделяет достаточно места. Но почти все статьи, касающиеся СССР, свое внимание сосредоточивают на производственных моментах, не касаясь социальных, классовых проблем. При этом большинство статей, относящихся к СССР, имеет статистико-описательный характер, лишено политической заостренности. Этот «производственный уклон» и «объекти-

⁵ Приведенное место у т. Дубровского находится между двумя цитатами из речи Сталина, хотя по смыслу оно коренным образом расходится с тем, что говорил т. Сталин. «Могли ли мы лет пять или года три тому назад предпринять такое наступление на кулачество? Могли ли мы рассчитывать на успех такого наступления? Нет, не могли. Это было бы опаснейшим авантюризмом». Совершенно ясно, что здесь т. Сталин называет авантюризмом преждевременное всеобщее «по всем фронтам» наступление на кулачество, но отнюдь не всякую борьбу против кулачества, каковую партия ни на один момент не прекращала.

визм» отчасти характерны и для основной части журнала, относящейся к иностранным государствам. Но там это может быть отчасти оправдано слабостью тех политических организаций и авторских кадров, на которые опирается МАИ в некоторых странах. Недостаточное внимание к классовым проблемам в советской деревне и отсутствие в этих вопросах четкой политически правильной линии ничем оправдано быть не может.

Одним из центральных вопросов аграрной программы компартий капиталистических стран является вопрос о национализации земли. По линии отношения к национализации земли лежало одно из основных расхождений большевиков и меньшевиков. Как раз недавно т. Сталин счел нужным еще раз остановиться и подчеркнуть, что теоретики-аграрники недостаточно учитывают значение национализации земли для строительства социализма. «Именно потому, что у нас нет частной собственности на землю, у нас и нет той рабской приверженности крестьянина к земле, которая имеется на Западе. А это обстоятельство не может не облегчать перехода мелкого крестьянского хозяйства на рельсы колхозов. Вот где одна из причин того, что крупным хозяйствам в деревне, колхозам в деревне, удастся так легко демонстрировать у нас, в условиях национализации земли, свое превосходство перед мелким крестьянским хозяйством. Вот где великое революционное значение советских аграрных законов, уничтоживших абсолютную ренту, отменивших частную собственность на землю и установивших национализацию земли... Досадно, что наши теоретики-аграрники не попытались вскрыть с должной ясностью эту разницу между положением крестьянина у нас и на Западе. Между тем такая работа имела бы величайшее значение не только для нас, советских работников, но и для коммунистов всех стран. Ибо для пролетарской революции в капиталистических странах не безразлично, придется ли там строить социализм с первых же дней взятия власти пролетариатом на базе национализации земли или без такой базы»⁶.

Упрек, брошенный т. Сталиным по адресу теоретиков-аграрников, вдвойне применим к «Аграрным проблемам», ибо этот журнал не только ничего не сделал для того, чтобы вскрыть и исследовать революционное значение национализации земли, но в ряде статей выступил по существу против национализации. Под видом комментирования соответствующей части программы Коминтерна «Аграрные проблемы» развивали совершенно иную и несомненно оппортунистическую точку зрения на национализацию земли.

Программой Коминтерна в качестве основных задач пролетарской диктатуры указывается:

«Конфискация и пролетарская национализация всей крупной поземельной собственности в городе и деревне с переходом в руки советов государственной и муниципальной поземельной собственности... с последующей национализацией всей земли».

«Запрещение, в целях сохранения земли за крестьянством и в целях борьбы с переходом этой земли в руки капиталистов, скупщиков и т. д., всякой купли-продажи земли».

«Полная отмена частной собственности на землю и национализация всей земли не могут быть введены немедленно в наиболее развитых капиталистических странах, где принцип частной собственности успел глубоко укорениться среди широчайших слоев крестьянства. В таких странах на-

⁶ И. Сталин, К вопросам аграрной политики в СССР, М. 1930, с. 7—8 (разрядка т. Сталина).

ционализацию всей земли можно провести лишь постепенно путем ряда переходных мероприятий».

Как комментируют эти положения «Аграрные проблемы»? С. Дубровский в передовой статье «Аграрно-крестьянский вопрос в программе Коминтерна» (№ 5—6, 1928), приведя соответственный раздел программы, делает из него вывод: «Что же касается крестьянских земель, то последние не конфискуются и первое время не национализируются» (с. 14). В то время как программа Коминтерна ясно разделяет все страны на две группы и лишь в отношении одной из них предупреждает против немедленной национализации в них всей земли, т. Дубровский высказывается против национализации крестьянских земель на первое время вообще, т. е. очевидно во всех странах. Эту ошибочную формулировку можно было бы принять за обмолвку, если бы в следующем номере, в передовой статье М. Горова «Национализация земли в программе Коминтерна» (№ 1, 1929), она не была развернута в целую оппортунистическую платформу.

Тов. Горов возражает против национализации земли, мотивируя это тремя соображениями. Первое соображение—психологическое. «Ни один крестьянин, являющийся частным собственником хотя бы и незначительного клочка земли, не согласится поддерживать такую меру (национализацию земли) и тех, которые хотят провести такое мероприятие» (с. 8). Тов. Горов ни слова не говорит о том, каков опыт в этом отношении Октябрьской революции. Между тем в России имелись районы с самым различным типом аграрных отношений, и тщательный порайонный анализ отношения различных групп крестьян к национализации земли и к пролетарской диктатуре дал бы много поучительных выводов. М. Горов не возражает вместе с тем против запрещения купли-продажи земли. Эту меру крестьяне по его мнению примут. Но на национализацию ни за что не согласится ни один крестьянин «Конечно не исключена возможность, что передовые крестьяне из мелкокрестьянского и даже середняцкого слоя могут понять, что трудящегося крестьянина его собственность скорее закрепощает и порабощает, чем оберегает его независимость. Но от сознания до практических выводов расстояние большое и часто непреодолимое» (с. 11).

Еще более странное впечатление производит другое соображение т. Горова: «На первой стадии развития революции пролетариату трудно будет (1) привести в движение индустрию, еще меньше будет возможности помочь крестьянину в деле улучшения мелиорации его хозяйства.. Поскольку непосредственно после захвата власти не имеется возможности перейти к коллективному хозяйству, то нет необходимости национализации земли крестьян» (с. 6—7).

После этих утверждений (которые автор даже не считает нужным доказать), читатель может подумать, что национализацию земли надо провести на втором этапе, когда пролетариат преодолет трудности в области индустрии и подойдет к социалистической перестройке сельского хозяйства. Но т. Горов и тут не советует торопиться.

«Сохранение крестьянской частной собственности на землю, являясь моментом, способствующим заключению боевого блока рабочих и крестьян, не создает непреодолимых препятствий для перехода к коллективному сельскому хозяйству... Когда они (крестьяне) приступят к обобществлению своего хозяйства, они натолкнутся на частную собственность как на препятствие. Они убедятся воочию, что национализация земли является предпосылкой к дальнейшему развитию сельского хозяйства» (с. 14—15).

Итак, мы имеем перед собой своеобразную концепцию: сначала коллективизация, а потом национализация земли. В этой концепции нацио-

нализация земли является не сильнейшим средством революционной борьбы против капитализма за социалистическую перестройку сельского хозяйства, а пустой формальностью, которая сможет быть проведена тогда, когда в этой борьбе с капитализмом уже будет одержана победа. Основу этой концепции составляет не конкретный анализ реальных классовых интересов, а отвлеченные рассуждения о настроении крестьянства вообще, без какой бы то ни было попытки расчленить его на группы.

И эта насквозь оппортунистическая концепция преподносится читателю в передовых статьях органа МАИ, в виде комментария к программе Коминтерна и с многочисленными ссылками на Маркса, Энгельса, Ленина.

Прежде чем закончить характеристику политического и идеологического лица журнала мы хотели бы еще кратко остановиться на позиции редакции в вопросе об аграрном протекционизме и государственно-капиталистических организациях в области сельского хозяйства. В № 2 за 1928 г. была помещена статья Я. Шафира «Аграрный протекционизм и социал-демократия». В этой статье дается в основном правильная трактовка проблемы: пролетариат и его партия должны объявить беспощадную борьбу аграрному протекционизму во всех его видах и формах, разоблачая протекционизм как политику, нарушающую интересы пролетариата и мелкого крестьянства, тормозящую развитие производительных сил в сельском хозяйстве и индустрии, усиливающую позицию наиболее реакционных и паразитических элементов господствующего класса и т. д.; такова была позиция марксистов всегда, — изменив ей, социал-демократия тем самым ясно показала, что она превратилась в буржуазную партию. К этой статье редакция делает примечание, что статья помещается в порядке постановки вопроса как «дискуссионная» (№ 2, 1928, с. 6).

В № 4 за 1928 г. помещается другая статья Я. Шафира «Хлебная монополия и социал-демократия», развивающая те же идеи и возражающая швейцарскому коммунисту т. Визеру и Брандлеру, которые в МАИ выступали за поддержку коммунистами хлебной монополии в Швейцарии. К этой статье редакция делает примечание: «Прения по этому вопросу не закончены. Поэтому содержание выступления Шафира публикуется в виде постановки вопроса». В дальнейшем к этому вопросу «Аграрные проблемы» не возвращались. Для читателя так и остается неясным, сколько времени еще понадобилось редакции для того, чтобы убедиться, что защита аграрного протекционизма и хлебной монополии — это оппортунизм, вполне подходящий для современной социал-демократии, но ничего общего не имеющий с революционной тактикой коммунистов.

Теперь мы можем подвести некоторые итоги. Широкое привлечение буржуазных авторов и рекламирование их без всяких на то оснований, оппортунистическая трактовка важнейшего вопроса о национализации земли, явно недостаточное внимание к проблемам классовой борьбы в советской деревне, двусмысленная позиция по отношению к правому уклону как в ВКП(б) так и в братских компартиях (вопрос об аграрном протекционизме), — все это говорит о том, что журнал до сих пор не имел правильной политической линии. Это конечно не противоречит тому, что некоторые вопросы получали в нем совершенно правильное освещение. К числу лучших статей прежде всего надо отнести цикл статей по вопросам сельскохозяйственной кооперации Н. Мещерякова и других. По этим вопросам «Аграрные проблемы» с первого номера заняли совершенно правильную и четкую позицию.

3. БЕЗГРАМОТНОСТЬ И ХАЛТУРА

Наряду с отсутствием правильной политической установки орган МАИ не может похвастаться и высоким качеством своей научной продукции. Выше мы несколько раз указывали и на эту сторону. Число таких указаний может быть увеличено во много раз. Некоторые статьи, помещенные в «Аграрных проблемах», настолько безграмотны, что прямо непонятно, как они могли быть напечатаны органом, редакцию которого возглавляют квалифицированные экономисты-марксисты.

Рекордной в смысле безграмотности является статья П. Савчук, Животноводство в системе народного хозяйства (№ 1, 1930):

Статья эта начинается с того, что отождествляет динамику сельского хозяйства и промышленных цен в капиталистических странах с динамикой производительности труда (поскольку основным фактором определения цен являются издержки производства, а последние в основном обусловлены производительностью труда). Все это построение можно давать рабфаковцам как пример элементарной экономической безграмотности. Дальше, в связи с иной динамикой цен на мясо по сравнению с пшеницей автор старается доказать, что «развитие животноводства в капиталистических странах не соответствует и не удовлетворяет все развивающегося спроса на его продукцию» (с. 59—60), а в последние годы замедленный рост и отчасти сокращение стада «делает животноводство узким местом (!) капиталистического воспроизводства в целом» (с. 62). Мы не можем подробно останавливаться на этой статье, вся первая часть которой представляет собой сплошной бред, и приведем без комментариев лишь две цитаты из нее: «Если бы застойное состояние производительности труда в животноводческом хозяйстве было в условиях большой насыщенности рынка продуктами животноводства, то это неминуемо привело бы к кризису животноводческого производства нормального порядка, т. е. к падению цен. Но т. к. бурно растущее индустриальное развитие... влекло за собой усиленный спрос на продукты животноводства, то это не имело места, и мы имеем кризис иного порядка, острый недостаток продуктов животноводства, компенсируемый фальсифицированными продуктами, как например маргарин. Отсюда выгодность ведения животноводческого хозяйства и при «застойной» системе его ведения. Но такое положение находит предел уже в «физическом» соотношении (!) продуктов животноводства и растениеводства. Возможность замены продуктов животноводства не так уж проблематична, и она с собой несет все же некоторый стимул к организации животноводства на промышленных методах. Отсюда развитие «скороспелого» скота, особого корма и т. д.» (с. 59).

«Организовать каждому мелкому и среднему фермеру животноводческое хозяйство по последнему слову «науки и техники» нет никакой возможности, тогда как приобретение трактора, а для среднего фермера даже комбайна (!), в условиях САСШ вещь весьма возможная. Таким образом «противоречия», связанные с существованием частной собственности в животноводческой отрасли сельского хозяйства, сказываются еще сильнее. Ликвидировать эти «противоречия» для капитала является очень затруднительным (!), и он пошел по пути наименьшего сопротивления (?!). Достигнуты большие успехи в деле выкармливания скота, улучшения хранения и переработки животноводческих продуктов» (с. 63—64).

Весьма странное впечатление производят и статьи А. Г. Боссе (№ 4, 1928, № 3, 1929). Низкое качество этих статей отчасти находится в не-

сомненной связи с исключительной небрежностью, проявляемой автором. Приведем лишь несколько примеров из первой статьи.

На с. 86: «1920 год был годом колоссального расцвета сельского хозяйства, если подходить к вопросу с точки зрения цен на сельскохозяйственные продукты». Три строками ниже: «Великий сельскохозяйственный кризис начался весной 1920 года».

На с. 85 приводятся данные об изменении численности сельскохозяйственного населения в САСШ: «Из этих данных мы видим, что численность сельского населения в САСШ с 1920 по 1928 г. непрерывно уменьшалась. Это говорит за то, что в течение последних 8 лет происходила непрерывная экспроприация американского фермерства». Во-первых, таблица показывает не сельское население, а сельскохозяйственное (как в ней самой указано). Это совершенно различные вещи, и американская статистика их строго различает («rural population» и «farm population»). Во-вторых, в население ферм входят не только фермеры, но и их рабочие. Поэтому динамика населения ферм не может показывать экспроприацию фермеров (напр. с 1910 по 1920 г. число ферм в САСШ увеличилось с 6362 до 6448 тыс., а население ферм уменьшилось с 32077 до 31614 тыс.; с 1920 по 1925 число ферм уменьшилось на 1,1%, а население их на 8,3%)⁷.

На с. 91—92 пространно доказывается, что если САСШ максимально разовьют у себя производство сахара и каучука, «эти новые способности... могут дать работу только части тех фермеров и рабочих, которые были выброшены с ферм благодаря рационализации». При этом ни слова не говорится о том, сколь реальна перспектива развития этих отраслей в настоящих условиях.

К сожалению печать халтуры лежит на некоторых статьях и таких авторов, которые пользуются авторитетом и которые могут давать вполне доброкачественную научную продукцию, о чем свидетельствуют их другие статьи в том же журнале. Возьмем напр. статью т. Г. Гордеева «Гувер и фермеры Соединенных штатов» (№ 2, 1929). Не говоря о неправильной в основном установке автора («Гувер стал президентом на грани изживания сельского хозяйственного кризиса... Сельское хозяйство изживает послевоенную депрессию»), мы считаем необходимым отметить исключительную небрежность автора, обусловившую ряд безобразных формулировок.

На с. 13 читаем: «В одной стране САСШ уживаются Юг—район мелких ферм и величайшей эксплуатации—с Севером—крупных ферм и высокой механизации». Выходит, что на крупных механизированных фермах Севера эксплуатация слаба.

На с. 14: «Послевоенный кризис произвел огромную чистку состава фермеров. Все мелкие и средние, производящие чрезмерно дорого, не выдержали и обанкротились. Такая же участь постигла и некоторых крупных фермеров...» Выходит, что фермеров в САСШ почти не осталось.

На с. 22 автор цитирует выступление Гувера в защиту мелкого фермерства, размываемого процессом концентрации, и замечает со своей стороны: «Подобное заявление однако не скреплено никаким дополнительным обещанием. Ведь для того, чтобы повернуть рычаг или остановить процесс, нужно самое меньшее изменить ведущую аграрную политику, а еще лучше (!!!) нужно было бы наметить решительные меры, направленные к остановке процесса укрупнения». Таким образом оказывается, что изменение аграрной политики буржуазного государства могло бы приостановить процесс концентрации в сельском хозяйстве. Не надо

⁷ См. „Yearbook of agriculture“, 1930, с. 1011.

доказывать, что это мелкобуржуазная реакционная утопия, но отнюдь не революционный марксизм.

Мы не будем останавливаться на многочисленных ошибках в других статьях. Мы хотели бы лишь еще отметить, что не только работу авторов, но и работу самой редакции во многих случаях нельзя назвать иначе, как халтурой. Недостаточно тщательный просмотр статей, небрежное редактирование редакционных примечаний и настолько безобразная редакционная обработка статей, что некоторые из них становятся неудобочитаемыми, бросаются в глаза при просмотре журнала. В качестве примера такой «обработки» можно привести только что упомянутую статью т. Гордеева. Эта статья построена в значительной мере на комментировании картограмм. Между тем картограммы даны читателю в таком виде, что понять в них что-нибудь весьма трудно. На с. 15 указывается, что картограмма 7 содержит сведения о банкротствах. Между тем картограмма 7 показывает совсем другое, и вообще картограммы о банкротствах в статье нет. Под картограммой № 5 подпись перепутана, вследствие чего под ней и под другой картограммой № 4 поставлены совершенно аналогичные заголовки. На картограммах № 4—7 не указано к какому периоду они относятся, и на всех точечных картограммах не показано, что обозначает каждая точка. Наконец сличение с источником, из которого заимствованы картограммы («Yearbook of Agriculture»), показывает, что заголовки вообще переведены неверно, безграмотно, причем эта безграмотность воспроизведена автором и в тексте статьи (см. с. 15). Диаграммы показывают изменение числа ферм, обрабатываемых собственниками и арендаторами (Farms operated by owners, Farms operated by tenants), но не изменение числа собственников и арендаторов, как это думают т. Гордеев и «Аграрные проблемы». Трудно сказать, кто здесь больше виновен—автор или редакция.

Но можно указать и такие статьи, которые несомненно автором были обработаны добросовестно, а редакцией изуродованы. Наиболее ярким образчиком этого рода статей является статья А. Рюеш «Экспроприация мелкого крестьянства и вытеснение мелкого производства крупным во Франции» (№ 6, 1929). Франция принадлежит к числу стран с наименее изученным аграрным строем и наихудше поставленной аграрной статистикой. Тов. Рюеш (повидимому член французской компартии, хорошо знающий деревню) попытался обработать официальные данные демографической и земельной статистики, чтобы можно было из них сделать какие-либо выводы о социальных сдвигах во французском сельском хозяйстве. Для этого он прибег к ряду остроумных приемов, заставивших говорить мертвые цифры официальных источников. Редакции повидимому таблицы, составленные автором, показались чересчур громоздкими, и она их сократила, но так, что в том, что напечатано, ничего понять невозможно. В результате — интересная и ценная (повидимому) статья загублена.

4. КАКОВ ЖЕ АКТИВ?

Мы достаточно подробно останавливались на недостатках журнала. Но каков его актив? Увы! Этот актив весьма незначителен.

Наибольшую ценность представляют статьи, дающие характеристику аграрного строя и крестьянского движения в различных странах. Правда эти статьи весьма различны с точки зрения новизны материала и правильности его трактовки. Весьма неравномерно также освещение отдельных групп стран (в известных пределах это конечно неизбежно, но все же нельзя признать нормальным полное отсутствие статей напр. по

странам-лимитрофам и т. д.). И все же эти очерки—наиболее ценная часть напечатанного в журнале материала.

Мы уже указывали на удачный подбор статей по сельскохозяйственной кооперации: руководящие статьи т. Мещерякова о значении сельскохозяйственной кооперации в капиталистических странах (№№ 1 и 2, 1927; № 3, 1929), интересная статья т. Шефлера о сельскохозяйственном кредите (№ 2, 1929), ряд содержательных очерков о кооперации Германии, Дании, Сев. Америки, Японии. Значительный интерес также представляют статьи и очерки, посвященные рабочему вопросу в сельском хозяйстве и батрацкому движению.

О неправильном подборе статей по аграрному вопросу в СССР мы уже говорили. Необходимо однако еще отметить, что «Аграрные проблемы» не уделяют должного внимания изучению аграрных проблем национальных окраин СССР. Кроме незаконченной статьи т. И. Верменичева об аграрных отношениях в Средней Азии до реформы «Аграрные проблемы» за три года не дали в этом отношении ничего. Между тем опыт аграрной революции на наших окраинах дал бы очень много работникам братских компартий и революционных крестьянских организаций.

В журнале напечатан ряд неплохих статей (т. Шафира и других), посвященных критике социал-демократических теорий и программ. Но почти никакого внимания «Аграрные проблемы» не уделяли критике всех иных буржуазных и мелкобуржуазных теорий, между тем как в аграрном вопросе это является особенно необходимым. «Аграрные проблемы» не приняли никакого участия в разгроме мелкобуржуазных и буржуазных аграрных теорий в СССР. Они не ознакомили иностранных читателей с итогами борьбы марксистско-ленинской мысли с этими теориями. Этот пробел тем более обращает на себя внимание, что сами «Аграрные проблемы» часто предоставляли свои страницы явно буржуазным теоретикам.

Из теоретических проблем наибольшее внимание журнал уделял теории аграрных кризисов. Кроме этого напечатаны лишь содержательная статья т. Гордеева о законе падающей производительности (№ 3—4, 1927; № 1, 1928), абсолютно бессодержательная статья его же о теории сельскохозяйственного штандорта, одна полемическая статья по теории ренты (П. Ульянова) и две статьи С. Дубровского «О сущности феодализма, крепостничества и торгового капитала» и «Об азиатском способе производства». Статьи С. Дубровского вошли в его брошюру, которая уже получила оценку в наших научных организациях и печати (см. «Историк-марксист» №№ 15 16 (и в частности напечатанное там постановление Общества историков-марксистов) и «На аграрном фронте» № 12, 1929).

По теории сельскохозяйственных кризисов «Аграрные проблемы» напечатали статьи представителей самых различных направлений. Так напечатаны статьи П. Лященко и М. Спектатора (№ 1—2, 1929; № 1, 1928) и статьи, критикующие концепции указанных теоретиков (№№ 4 и 5 1929). Далее даны две статьи, посвященные критике буржуазных теорий сельскохозяйственных кризисов (№ 3, 1929 и № 5—6 1929) и наконец в последней книжке (№ 1, 1930) начала печататься статья Гордеева, в которой повидимому будет развита положительная концепция, разделяемая редакцией. Так как пока напечатано только начало статьи, оценка ее дана еще не может быть.

Нельзя возражать против того, что редакция «Аграрных проблем» открыла свои страницы для представителей различных направлений в теории сельскохозяйственных кризисов. Ибо эта теоретическая проблема не получила еще единого решения в рядах аграрников-марксистов. Но в качестве крупнейшего недостатка журнала надо отметить то, что в оценке

современного состояния мирового сельского хозяйства, в вопросе о природе современного аграрного кризиса, точка зрения редакции была неправильной. В самой первой книжке «Аграрных проблем» (№ 1, 1927) в передовой статье С. Дубровского идет речь о кризисе 1923—24 гг. «именно вызванном войной кризисе недопроизводства в одних странах и перепроизводства в других» (с. 16). В этих немногих словах, равно как и в последующем изложении, скрыт целый ряд крупнейших ошибок. Во-первых, сущность аграрного кризиса автор видит лишь в явлениях недопроизводства и перепроизводства. Во-вторых, причину кризиса он видит лишь в мировой войне 1914—18 гг. В-третьих, он ограничивает кризис 1924 г. Далее разъясняется, что в результате «восстановительного процесса...» «производство в мировом масштабе настолько восстановилось, что кризис недопроизводства и соответственно высокие цены ликвидировались. Однако сельскохозяйственное производство не настолько расширилось, чтобы мог проявиться в данный момент кризис перепроизводства... Однако при современных затруднениях в развитии промышленности дальнейшее восстановление посевных площадей... делает новый аграрный кризис вполне возможным» (с. 17). Не лучше та характеристика кризиса, которая дана в статье М. Спектатора «К вопросу о послевоенном сельскохозяйственном кризисе» (№ 3, 1928). «Продолжается ли еще аграрный кризис? На этот вопрос также трудно дать совершенно категорический ответ, как впрочем и на вопрос о том, продолжается ли еще промышленный кризис, начавшийся в 1920 г. Исходя из теории аграрных кризисов, что последние являются отражением промышленных кризисов, и видя в «ножницах» расхождения цен на сельскохозяйственные и промышленные товары и зарплаты выражение этого кризиса, мы можем и по отношению к аграрным кризисам установить то же волнообразное колебание то вверх, то вниз, которое мы констатировали по отношению к промышленному кризису» (с. 170).

В одной из статей Я. Шафира (№ 4, 1928) имеется раздел об «Интернациональном аграрном кризисе 1920—24 гг.». В этом разделе, а отчасти в статье того же автора, посвященной специально мировому сахарному кризису (№ 2, 1929), развивается примерно та же концепция, что и в упомянутой статье С. Дубровского. Наконец уже в 1929 г. Гордеев уже в упоминавшейся нами статье (№ 2, 1929), провозгласил, что «сельское хозяйство изживает послевоенную депрессию» и что «Гувер стал президентом на грани изживания сельскохозяйственного кризиса». Только в конце 1929 г. на страницах «Аграрных проблем» появляются статьи, говорящие полным голосом о мировом аграрном кризисе. Наконец в последнем номере «Аграрных проблем» (№ 1, 1930) помещена статья С. Дубровского, где дается уже совершенно иная и безусловно более правильная характеристика мирового аграрного кризиса. Мы узнаем, что кризис вызван не только теми диспропорциями в мировом хозяйстве, которые создались в результате империалистической войны, но и «общими причинами, коренящимися в развитии капитализма», что он «является частью общего кризиса капитализма»; что в 1924—28 гг. кризис лишь «несколько ослабел», что кризис выражается не только в перепроизводстве и падении цен, но и в значительных социальных сдвигах в сельском хозяйстве и т. д. Все это очень хорошо. Но жаль, что редакция «Аграрных проблем» все это поняла слишком поздно, а до этого в течение трех лет по столь важному и актуальному вопросу давала неправильные указания вплоть до рассуждения проф. д-ра Риттера, преподнесенных читателю в предыдущем номере.

В 1930 г. «Аграрные проблемы» обещали перейти на ежемесячный выпуск. Однако за 7 месяцев (январь—июль) вышла лишь одна книжка журнала. Это говорит повидимому о некотором кризисе, переживаемом журналом. Будем надеяться, что из этого кризиса журнал выйдет окрепшим, перестроившимся, и впредь он будет давать читателю материал, выдержанный в идеологическом отношении и доброкачественный с научной точки зрения, что он окажется на высоте тех громадных задач, которые стоят перед ним.

Э. ПЕРШМАН

✽

ЕЩЕ ОДНА СОКРОВИЩНИЦА МАРКСИСТСКОЙ МЫСЛИ

(По поводу замечаний Маркса о книге Адольфа Вагнера)

В пятом номере «Архива Маркса и Энгельса» опубликован написанный Марксом конспект первой части книги Вагнера: *Allgemeine oder theoretische Volkswirtschaftslehre*.

Конспект этот, содержащий ряд ценнейших методологических замечаний преимущественно по вопросам теории стоимости, написан Марксом в 1881 г. По авторитетному утверждению т. Рязанова он является последней экономической работой Маркса и «дает прекрасный автентический комментарий к его теории стоимости»¹.

Актуальность опубликованной работы Маркса определяется между прочим тем, что в ней дается ответ не только на ряд вопросов, служивших предметом дискуссии между кафедрами социалистами и марксистами в конце XIX в., но и на важнейшие вопросы недавно закончившейся у нас экономической дискуссии.

Работа Маркса целиком подтверждает правильность той линии, которую заняли руководящие органы нашей партии в истекшей дискуссии, линии «борьбы на два фронта, исключая примиренческое отношение к механистическим и идеалистическим меньшевистским тенденциям в политической экономии»².

Едва ли не центральным вопросом истекшей экономической дискуссии был вопрос о месте потребительной стоимости в политической экономии. Вопрос о взаимоотношении между потребительной стоимостью и стоимостью есть вместе с тем и вопрос о характере связи между социальным и материальным, между производительными силами и производственными отношениями.

Известно, что И. Рубин, рассматривая потребительную стоимость *только* как вещественную предпосылку стоимости, считает на этом основании, что она не может являться предметом изучения политической экономии.

Любопытно, что и Вагнер таким же образом понимает учение Маркса, полагая, что по Марксу потребительная стоимость должна быть вовсе «удалена» из науки.

Маркс дает сокрушающую критику этому рубинско-вагнеровскому пониманию его концепции.

«Только *vir obscurus* (темный муж), не понявший ни слова в «Капитале», может заключать: так как Маркс в одном примечании в первом издании «Капитала» отвергает всю вздорную болтовню немецких профес-

1 «Архив М. и Э.», № 5, с. 379.

2 «Большевик» № 2, 1930, статья Милютина и Борилина.

соров насчет «потребительной стоимости» вообще и отсылает читателей, желающих получить какие-нибудь сведения о действительных потребительных стоимостях к «руководствам по товароведению», то потребительная стоимость не играет у Маркса никакой роли»³.

Это, конечно, отнюдь не значит, что потребительная стоимость и стоимость входят в предмет политической экономии на «равноправных» началах, как думали некоторые механически мыслящие товарищи.

«Она (потребительная стоимость—Э. П.), разумеется, не играет роли своей противоположности, «стоимости», которая с первою не имеет ничего общего, кроме слова «стоимость». С таким же правом он (Вагнер—Э П.) мог бы сказать, что я оставляю в стороне меновую стоимость, так как она лишь форма проявления стоимости, а не сама «стоимость», ибо для меня «стоимость» товара не есть ни его потребительная стоимость, ни его меновая стоимость»⁴.

«Она (потребительная стоимость—Э. П.) входит в рассмотрение (Betracht)⁵ лишь тогда, когда такое рассмотрение вытекает из анализа данных экономических форм, а не из умствований по поводу понятий и слов «потребительная стоимость» и «стоимость»⁶.

Для правильного понимания роли потребительной стоимости Маркс обращает особенное внимание на следующее место из первого тома «Капитала».

«Вещь может быть полезностью и продуктом человеческого труда, не будучи товаром. Тот, кто продуктом своего труда удовлетворяет свою собственную потребность, создает лишь потребительную стоимость, но не товар. Чтобы произвести товар, он должен произвести не просто потребительную стоимость, но потребительную стоимость для других, общественную потребительную стоимость»⁷ в скобках отметим, что обе спорящих стороны в истекшей дискуссии странным образом обошли это актуальнейшее место из первого тома «Капитала»).

«Благодаря этому,—заключает Маркс,—потребительная стоимость как потребительная стоимость «товара» сама обладает исторически специфическим характером»⁸.

Таким образом, исходя из конкретного анализа «товара», Маркс приходит к выводу об историчности не только меновой стоимости и стоимости, но и общественной потребительной стоимости товара.

Маркс всячески отмежевывается от Родбертуса, который под общественной потребительной стоимостью понимал общепользный характер продукта вообще, независимо от общественной формы, в которой он производится.

«Господин Родбертус, напротив, превращает «общественную потребительную стоимость «товара» в «общественную потребительную стоимость» вообще и потому несет чепуху»⁹.

Впрочем и в понимании потребительной стоимости как «полезности данной вещи» имеется коренное расхождение между Марксом, с одной стороны, и Родбертусом и Вагнером—с другой.

³ «Архив М. и Э.», с. 394. Здесь и в дальнейшем, где нет специальной оговорки, курсив везде Маркса.

⁴ Там же.

⁵ Слово «Betracht» почему-то переведено в тексте как «исследование». Нам кажется, что слово «рассмотрение» гораздо точнее передает здесь мысль Маркса.

⁶ «Архив М. и Э.», с. 395.

⁷ Там же, с. 394—395.

⁸ Там же.

⁹ Там же (разрядка наша).

Во-первых, Маркс характеризует как «нелепость» положение Родбертуса о том, что «индивидуальная потребительная стоимость противостоит индивиду и его потребностям без всякого отношения к какой-нибудь социальной организации». Маркс считает возможным говорить только о процессе труда, что он «одинаково общ всем общественным формам», но отнюдь не о потребительной стоимости.

«Индивиду,— замечает Маркс,—противостоит не слово «потребительная стоимость», а конкретные потребительные стоимости, но какие именно из них ему «противостоят» это целиком зависит от ступени общественного процесса производства и, следовательно, соответствует также «какой-нибудь социальной организации»¹⁰.

Во-вторых, Маркс категорически возражает против родбертуса-вагнеровского понимания индивида как «человека вообще», удовлетворяющего свои от века данные потребности. Он подчеркивает не только исторически обусловленный характер потребности, но и исторически определенный характер самого «человека».

«... В качестве исходного пункта следует принять определенный характер общественного человека, т. е. определенный характер общества, в котором он живет, так как здесь производство, т. е. его процесс добывания жизненных средств, уже имеет какой-нибудь общественный характер»¹¹.

В-третьих, у Маркса в отличие от «профессора-доктринера отношения человека к природе с самого начала выступают как практические отношения, т. е. основанные на действии...» «Люди,— говорит Маркс,—никоим образом не начинают с того, что «стоят в теоретическом отношении к предметам внешнего мира». Как и другие животные, они начинают с того, что едят, пьют и т. д., не—«стоят» в каком-нибудь отношении, а активно действуют, при помощи действия овладевают известными предметами внешнего мира и таким образом удовлетворяют свои потребности (они, следовательно, начинают с производства)»¹².

Мы привели только отдельные моменты из высказываний Маркса о производстве, потреблении, потребностях. Эти вопросы, крайне занимавшие Маркса начиная с самых ранних его работ (см. подготовительные работы к «Святому семейству» и «Немецкую идеологию»), получают в этой работе концентрированное отражение.

Чтобы еще больше подчеркнуть значение потребительной стоимости в своей теории стоимости, Маркс особо отмечает следующие моменты, которые «прсглядел» Вагнер:

1. В этом двойственном значении товара выражается двойственный характер труда, продуктом которого он является...
2. Стоимость одного товара представляется в потребительной стоимости другого товара.
3. Сама прибавочная стоимость выводится из специфической потребительной стоимости рабочей силы, присущей исключительно последней и т. д.».

Проглядев эти моменты, Вагнер, следовательно, не понял, что у Маркса потребительная стоимость играет «совершенно другую важную роль, чем в прежней политической экономии»¹³.

На самом деле: если вся вульгарная политическая экономия как до Маркса, так и после него потребительную стоимость рассматривала

¹⁰ Там же, с. 398.

¹¹ Там же, с. 387.

¹² Там же, с. 387—388.

¹³ Там же, с. 400.

как источник меновой стоимости, стоимость «выводила» из потребительной стоимости; если социальное направление политической экономии, включая и его «советскую» ветвь в лице И. Рубина, совершенно «элиминирует» потребительную стоимость из области политической экономии, рассматривая ее только как предпосылку образования стоимости,—Маркс, наоборот, рассматривает потребительную стоимость как один из «полюсов» товара, этого «простейшего экономического конкретного явления», изучаемого политической экономией.

Если вульгарные экономисты за единством потребительной и меновой стоимости не видели их противоположности; если представители социального направления видят противоположность потребительной и меновой стоимости, но не понимают характера их единства,—Маркс исходит из анализа товара именно как из единства противоположностей потребительной и меновой стоимости. Анализ противоречия товара и обмена товаров «вскрывает в этом простейшем явлении (в этой «клеточке» буржуазного общества) все противоречия... современного общества»¹⁴.

Основной методологический грех Родбертуса—Вагнера, приведший их к невероятной путанице в теории стоимости, заключается в том, что исходным пунктом своего анализа они берут не конкретные явления товарно-капиталистического общества, а абстрактные «понятия».

Реальные жизненные противоречия, лежащие в основе реального движения, заменяются у них безысходными противоречиями «понятий».

Маркс не жалеет эпитетов и насмешек по адресу этого «немецко-профессорского метода связывания понятий», постоянно противопоставляя ему особенности своего метода. Он смеется над «выведением понятия стоимости» Вагнером. Он пишет:

«По мнению г. Вагнера из понятия стоимости следует сперва вывести потребительную стоимость и из последней меновую стоимость, а не как у меня, из конкретной формы товара; интересно проследить эти схоластические упражнения в его новейшем издании «Grundlegung»¹⁵.

В другом месте:

«Я исхожу вовсе не из «понятий», следовательно не из «понятия» стоимости...» «Я исхожу из простейшей общественной формы, в которой продукт труда представляется в современном обществе, а это и есть «товар»¹⁶.

Но тут мы опять поневоле переносимся к последней дискуссии.

Разве саркастические замечания Маркса по адресу Вагнера и Родбертуса не сохранили своей полной силы по отношению к обеим «сторонам»?

Разве «игра в дефиниции» (Ленин) не составляет основную слабость т. Бухарина?

Разве методологическая «утонченность» работ Рубина не сводится к «бесплодной игре понятий», к чисто схоластическим упражнениям¹⁷?

Достаточно указать, что даже такие реальные явления капитализма, как зарплата, процент и т. д., Рубин ухитряется свести к роли «логической эманации... из понятия стоимости»¹⁸.

¹⁴ Ленин, «К вопросу о диалектике», «Большевик» № 5—6, 1925.

¹⁵ «Архив М. и Э», с. 386—387.

¹⁶ Там же, с. 393.

¹⁷ «Большевик» № 2, 1930, статья Милютин и Борилина.

¹⁸ И. Рубин, Очерки..., изд. 4-е, с. 81.

Беда обеих «сторон» заключалась не только в том, что они оторвались от современности, но и в том, что дискуссия шла вокруг «талмутизированных абстракций» (Сталин), «понятий», оторванных даже от конкретных явлений капиталистического хозяйства¹⁹.

Схоластический метод «связывания понятий» и привел Родбертуса к эспариванию методологической закономерности противопоставлять потребительную стоимость меновой стоимости, так как первая—де «логическая категория», а вторая—«историческая».

Маркс считает весь этот ход рассуждений глубоко схоластическим и снова привлекает внимание к единственно правильному исходному пункту анализа—т о в а р у.

«Логическая» противоположность имеется здесь только у Родбертуса и родственных ему немецких школьных профессоров, которые исходят из «понятия», а не из «социальной вещи», «товара»²⁰.

И далее Маркс с гениальной сжатостью и выпуклостью формулирует то, что является «историческим» и «неисторическим» в стоимости.

Он прежде всего отмечает, что в товарном обществе «вещь», «потребительная стоимость», выступает лишь как овеществление человеческого труда, «как затрата равной человеческой рабочей силы». Отсюда «стоимость» товара лишь выражает в исторически развитой форме то, что существует так же, хотя и в другой форме во всех других исторических общественных формах, а именно общественный характер труда, поскольку последний существует как затрата общественной рабочей силы. Если таким образом, «стоимость» товара есть лишь определенная историческая форма чего то существующего во всех общественных формах, то это же относится к «общественной потребительной стоимости», поскольку она характеризует «потребительную стоимость товара»²¹.

В этом методологически чрезвычайно богатом отрывке важно отметить по крайней мере следующее:

1. И стоимость и потребительная стоимость, как «два фактора товара», оба обладают специфически историческим характером.

Этим самым теряют почву дискуссии о невозможности примирения «логического» и «исторического»,—дискуссии, имевшие большое распространение и у нас²².

2. Но этой постановкой вопроса Маркс попутно разрешает и другое «логическое» противоречие, оказавшееся совершенно неразрешимым для обеих спорящих сторон в истекшей дискуссии. противоречие между «социальным» и «материальным». Потребительная стоимость товара вовсе не «материально-техническое» «понятие», как это думает Рубин. Как стоимость, так и потребительная стоимость товара (общественная потребительная стоимость) суть явления социального порядка.

Если стоимость выражает труд как затрату общественной рабочей силы «в другой форме», а именно в форме труда абстрактного, то общественная потребительная стоимость (потребительная стоимость для других) дает нам специфическую социальную характеристику потребительной стоимости как продукта труда индивидуального, конкретного и частного.

¹⁹ Не даром Ленин вслед за Гегелем видит основной недостаток кантовского «понятия» в том, что у Канта «понятие совершенно отделено и остается отделенным от реальности» («IX Ленинский сборник», с. 189).

²⁰ «Архив М. и Э.», с. 399.

²¹ Там же, с. 400.

²² См. напр. полемику между Рубиным и Дашковским.

Но этим самым, как мы уже видели выше, определяется вопрос о месте потребительной стоимости в политической экономии.

3. И стоимость и «общественная потребительная стоимость» товара представляют собою лишь определенную историческую форму «чего-то существующего во всех общественных формах».

Здесь интересно будет остановиться на марксовом понимании субстанции стоимости и на расхождении между Рикардо и Марксом в этом вопросе.

И. Рубин, как известно, разводит чрезвычайно много «немецко-профессорского» (читай—кантианского) тумана по вопросу о содержании стоимости.

В зависимости от метода исследования, аналитического или генетического, он выдвигает в качестве содержания стоимости то общественный труд вообще, то труд абстрактный²³. И. Рубин вообще считает «метафизическим» учение о труде как о субстанции стоимости. По его мнению такой «натуралистический взгляд на отношение между трудом и стоимостью чужд Марксу». Рубин считает, что учение о труде как о субстанции стоимости сознательно приписывается Марксу его противниками и на деле означает «ухудшение, но не улучшение теории Рикардо»²⁴. Неоднократные указания Маркса на труд как субстанцию стоимости Рубин толкует таким образом, что «в основе изменений стоимости лежат изменения, лежащие в материально-техническом процессе производства, в развитии производительности труда». Он сводит таким образом учение Маркса о труде как субстанции стоимости²⁵ к рикардовскому толкованию труда как меры величины стоимости.

Отсюда Рубин приходит к выводу, что основное различие между Рикардо и Марксом заключается не в учении о субстанции стоимости, а в учении о социальной форме производства, которую будто бы целиком игнорировал Рикардо²⁶.

Замечания Маркса на книгу Вагнера не оставляют сомнений в глубокой неправильности этой концепции.

«Г-н Вагнер мог бы как из «Капитала», так и из сочинений Зибера (если бы он знал русский язык), увидеть разницу между мною и Рикардо, который на деле интересовался трудом, лишь как мерилom величины стоимости и в силу этого не нашел никакой связи между своею теорией стоимости и сущностью денег»²⁷.

В другом месте:

«Родбертус взял меру величины стоимости у Рикардо, но так же мало, как Рикардо, он исследовал или понял самую субстанцию стоимости»²⁸.

Наконец «Рикардо (вслед за Смитом) смешивает стоимость и издержки производства: я уже в «Критике», а также в примечаниях к «Капиталу» ясно указал, что стоимость и цены производства... не совпадают»²⁹.

Разумеется, что Рикардо не мог видеть разницу между стоимостью и ценами производства, так как он рассматривал капиталистический способ производства как абсолютный способ производства, а процесс производства стоимости он считал,—как правильно указывает Р. Люксембург,—

²³ И. Рубин, Очерки..., изд. 4-е, с. 102—104.

²⁴ И. Розенберг, Теория стоимости у Рикардо и у Маркса, предисловие И. Рубина, с. 45—46.

²⁵ Слово «субстанция» Рубин всегда берет в кавычки.

²⁶ И. Розенберг, цит. соч., там же; см. также Очерки..., с. 99 и др.

²⁷ «Архив М. и Э.», с. 383—384.

²⁸ Там же, с. 400.

²⁹ Там же, с. 384.

«естественным свойством человеческого труда, индивидуального конкретного труда отдельного человека»³⁰.

Из всего сказанного с полной очевидностью явствует следующее:

1. Маркс под субстанцией стоимости (субстанцией—без кавычек) понимает общественный характер труда, труд как затрату общественной рабочей силы.

Правда, для того, чтобы быть выраженным в стоимости, общественный труд должен быть организован в достаточно высокой исторически развитой форме, каковою формою и является абстрактный труд, однако это нисколько не мешает именно общественному труду быть субстанцией стоимости.

2. В отличие от И. Рубина Маркс считает основным пороком теории стоимости Рикардо как раз то, что Рикардо видит в труде лишь меру величины стоимости и мало уделяет внимания труду как субстанции стоимости.

3. Вопреки Рубину Маркс видит отличие теории стоимости Рикардо от своей теории не в учении о форме стоимости, а в учении о роли и характере труда, лежащего в основе стоимости.

В вопросе об отличии Рикардо от Маркса правда оказалась на стороне Энгельса³¹, Люксембург и Зиберы³², а не на стороне «социальника» Рубина.

Чрезвычайную четкость вносит Маркс и в другой вопрос, немало затемненный рубинскими «комментариями»: в вопрос о роли производства и обмена в образовании стоимости.

«Вообще же в современном обмене, конечно, происходит образование меновой стоимости, как это известно любому грюндеру, фальсификатору товаров и т. п., которое не имеет ничего общего с образованием стоимости, но зорко следит за уже образованными стоимостями»³³.

Мы уже видели, что Маркс всячески подчеркивает специфически исторический характер стоимости. Однако он это делает не на основании формально-логического противопоставления «исторических понятий» «логическим», а исходя из анализа товара, как конкретного явления конкретной исторической эпохи. Поэтому Маркс протестует против попытки применения его теории стоимости к «социалистическому государству»,—попытку, которую хотел предпринять за Маркса Шеффле.

Это, тем не менее, не мешает Марксу сделать следующее существенное замечание:

«Повышение хлебных цен—выше стоимости хлеба, которая возросла в результате неурожая, будет в «социалистическом государстве» во всяком случае меньше, чем при современных хлебных ростовщиках. «Социалистическое государство» заранее будет организовывать производство таким образом, чтобы годовое предложение хлеба лишь в самой минимальной степени зависело от колебаний урожая. Размер производства, предложение и потребление будут рационально регулированы»³⁴.

Маркс в отличие от Шеффле по вполне понятным причинам заключает термин—«социалистическое государство» в кавычки, причем он здесь очевидно имеет в виду самый начальный период социализма, где еще имеет место диктатура пролетариата.

³⁰ Р. Люксембург, Накопление капитала, изд. 3-е, с. 47—48.

³¹ Энгельс, Предисловие ко II т. «Капитала», с. XVII.

³² Зибер, Рикардо и Маркс, с. 252; см. также с. 240.

³³ «Архив М. и Э.», с. 385.

³⁴ Там же, с. 386.

Огромное методологическое значение имеют замечания о стоимости рабочей силы.

«Далее я подробно показываю,—говорит Маркс, имея в виду «Капитал»,—что даже в товарном обмене, где обмениваются только эквиваленты, капиталист, как только он оплачивает рабочему действительную стоимость его рабочей силы, с полным правом, т. е. с правом соответствующим этому способу производства, приобретает прибавочную стоимость³⁵.

Стоимость рабочей силы как регулятор взаимоотношений между капиталистами и рабочими выступает здесь как закон, действующий с силой естественно-исторической необходимости, и притом закон, непосредственно вырастающий из условий товарного обмена.

Игнорирование закона стоимости рабочей силы как регулятора заработной платы—явление весьма распространенное даже среди известной части «марксистов» и имеющее место и в работе И. Рубина: «Учение Маркса о производстве и потреблении», опубликованной в том же пятом номере «Архива»,—приводит либо к лживым буржуазно-либеральным lamentациям о «несправедливости» распределения доходов, либо к открытому отрицанию эксплуатации и признанию прибыли «конститутивным» элементом стоимости (Вагнер).

По вопросу о стоимости рабочей силы заслуживает большое внимание еще следующее замечание:

«Кроме того, я, например, при определении стоимости рабочей силы исходжу из того, что стоимость ее действительно вполне оплачивается, что фактически не имеет места... Но это лишь прием, необходимый с научной точки зрения»³⁶.

Такую прямую постановку вопроса о фактическом несоответствии заработной платы стоимости рабочей силы мы в данной работе встречаем у Маркса впервые, хотя она целиком вытекает из метода «Капитала»³⁷. Именно на основании глубокого проникновения в метод «Капитала» Ленин мог за много лет до опубликования настоящей рукописи Маркса заявить, что полная оплата рабочего соответственно его рабочей силе есть лишь «идеал капитализма, но отнюдь не его действительность»³⁸. Это и отличает диалектика Ленина от некоторых механистически-мыслящих товарищей, которые даже теперь, в послевоенные годы,—когда заработная плата все больше и больше отстает от стоимости рабочей силы,—все еще продолжают твердить с усердием, достойным лучшего применения, что «в среднем заработная плата равна стоимости рабочей силы»³⁹.

Мы далеко не исчерпали всего содержания рукописи Маркса, но уже из изложенного видно, какую богатую сокровищницу мыслей представляет собой этот документ.

Значение опубликованной работы сводится в основном к следующему.

1. Она отвечает на ряд важнейших вопросов истекшей дискуссии и этим дает нам неценное оружие, помогая «как следует применить метод

³⁵ «Архив М. и Э.», с. 385.

³⁶ Там же, с. 385.

³⁷ Впрочем, целый ряд косвенных указаний на несоответствие между ценою рабочей силы и ее стоимостью мы находим в «Капитале» и в других работах Маркса. См. напр. «Зарплата, цена и прибыль» изд. ВЦИК, 1918, с. 51; «Капитал» т. I, изд. 1930, с. 234, 330, 428, 473 и «Капитал» т. III, ч. 1-я. Соч., с. 215—216; «Нищета философии», изд. 3-е, с. 55, примеч. Энгельса.

³⁸ Ленин, т. II, с. 491.

³⁹ А. Кон, Теория промышленного капитализма, М. 1923, с. 60.

борьбы на два фронта как против «рубинизма», так и против «механицизма»⁴⁰.

2. Она является чрезвычайно ценным пособием в деле овладения методом «Капитала». В частности нам представляется необходимым,— в виду того, что «Архив Маркса и Энгельса» обслуживает сравнительно небольшой круг читателей,—напечатать эту работу Маркса отдельной брошюрой в достаточном количестве экземпляров. Рубин и механисты должны быть уже в текущем году вытеснены самим Марксом и Лениным в качестве комментаторов «Капитала».

3. Работа имеет большое методологическое значение не только для исследователей капиталистического хозяйства, но и для изучения экономики советского хозяйства. Чего стоит хотя бы указание Маркса на необходимость анализировать конкретные явления в противовес «немецко-профессорскому» методу конструирования и связывания понятий. На это обстоятельство было уже исчерпывающе указано Лениным в его заметках по поводу «Экономики переходного периода» Бухарина. В данной работе Маркса это указание Ленина получило блестящее подтверждение.

В заключение нельзя не отметить, что Институт Маркса и Энгельса, показавший хорошие темпы в деле издания классиков марксизма, недопустимо запоздал с опубликованием настоящей работы Маркса. Опубликование ее во время дискуссии несомненно сберегло бы немало зря растраченного «пороха» и вероятно предупредило бы дискуссию от того тупика, в котором она фактически очутилась.

Наконец редакции «Архива» следовало бы предпослать опубликованным записям Маркса статью, содержащую экономический анализ этих записей. (Интересное предисловие т. Рязанова не ставило перед собой этой задачи). Правда, в упомянутой уже статье И. Рубина, помещенной в этом же томе «Архива»,—помимо «новых» оппортунистических открытий о законах распределения доходов в капиталистическом обществе, преподнесенных к тому же под видом учения Маркса о производстве и потреблении,—содержится еще забавная попытка «примирить» концепцию Рубина о потребительной стоимости с текстом опубликованных записей Маркса⁴¹. Но неужели редакция «Архива» действительно считает эту статью И. Рубина удовлетворительным Einleitung к работе Маркса?

Е. РАВИНСКИЙ

ОСНОВНЫЕ МОМЕНТЫ РЕКОНСТРУКЦИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР (ОЧЕРКИ)

Изд. экономстатсектора Госплана СССР ц. 2 р. 50 к. С. Минаева, М. 1930, с. 162.

Рецензируемый сборник представляет собой коллективный труд работников экономстатсектора Госплана СССР, посвященный характеристике «реконструктивных процессов, протекающих в промышленности». Фактический материал охватывает в основном период между XV и XVI съездами партии. Отдельные очерки («Динамика основных фондов промышленности») охватывают более длительный период и подвергают анализу пятилетие 1924/1925—1928/1929 гг. развития промышленности, или весь пореволю-

⁴⁰ И. Сталин, Ответ Свердловцам, «Правда», 10/11—1930.

⁴¹ Работа И. Рубина «заслуживает» специального разбора, который разумеется не может быть дан здесь.

сионный период. Сборник вмещает шесть статей: 1. С. Минаева и Е. Хмельницкой—Промышленность на новом этапе. 2. В. Вейца—К характеристике энергетического перевооружения промышленности СССР. 3. И. Горелика—Динамика основных фондов промышленности. 4. С. Югенбурга—Новые заводы и их эффективность. 5. Михайлова—Производительность труда и ее основные факторы и 6. М. Цигельницкого—Перевод предприятий промышленности на 7-часовой рабочий день и его эффективность. Весь опубликованный в сборнике материал выгодно отличается тем, что ряд статистических данных, относящихся к развитию промышленности СССР в период реконструкции, подвергнут глубокому экономическому анализу. Статистика, вместо простого ряда цифр, подчас не отвечающего на ряд актуальных экономических процессов, выросла в огромный подсобный фактор плановых органов. В этом отношении следует подчеркнуть, что указанный сборник целиком оправдал идею реорганизации аппарата ЦСУ и слияние его с Госпланом СССР. Вполне правильно отмечают авторы статьи «Промышленность на новом этапе», что советская статистика еще «должна совершить процесс превращения из пассивного регистратора прошлого, каким она неизбежно является в капиталистических условиях, в действенное и активное орудие в борьбе за социалистическое хозяйство» (с. 20). Эту задачу должен осуществить—и на пути к этому уже находится—экономстатсектор Госплана.

Ценность всего сборника в целом заключается в том, что он дает ответ на ряд проблем, связанных с завершением начального этапа реконструкции промышленности нашей страны.

Как отмечала еще XV Всесоюзная конференция ВКП(б), «одна из отличительных особенностей и вместе с тем одна из главнейших трудностей начального этапа индустриализации заключается в том, что затраты на капитальное строительство потребуют значительного напряжения народного хозяйства, между тем, как результаты нового строительства, т. е. продукция новых фабрик и заводов, лучшая по качеству и более дешевая по цене, будет поступать на рынок лишь спустя значительный срок, зачастую через несколько лет». (Стен. отчет XV Всесоюзн. конферен. ВКП(б), с. 775).

Период между XV и XVI съездами характеризуется также и тем, что реконструктивные процессы в том числе и новое строительство начали давать результаты в смысле влияния на размер продукции, качественно-техническую основу промышленности и пр. Итоговые данные в этой области показывают, что доля нового строительства, сданного в эксплуатацию, из года в год возрастала.

Процент сданного в эксплуатацию нового строительства:

	Гр. А	Гр. Б	Вся промышленность
1926/1927 г.	28,1	48,1	31,5
1927/1928 г.	30,2	72,8	37,2
1928/1929 г.	52,6	69,7	55,3

«Доля продукции новых заводов в продукции всей промышленности в 1928/1929 г. достигла 7% при 5% в 1927/1928 г. Понятно, что по отношению к приросту продукции за 1928/1929 г. доля прироста производства новых заводов будет несколько выше и достигнет 15%, а если считать со всеми вновь организованными предприятиями—27—28%» (с. 13).

Еще быстрее возрастала доля нового строительства в общей сумме капитальных вложений в промышленность. Если в 1926/1927 г. доля нового строительства составляла 13,9%, то в 1928/1929 г. она достигла

35,2% всей суммы капитальных вложений (без электростанций доля нового строительства в 1928/1929 г.— достигла 32,6%). Из общей суммы затрат на новое строительство на долю группы А приходилось в 1926/1927 г. 89,2%, в 1927/28 г.—88,2%, в 1928/1929 г.—83,9% (с. 58).

За период 1926/1929 гг. число вновь выстроенных заводов равняется 528 (за весь период революции их число достигает—984), из них на долю крупнейших единиц (свыше 5 млн руб. осн. фондов) падает всего 4,2%. Однако они концентрируют 59,8% всех основных фондов нового строительства (с. 114). Этот процесс концентрации в промышленности особенно резко выявился лишь за последние годы и в дальнейшем (с введением таких крупных гигантов, как Магнитострой, ряд авто- и тракторных заводов и пр.) процесс концентрации еще больше усилится.

Поднятие промышленности на более высокую техническую ступень, на основе ее реконструкции, сопровождалось процессом усиления ее роли в социальной и технической реконструкции всего народного хозяйства, в первую очередь сельского хозяйства. Если в 1911/1913 г. доля импорта в общей сумме потребления страной сложных сельхозмашин равнялась 70%, а простых—32%, то в 1928/1929 г. доля импорта соответственно равнялась 17% и 7%. Одновременно внутри самой госпромышленности, являющейся предприятиями последовательно социалистического типа, происходил ряд качественных изменений, в первую очередь выразившихся в факте соцсоревнования, появления ударничества, т. е. произошло качественное изменение в отношении к труду на производстве, представляющее новую форму организации труда. «Только слепые не видят, что в психологии масс и в их отношении к труду произошел громадный перелом, в корне изменивший облик наших заводов и фабрик» (Сталин)—(разрядка моя—Е. Р.).

Таким образом, завершение в основном начального этапа индустриализации, в отношении промышленности характеризуется тремя важнейшими процессами. Во-первых, реконструкция основных фондов промышленности характеризуется тем, что часть из них, концентрировавшаяся, уже вступила в эксплуатацию, подняв таким образом на более высокую ступень как техническую базу промышленности, так и уровень индустриализации страны в целом. Во-вторых—на основе данного уровня реконструкции промышленности и быстрых темпов ее развития усилилась ее решающая роль в деле технической и социальной переделки сельского хозяйства на путях к социализму и, наконец, в-третьих—внутри самой промышленности произошел ряд качественных изменений, главным образом, по линии изменения отношения рабочего класса к труду, превратив его «в дело чести, в дело доблести и геройства» (Сталин).

Эти основные процессы и характеризуют промышленность на новом этапе.

Авторы статьи «Промышленность на новом этапе», являющейся вступительной статьей ко всему сборнику, неправы, когда в единственной формулировке нового этапа, данной в статье, определяют его следующим образом:... «итоги пройденного уже этапа нового строительства, заключавшегося в основном в 1928/1929 г. в свете огромных сдвигов строительства последних лет и особенно 1929/1930 г. вплотную подводят промышленность к новому этапу, в котором бои на строительном фронте сосредоточиваются вокруг наиболее крупных, наиболее мощных и технически-совершенных объектов» (с. 13) (разрядка моя—Е. Р.).

Дать такую формулировку нового этапа в промышленности—значит за новыми процессами технической реконструкции не видеть социаль-

ных процессов, происходящих внутри самой промышленности и благодаря ей во всем народном хозяйстве. Нельзя сказать, что авторы статьи игнорируют социальные процессы реконструкции (не хватало бы еще этого!), но в определении ими нового этапа они отсутствуют. От этого довольно интересная статья теряет свое значение руководящей статьи ко всему сборнику.

Большой интерес представляют собою последующие очерки, помещенные в сборнике. Статья В. Вейца «К характеристике энергетического перевооружения промышленности СССР» дает богатый фактический материал, относящийся к характеристике руководящей роли, «которую играет проблема реконструкции энергетической базы в общей системе технического перевооружения производительных сил нашей страны» и решения задачи в кратчайший исторический срок «догнать и перегнать» технический уровень производительных сил наиболее передовых из капиталистических стран. «Энергобаланс нашей страны с 3,24 млрд. *kwh* в 1925/1926 г. подымается до 4,8 млрд. *kwh* к началу первого года пятилетки и должен по расчетам достигнуть около 33 млрд. *kwh* в 1932/1933 г.» (с. 24). Если 1 25/1926 г. принять за 100, то в относительных цифрах темп роста последующих лет выразится для 1927/1928 г.—148,2% и около 1 020% для 1932/1933 г.

Действующая мощность электростанций с 1,4 млн. *kwh* в 1925/1926 г. поднимается до 7—8 млн. *kwh* к концу пятилетки (около 550% к 1925/1926 г.). Но особенность развития энергетической базы нашей страны заключается не только в бурных темпах роста, которых не знала ни одна передовая капиталистическая страна. Наше преимущество перед ними заключается и в ряде качественных преимуществ. «В то время, как у нас удельный вес мощности бездействовавших в промышленности двигателей составлял $\frac{1}{10}$, в Германии он превосходил $\frac{1}{4}$ от суммарной мощности первичных двигателей» (с. 29). Автор на основе ряда статистических данных приходит к совершенно правильному выводу, что «по целому ряду важнейших качественных показателей, по ряду основных технических коэффициентов в области перевооруженности промышленности мы уже вплотную достигли уровня передовых капиталистических стран, в отдельных случаях превзойдя последний» (с. 46). При решении задачи «догнать и перегнать» наши преимущества заключаются в том, что тот же по качеству технический уровень производительных сил при иных социальных отношениях, чем в капиталистических странах, дает гораздо большую эффективность и переходит из состояния «загнивания» в период бурного расцвета. Автор подтверждает это рядом ярких иллюстраций. «Если напр. в Англии новый млн. *kwh* мощности дает стране дополнительный поток энергии в размере около 2 млрд. *kwh*, то у нас он составит не менее 5 млрд. *kwh*» (с. 23).

Статья И. Горелика «Динамика основных фондов промышленности» приводит ряд данных, относящихся к динамике основных фондов промышленности за пятилетие 1924/1925—1928.1929 гг. Установив, что «динамика основных капиталов в значительной степени предопределяется динамикой капитальных вложений», автор приводит ряд статистических данных, свидетельствующих о том, что за указанное пятилетие основные фонды промышленности в целом в среднем дали прирост—55,5%, в том числе по группе А—88,7%, по группе Б—23,4% (с. 71). Однако, рост основных фондов сопровождался процессами концентрации и рационализации. Данные, относящиеся к Донбассу, показывают, что в 1913 г. общее число шахт достигло 1 200 при добыче в 25,3 млн. тонн. В среднем на 1 шахту приходилось добычи 21,1 тыс. тонн. В 1928/1929 г. по всему

Донбассу насчитывалось 345 шахт при добыче в 30,7 млн. тонн, что в среднем давало на шахту—89,0 тыс. тонн. Одновременно усилился процесс механизации (особенно в части внедрения врубовых машин). В 1921—1922 г. процент механизированной добычи угля равнялся 3,3%, в 1928/1929 г. он поднимается до 30,3%.

Процесс механизации значительно усилился в нефтяной промышленности и прочих отраслях.

Процесс реконструкции основных фондов и рационализации в значительной мере определили высокие темпы роста продукции последних лет. При росте среднегодового основного капитала на 37,3%, числа рабочих на 63,4% и выработки одного рабочего на 43,3%, валовая продукция увеличилась почти в 2¹/₂ раза (с. 88). В этих цифрах сказываются огромные преимущества, заложенные в нашей промышленности, которые далеко еще полностью нами не использованы.

Большой интерес вызывает статья С. Югенбурга «Новые заводы и их эффективность». Читателю должна быть известна дискуссия, не законченная еще и по сей час о проблеме эффективности капиталовложений. Некоторые авторы (Акуленко и др.) фактически стали на точку зрения существования так называемого «закона» убывающей производительности последовательных капиталовложений в промышленность, т. е. на «теорию», ничего общего с марксизмом не имеющей. Автор не учел в своей работе (возможно, что наличный статистический материал не позволял этого сделать) всей дискуссии по вопросу об эффективности капиталовложений. В его работе фигурирует только один, правда, весьма существенный показатель эффективности—себестоимость продукции новых заводов. Необходимо подчеркнуть, что статья С. Югенбурга не удовлетворяет полностью проявленный к ней сначала интерес. Однако, в статье имеется богатый материал, освещающий впервые состояние нового строительства в промышленности и с этой стороны представляет безусловный интерес.

Следующие два очерка—Михайлова—«Производительность труда и ее основные факторы» и М. Цигельницкого—«Перевод предприятий промышленности на семичасовой рабочий день и его эффективность» трактуют динамику труда в производстве. За период 1926/1927—по 1928/1929 г. производительность труда в промышленности повысилась на 27,7%, а в последнем квартале 1928/1929 г. на 35% против 1926/1927 г. (с. 124).

Переходя к характеристике основных факторов производительности труда, т. Михайлов вполне правильно выдвигает на первый план показатель энерговооруженности, который находится в прямой пропорции с показателем производительности труда. Следующий ряд является яркой иллюстрацией достижений промышленности за последние годы. Если 1927/1928 г. принять за 100, то в 1928/1929 г.—т. е. за год энерговооруженность труда во всей промышленности достигла 111,2%, производительность труда 115,1%, зарплата 109,7%, доля зарплаты в стоимости валовой продукции 97,3% (с. 128—129). Автор приходит к вполне правильным выводам, что «здесь отчетливо проявляется эффект тех значительных капитальных вложений в промышленность, которые шли по линии реконструкции старых заводов, переводя их на новую, более высокую техническую базу» (с. 128).

Значительный рост производительности труда (хотя и отстающего от плана) определился—особенно в последний год—также ролью новой формы организации труда—социалистического соревнования. Указанные факторы дают возможность утверждать, что рост производительности

труда у нас идет и будет идти по незатухающим темпам. В 1927/1928 г. производительность труда поднялась на 10%, в 1928/1929 г. на 15%, и в 1929/1930 г. по плану запроектировано—25%. Нет сомнения, что следующие годы дадут все повышающуюся кривую роста производительности труда. Для характеристики эффективности перевода предприятий на 7-часовой рабочий день М. Цигельницкий приводит ряд важнейших показателей, имеющих значение не только для нашего хозяйства, но и огромное политическое значение для международного пролетариата.

Прежде всего, две яркие цифры, определяющие смысл диктатуры пролетариата. По сравнению с 1913 г. рабочий день в настоящее время ниже почти на 30%, реальная же зарплата возросла за этот период на 38%. Средняя продолжительность рабочего дня в 1929/1930 г., при условии перевода всех рабочих на 7-часовой рабочий день, составит 7,15 часа, на предприятиях, работающих уже 7 час., средняя продолжительность рабочего дня колеблется от 6,5 до 6,85 час. (с. 143). Устранимые потери, преждевременный уход, опоздания, которые при 8-часовом дне на Люберецком заводе составляли 18,8% всего рабочего дня, при переходе на 7-часовой рабочий день упали до 0. Уплотнение рабочего дня, рационализаторские мероприятия—являются необходимыми спутниками при переходе на 7-часовой рабочий день. Отсюда и рост производительности труда и снижение себестоимости, показатели которых на предприятиях с 7-часовым рабочим днем не отстают, а в некоторых предприятиях превышают аналогичные с 8-часовым рабочим днем.

В заключение необходимо подчеркнуть, что, несмотря на некоторые недостатки, сборник в целом представляет большой интерес не только для специального круга исследовательских работников, но и для более широкого круга партийного, профессионального и хозяйственного актива.

Э. П.

Ю. Б. КУЧИНСКИЕ, ФАБРИЧНЫЙ РАБОЧИЙ В АМЕРИКАНСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Перевод с немецкого с предисловием К. Радека

Изд. 1930, с. 208.

Авторы рецензируемой книги,—отнюдь не марксисты, а буржуазные реформисты,—поставили своей целью дать картину экономического состояния американского пролетариата с 1899 г. по 1928 г. В основу работы положен огромный статистический материал, почерпнутый из буржуазных и реформистских источников,—преимущественно из статистического бюро Американской федерации труда (АФТ), которым руководил Кучинский.

Как достоверность указанных источников, так и правильность методологического подхода авторов к анализу цифрового материала в ряде случаев должны быть подвергнуты величайшему сомнению.

Авторы подвергают дружеской и весьма беспринципной «критике» теорию социальной заработной платы Грина, легшую в основу всей политики заработной платы американских желтых профсоюзов. Однако сами они взяли именно основные принципы этой теории в качестве предпосылок для своих построений. Так же, как и Грин, они являются сторонниками теории организованного капитализма (с. 45), видят панацею от всех зол капиталистического общества в соответствии между ростом заработной платы и производительности труда, и считают, что правильно поставленная статистика движения заработной платы и произво-

дительности труда является для капиталистического общества лучшей гарантией от периодических кризисов (с. 9). Поэтому авторы совершенно некритически заимствуют из арсенала АФТ так называемый индекс социального положения рабочего, под которым они понимают результат деления заработной платы одного рабочего на стоимость средней продукции, приходящейся на одного потребителя. Но поскольку продукция может быть выражена в оптовых ценах и в розничных ценах, постольку нашим авторам, вслед за официальной статистикой АФТ, ничего не стоит «вычислить» социально-экономическое положение рабочего, во-первых,—в оптовых ценах и, во-вторых,—в розничных ценах (с. 75 и др.).

Размеры рецензии не позволяют нам со всей обстоятельностью вскрыть глубоко апологетический характер этой концепции. Отметим лишь следующее.

Во-первых, то что авторы называют индексом социально-экономического положения рабочего ничего общего не имеет ни с марксистским пониманием относительной заработной платы, под которой разумеется отношение заработной платы к прибавочной стоимости, ни с понятием доли рабочего класса в народном доходе, под которым имеется в виду отношение доли получаемой всем рабочим классом ко всей вновь создаваемой стоимости, между тем как «индекс социального положения» имеет в виду только зарплату занятых рабочих и совершенно игнорирует безработных. Сконструированный теоретиками АФТ и воспринятый обоими авторами «индекс социально-экономического положения рабочего» представляет собою особый кунштштук, необходимый для того, чтобы смазать социальное значение все более катастрофически растущей структурной безработицы.

Во-вторых,—к сведению открытых и скрытых сторонников социального направления в политической экономии, одной из разновидностей которого является и теория социальной заработной платы,—следует отметить, что даже доля рабочего класса в народном доходе, будучи одним из показателей социального положения рабочих, вовсе не является решающим фактором, определяющим социально-экономическое положение рабочего класса. На самом деле решающую роль в определении социального положения рабочего класса играет рост органического строения капитала, степень концентрации и централизации капитала, степень развития капиталистических монополий и т. д.

Поскольку «индекс социального положения» АФТ учитывает падение цен, но не учитывает безработицы, нет ничего удивительного в том, что в вычислениях АФТ, механически позаимствованных и авторами рецензируемой книги, наиболее высокий индекс социально-экономического положения рабочего класса показан для... 1921 г., года первого крупнейшего послевоенного кризиса (с. 22, 74).

Нечего и говорить о том, что если помножить этот индекс на индекс занятости рабочих в год кризиса, то картина получается совершенно иная.

Большое сомнение вызывают также приведенные авторами данные о росте реальной заработной платы в год кризиса (с. 17).

Весьма спорным является и метод исчисления безработицы, применяемый нашими авторами. Во всяком случае несомненно, что процент безработицы по отношению к кризисному 1921 г. ими явно преуменьшен, составляя по их данным 13,2% против 11,9% в рекордном 1919 г. (с. 49), между тем как, по их же данным, число рабочих занятых в промышленности падает в 1921 г. по сравнению с 1919 г. на 22,8% (с. 12). По

этому вопросу несомненно более правдоподобными являются данные нашего советского статистика, М. Смит, которая, принимая индекс занятости американских рабочих в 1923 г. за 100, устанавливает для 1919 г. индекс в 108,2, а для 1921 г.—85,1. (См. М. С м и т, Динамика кризисов и положение пролетариата, М. 1927, с. 48).

Авторы, изучая движение зарплаты и жизненного уровня рабочего класса Америки, отводят целую часть книги популяризации Американской федерации труда, но ни словом не упоминают о великих классовых боях между трудом и капиталом, получивших особенное развитие в период между 1919 и 1923 гг. Авторы совершенно обходят предательскую роль АФТ в этой борьбе и влияние этих классовых боев на сложившееся соотношение классовых сил.

Однако при всех отмеченных недостатках,—число которых можно было бы еще значительно увеличить,—книга представляет собою весьма ценное пособие для изучения положения американского пролетариата. Никакие попытки авторов к приукрашиванию действительности не могут скрыть того основного факта, что положение рабочего класса при монополистическом капитализме не только не улучшается, но систематически ухудшается. Индекс покупательной способности рабочих по отношению к продукции резко падает, составляя в 1928 г. только 70% по сравнению с 1899 г. (с. 18). Материальное положение рабочего класса до войны ухудшается не только относительно, но и абсолютно. Авторы прямо устанавливают падение реальной заработной платы рабочего с 1899 до 1914 г.; с 1914 по 1919 г. некоторый подъем¹, но все же уровень реальной зарплаты остается ниже, чем в 1899 г. В дальнейшем констатируется подъем реальной заработной платы занятых в промышленности рабочих, каковая (зарплата) составляет в 1928 г. 123,6% по отношению к 1899 г. (с. 17).

Однако рост реальной зарплаты занятых в промышленности рабочих еще не означает абсолютного улучшения материального положения рабочего класса. Стоит вспомнить в связи с этим, во-первых, рост «структурной» безработицы,—явление, которое по мнению самих авторов «значительно и дает основание к размышлению» (с. 44), во вторых, громадный рост интенсивности труда, особенно в связи с послевоенной рационализацией.

Любопытно, что авторы, много говоря о росте производительности труда, ни словом во всей книге не обмолвились о росте интенсивности. Между тем рост выработки в последние годы имел место главным образом именно за счет роста интенсивности труда. Это обстоятельство косвенно подтверждается хотя бы тем, приводящим в изумление самих авторов, фактом, что главный рост выработки имел место именно в отраслях с сравнительно низким органическим строением капитала, как-то: в табачной, текстильной и бумажной промышленности (с. 100).

Критический анализ движения реальной заработной платы с учетом вышеприведенных моментов позволяет таким образом, установить и в послевоенные годы, как и в предвоенные, не только относительное, но и абсолютное ухудшение материального положения рабочего класса.

Одна из особенностей теории американского «процветания» заключалась в том, что согласно этой теории рационализация производства

¹ Тов. Бимба, автор книги «История американского рабочего движения», вопреки этим данным устанавливает для периода 1913—1919 гг. дальнейшее резкое понижение реальной заработной платы. См. Бимба, История американского рабочего движения, с. 200—201.

в Америке привела не только к колоссальному росту капиталистических доходов, но и к значительному улучшению материального положения рабочего класса, что должно было означать свертывание перспектив развития революционного движения в Америке.

Если нынешний американский кризис нанес сокрушительный удар этой теории, доказав, что никакого процветания не существует, то цифры и факты, приведенные в книге Кучинских усиливают еще более этот удар, показывая, что процветания в вышеприведенном смысле вовсе и не существовало.

Именно к этому периоду пресловутого «процветания», — 1925 — 1928 гг., — относится удлинение рабочего дня (с. 95); именно к этому периоду относится не только обострение социальных противоречий между капиталистами и рабочими в связи с абсолютным и относительным обнищанием рабочего класса, но и рост противоречий между квалифицированными и неквалифицированными рабочими, между организованной в профсоюзах верхушкой рабочего класса (12%) и огромной массой неорганизованных (с. 72, 108—111).

В главах о социальном законодательстве, об охране труда женщин и детей дана безотрадная картина полной беспризорности и беззащитности рабочих. Это положение может быть резюмировано следующими словами авторов: «Американский рабочий является одним из наименее социально опекаемых, наименее социально защищенных рабочих мира» (с. 113).

В этих главах дан чрезвычайно интересный материал для сопоставления положения рабочих в пока еще нищей и технически слабой стране строящегося социализма и в наиболее богатой и технически-передовой стране капитала.

Книга Ю. и М. Кучинских представляет, — независимо от их желания, — прекрасный иллюстративный материал к решениям VI конгресса Коминтерна и XVI съезда ВКП (б) об абсолютном и относительном обнищании рабочего класса. Она целиком подтверждает правильность тактики американской компартии, намеченной в известном выступлении т. Сталина, тактики, рассчитанной на мощное развертывание коммунистического движения в Америке.

Книга написана сравнительно популярно и заслуживает широкого распространения.

К сожалению примечания от редакции, имеющие целью выяснить неправильность отдельных положений авторов, носят слишком общий и поверхностный характер.

О ЗАДАЧАХ ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ В ОБЛАСТИ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ

I. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1. Текущий период социалистического строительства выдвинул перед марксистско-ленинской научно-исследовательской мыслью огромные задачи теоретического осознания и предвидения в сфере процессов социалистической реконструкции. В особенности это относится к области экономических наук, так как социалистическое строительство есть прежде всего создание основ социалистической экономики. Существующее положение характеризуется резким отставанием теоретической экономической мысли от потребностей практики социалистического строительства. Теория здесь зачастую не только не предвидит заранее изменений в направлении нашего хозяйственного развития, но иногда не успевает даже своевременно осознать тех процессов, которые уже происходят. По этой причине актуальная задача теоретической разработки мероприятий, осуществляемых партией и рабочим классом в области социалистического переустройства нашего хозяйства, которая должна составлять главное содержание работы экономической научной мысли в СССР, выполняется в совершенно недостаточной мере.

2. Институт экономики Комкадемии призван, согласно §§ 2 и 3 постановления ЦК партии о мероприятиях по укреплению научной работы («Правда» от 13 июля 1929 г.), идеологически руководить и играть роль планирующего центра в соответствующих областях научно-исследовательской работы.

Однако за год, прошедший со времени указанного постановления, работа, проведенная экономической секцией в направлении осуществления задач, поставленных перед ней ЦК партии, и всем ходом социалистического строительства, была недостаточной. Экономическая секция не осуществила задачи фактического объединения вокруг себя всех научно-партийных сил в области экономики и превращения в центр партийной экономической мысли, не осуществила практически коренного поворота к разработке проблем реконструктивного периода.

Непосредственной причиной невыполнения вышеуказанных задач было слабое развитие в секции коллективной работы, являющейся основным условием плодотворной и своевременной разработки проблем социалистического строительства. Создание действенных коллективов для разработки тех или иных вопросов сильно тормозилось отсутствием на постоянной работе в Институте экономики сколько-нибудь значительного числа научных работников и крайней трудностью привлечения к практическому участию в работе Института научных работников - экономистов, занятых на работе в хозяйственных учреждениях.

3. Положительная работа Института экономики за истекший год выразилась, главным образом, в издании журнала «Проблемы экономики» и в постановке публичных теоретических докладов и дискуссий по вопросам советской экономики. Параллельно была проведена значительная организационная работа, результатом которой было создание при Институте некоторого постоянного кадра квалифицированных научных работников и тем самым подготовка одной из основных предпосылок для подхода в ближайшее время вплотную к осуществлению задач Института. Однако, само по себе, число этих работников далеко недостаточно; настоятельной задачей Института является дополнительное комплектование научных работников и осуществление ряда организационных мероприятий, обеспечивающих вовлечение в постоянную работу Института научных работников-экономистов, занятых на хозяйственной работе.

4. Ближайшей задачей Института экономики является превращение в руководящий центр партийной научно-экономической мысли, в орган классовой борьбы на теоретическом фронте, подвергающий решительной методологической критике правый и левый оппортунизм, беспощадно раскрывающий его классовое содержание, дающий резкий отпор каждой вылазке буржуазных ученых типа Чаяновых, Кондратьевых, Сухановых и т. д., скрывающих под маской «лояльности» организованную враждебность пролетарскому государству. В соответствии с этим содержание научно-исследовательской работы Института должно определяться следующими моментами:

а) сосредоточение центра тяжести работы Института на теоретической разработке проблем социалистической реконструкции, в особенности, проблем генерального плана, социалистического воспроизводства в СССР и т. д.

б) теоретическая разработка проблем современной фазы империализма, а также проблемы взаимоотношений СССР с капиталистическим миром (совместно с Институтом мирового хозяйства);

в) теоретическая работа по разоблачению правых и «левых» уклонов от генеральной линии партии, в первую очередь правого уклона, как главной опасности на нынешнем этапе;

г) творческая разработка наименее разработанных частей марксовской политической экономики;

д) борьба против буржуазной идеологии в СССР и капиталистических странах;

е) помощь Института, как научно-исследовательского учреждения, в работе партии по подготовке кадров.

5. Плодотворная и своевременная разработка проблем, выдвигаемых социалистической реконструкцией нашей экономики, а также проблем современной фазы империализма может быть осуществлена лишь при условии согласованной совместной работы в этой области всех партийных научно-экономических кадров, в частности, путем координирования в соответствии с вышеуказанным постановлением ЦК партии всей работы ведомственных (наркоматских) научно-исследовательских институтов с работой Комакадемии при обеспечении идеологического руководства со стороны последней. Во всей своей работе Институт экономики должен быть непосредственно связан с плановыми и хозяйственными органами.

6. Большую роль в деле успешного осуществления целей Института должен сыграть журнал «Проблемы экономики», главной задачей которого является теоретическое освещение наиболее актуальных проблем переходной экономики и систематическая жестокая борьба против уклонов и оппортунистических извращений партийной линии, против всяких «тео-

рий» и «теориек», оправдывающих эти уклоны и извращения. Тем самым «Проблемы экономики» должны стать боевым политико-экономическим органом партии и добиться привлечения к себе внимания широких кругов партийного актива, нисколько не снижая при этом своего высокого теоретического уровня.

7. В основу работы Института должно быть положено продвижение результатов научно-исследовательской работы в массы путем устройства широких докладов и дискуссий и издания научно-популярной экономической библиотеки. Помимо самостоятельного значения этого продвижения оно должно сыграть большую роль в деле оживления работы Института и привлечения внимания широкого партактива к Институту и журналу.

8. Одной из задач Института на ближайший год является ускорение темпа работ по изданию «Экономической энциклопедии» при одновременном обеспечении идеологической чистоты и высокого научного качества помещаемого в ней материала.

9. Огромное значение научно-исследовательской работы для социалистического строительства требует постановки ее в центр всей работы Института экономики. Ни в коем случае недопустимо такое положение, чтобы сама по себе чрезвычайно важная работа по подготовке кадров (аспирантура) заслоняла собой громадные задачи, стоящие перед Институтом экономики в области научного исследования.

II. СОДЕРЖАНИЕ И ОРГАНИЗАЦИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ

В соответствии с вышеприведенными общими положениями, относящимися к научной работе Института экономики, Президиум Комкадемии постановляет:

A. Внутренняя организация научно-исследовательской работы Института

1. Организовать научно-исследовательскую работу Института экономики на основе отделения ее от учебной работы. Это не исключает, а наоборот, предполагает постепенное и последовательно проводимое вовлечение аспирантуры как самого Института, так и аспирантуры Института красной профессуры в научно-исследовательскую работу Института экономики.

2. Добиться максимального осуществления в научной работе Института метода коллективных работ путем создания жизнеспособных и действенных групп по отдельным комплексным и частным проблемам.

3. Максимально упростить организацию научной работы Института, осуществив непосредственную связь между отдельными группами и Президиумом Института и обеспечить фактическое руководство Президиума группами и контроль над их работой.

4. Увязать план научно-исследовательской работы Института с планом его издательской работы, поставив основной задачей каждой работающей группы обязательное издание к концу 1930/1931 г. сборника или другого вида коллективной печатной работы, посвященного данной проблеме.

5. Предусмотреть в плане научной работы Института на 1930/1931 г. создание и всемерное развитие подсобных научных учреждений (бюро вырезок, архив, специальные кабинеты - библиотеки и т. д.) Института с соответствующими ассигнованиями на это.

Б. Основные линии научно-исследовательской работы Института экономики на 1930/1931 г.

1. Предусмотреть в плане научно-исследовательской работы Института экономики обязательное создание групп для проработки следующих тем:

а) «Проблема воспроизводства в СССР», включая сюда разработку методологии составления народнохозяйственного баланса и генерального плана.

б) «Проблема денег и кредита в СССР» (в связи с реконструкцией финансовой системы).

в) «Теоретические проблемы современной фазы империализма».

г) «СССР и мировое хозяйство».

д) «Теория рынка, кризисов и конъюнктуры».

е) «Географическое размещение промышленности, сельского хозяйства и транспорта в генеральном плане» (комплексная группа с участием экономистов промышленности, транспорта, аграрников, экономгеографов и плановиков).

ж) «Проблема труда на новом этапе» (в связи с генпланом).

з) «Организация труда в колхозах» (совместно с Аграрным институтом).

и) «Социальный состав пролетариата в СССР».

к) «Методика преподавания политэкономии, теории советского хозяйства и экономполитики, экономики промышленности и др. экономиче-ских дисциплин».

л) «Методология и методика экономгеографии» (при ней кружок по вопросам преподавания экономгеографии).

м) «Энергетическая группа».

н) «Группа рационализации и организации производства».

о) «Группа истории техники».

п) «Тенденции современного техн. развития» (в связи с генпланом)

2. Помимо создания указанных групп предусмотреть в плане работ Института подготовку и выпуск следующих печатных работ:

а) сборника, посвященного систематической критике экономической теории правого уклона.

б) сборника, посвященного систематической критике построений буржуазных и мелкобуржуазных экономистов в СССР (Базаров, Альб. Вайнштейн, Громан, Кацеленбаум, Кондратьев, Первушин, Соколов, Финн-Енотаевский, Юровский и др.), включив сюда все проблемы экономической теории, за исключением специально аграрных, разрабатываемых Аграрным институтом.

в) сборника о современных буржуазных экономистах Зап. Европы и Америки (главным образом, о социально-политической школе и американских конъюнктуристах).

г) коллективного учебника по политэкономии в связи с теорией советского хозяйства для соц.-экономических вузов.

д) коллективного учебника и хрестоматии по истории техники для вузов и втузов.

В. Научные кадры Института

1. Обратиться в ЦК ВКП(б) с просьбой о переводе, во исполнение вышеупомянутого постановления ЦК о мероприятиях к укреплению научной работы (§ 11), на постоянную научную работу в Институт экономики Комкадемии некоторого числа научных работников - коммунистов, занятых на административной работе в советских учреждениях.

2. Возбудить перед ЦК ВКП(б) ходатайство о предоставлении, во исполнение того же постановления (§ 6), 4 — 6 мес. отпуска исключительно для научной работы группе научных работников—коммунистов, занятых в советских учреждениях. Поручить Институту экономики в десятидневный срок представить Президиуму Комакадемии персональный список товарищей, относительно которых возбуждается ходатайство об отпуске с указанием продолжительности каждого отпуска, календарного срока его и характеристики работы, поручаемой товарищу, получающему отпуск.

3. Обязать Президиум Института экономики вести систематическую работу по комплектованию научных работников, как штатных так и внештатных, имея в виду, чтобы к 1-му декабря 1930 г. все исследовательские группы Института были обеспечены основным рабочим составом и руководителями. При комплектовании научных сотрудников иметь в виду директиву об улучшении партийного и социального состава научных работников Комакадемии и о повышении их научной квалификации.

Г. Связь с научно-исследовательскими учреждениями и группами в Москве и провинции

1. Обеспечить в части Института экономики выполнение постановления ЦК ВКП (б) о превращении Комакадемии в планирующий центр марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений и об обеспечении идеологического руководства Комакадемии их работой путем организации при Институте планового бюро с участием представителя Института экономики Комакадемии, Института экономики Красной профессуры, ИЭИ Госплана и сектора науки и просвещения ЦК ВКП(б). На обязанности бюро лежит согласование между собой планов научно-исследовательской работы Института экономики Комакадемии, его Ленинградского отделения и ведомственных (союзно-наркоматских) институтов, разграничение работы всех указанных институтов, постановка новых вопросов, подлежащих изучению, заслушивание отчетов о работе отдельных институтов и вообще обеспечение идеологически правильной и своевременной разработки актуальных проблем социалистической реконструкции и наиболее рационального использования в этом направлении наличных сил.

2. Обеспечить активизацию работы научных групп в провинции путем: а) создания на первое время в республиканских, краевых и областных центрах активов экономистов, объединив их вокруг журнала «Проблемы экономики», б) выездов на места с докладами на темы, служащие объектом работы Института в) организации заочной консультации научным работникам в провинции.

Осуществление намеченных мероприятий должно подготовить почву для создания Общества экономистов-марксистов и созыва всесоюзной конференции Общества.

Д. Продвижение результатов научно-исследовательской работы в массы.

1. Предусмотреть в плане работы Института экономики постановку ряда докладов на темы, служащие предметом работы Института с привлечением на эти доклады партактива и хозяйственных работников Москвы.

2. Разработать план издания научно-популярной экономической библиотеки по вопросам экономической теории и актуальным проблемам советской и мировой экономики.

В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ»

Уважаемые товарищи!

Не откажите напечатать в вашем журнале настоящее письмо, относящееся к трактовке проблемы финансового капитала в России, решение которой теснейшим образом увязано с оценкой характера Октябрьской революции и теоретической разработкой вопроса о перспективах социалистического строительства в СССР.

В вышедшем в январе 1930 г. стенографическом отчете I Всесоюзной конференции историков - марксистов напечатана стенограмма доклада Н. Ванага: «О характере финансового капитала в России». Касаясь моей трактовки финансового капитала в России, Ваног говорит: «...исходя из одних с Гушкой-Ерманским предпосылок (?), наши защитники «национального» капитализма приходят к одинаковым с ним выводам по существеннейшим вопросам нашего спора.

«Сравните, например, положения наиболее последовательного защитника национальной системы финансового капитала т. Грановского со взглядами Гушки-Ерманского. Грановский пишет: «Предыдущий анализ дает руководящую нить для понимания внешней политики русского империализма. Система внешней политики царизма была политической надстройкой системы финансового капитала в России» (ссылка на «Вестник Комкадемии» № 22, с. 115) ¹.

Вслед за этим Ваног цитирует Ерманского, стоявшего на точке зрения перерождения социальной природы русского самодержавия, и заключает:

«Общность руководящей идеи, несмотря на некоторую разницу в рассматриваемых двумя авторами объектах (Грановский—внешняя политика, Гушка-Ерманский—внутренняя политика) очевидна. Если мы примем во внимание, что Ерманский недвусмысленно намекает на изменение социальной природы самодержавия в вышеотмеченном уже духе, то связь концепции т. Грановского и др. сторонников национальной системы финансового капитала со взглядами Гушки-Ерманского — не может быть подвергнута осмнению» ².

Сопоставление с Ерманским имело бы какое-нибудь основание, если бы не одна «мелочь»: Ваног приписал мне слова, никогда мною не написанные и совершенно противоположные тому, о чем я говорил в действительности. Здесь мы встречаемся с фактом, для характеристики которого трудно подобрать подходящее выражение.

В самом деле, сравните написанное в обеих колонках:

Сказано у Грановского

„Цитировано“ Ваногом.

«Предыдущий анализ дает руководящую нить для понимания внешней политики русского империализма.

Как система внешней политики, русский империализм никогда не был чистым капиталистическим империализмом. В нем было немало элементов военного-феодала характера, как это отмечал Ленин.

Поскольку же он был капиталистическим империализмом, он был политической «надстройкой» системы финансового капитала в России.

(«Вестник Комкадемии» № 22, с. 114—115).

«Предыдущий анализ дает руководящую нить для понимания внешней политики русского империализма.

Система внешней политики царизма была политической надстройкой системы финансового капитала в России» (ссылка на № 22, с. 115).

¹ «Труды I Всесоюзной конференции историков-марксистов», т. I, с. 318—319.

² Там же, с. 319.

Разница между тем, что фактически написано мною, и тем, что приписано мне Ваногом—огромнейшая.

Исходя из ленинского понимания русского империализма, я считал и считаю, что он никогда не был чистым капиталистическим империализмом, а представлял собою сплетение военно-феодального и капиталистического империализма с преобладанием первого.

Эта установка целиком и полностью отражает установку Ленина, выраженную в следующих словах:

«В 1904—16 гг. особенно рельефно обрисовалось соотношение классов в России за последние годы царизма. Горстка крепостников-помещиков, возглавляемая Николаем II, была у власти в теснейшем союзе с магнатами финансового капитала, которым доставались неслыханные в Европе прибыли и в пользу которых заключались грабительские договоры внешней политики»³.

Признание того, что внешняя политика царизма частично преследовала цели капиталистического империализма, и установление связи этих элементов внешней политики царизма с экономической системой финансового капитала в России таким образом несколько не противоречат признанию крепостнического характера российского самодержавия.

Ваног приписал мне никогда мною не сказанные слова для того, чтобы вопреки прямым моим указаниям на крепостнический характер царизма⁴ приписать мне и другим противникам его концепции (на конференции против взглядов Ваного выступало не менее половины участников прений) меньшевистский взгляд о перерождении классовой природы самодержавия.

Ваног не удовольствовался тем, что, пользуясь моим отсутствием на конференции историков-марксистов, устно извратил мои слова и взгляды, тем, что вторично искажил их в печати, в стенограмме конференции. Указанный доклад Ваного все с той же «цитатой» и комментариями к ней напечатан недавно отдельным изданием⁵. Наконец, указанный доклад без изменений, т. е. опять-таки с той же извращенной «цитатой» приведен Ваногом и в новом третьем издании его книги⁶, являющейся одним из учебных пособий при прохождении проблемы финансового капитала в России. Таким образом Ваног не постеснялся преподнести не только конференции историков-марксистов, но учащимся наших комвузов и вузов грубое извращение в качестве «последнего слова» марксистской науки. Такие методы должны быть решительно осуждены.

С коммунистическим приветом Е. Грановский.

³ Ленин, Собр. соч., т. XX, ч. 2, с. 570.

⁴ См. мою статью в «Вестнике Комкадемии», № 22, с. 121 и книгу «Монополистический капитализм в России», с. 158.

⁵ Ваног Н., О характере финансового капитала в России, Изд. Комкадемии, 1930.

⁶ Ваног Н., Финансовый капитал в России накануне Мировой войны, изд. 3-е.

ИЗВЕЩЕНИЕ

Редакция журнала „Проблемы экономики“ организует заочную консультацию по экономическим вопросам для научных работников, проживающих в провинции. Консультация будет даваться специалистами по отдельным вопросам.

Ответы по наиболее интересным вопросам будут печататься в журнале „Проблемы экономики“, остальные будут пересылаться по почте.

Запросы направлять по адресу: Москва, ГСП 10, Волхонка 14, Комакадемия, редакции журнала „Проблемы экономики“.

Редакция журнала „Проблемы экономики“
и Консультационное бюро

ИСПРАВЛЕНИЕ

По техническому недосмотру в № 7 журнала „Проблемы экономики“, в статье В. Гилевича на стр. 104 пропущено примечание редакции «в порядке обсуждения».

Указанное примечание имеется лишь в оглавлении на последней странице журнала.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Борманн Б., Вайсберг Р., Грановский Е., Ковалов Г., Кривичевский М., Милютин В. (отв. ред.), Рубинштейн М., Флаксерман Ю.